

Михаил Хейфец

**Воспоминаний
грустный
свиток**

Михаил Хейфец

ВОСПОМИНАНИЙ ГРУСТНЫЙ СВИТОК

"Ведь надо уж все сказать. Ведь этот народ самый лучший был народ из всего народа нашего. И погибли даром великие силы, погибли бесцельно, безвозвратно..."

Ф. Достоевский
"Записки из Мертвого дома"

Иерусалим, 1996

Хейфец М.

Воспоминаний грустный свиток

Издательство “Бесэдер”, 1996, 196 с.

Редактор М. Галесник

Художник А. Даниэль

График Ю. Гурь-Арье

Корректор Л. Драгницкая

Publisher “Beseder Ltd.”

P.O.B. 3233 Jerusalem

91030 Israel

OCR Давид Титиевский, май 2019 г., Хайфа

*Автор выражает благодарность фонду АМОС президента
Израиля за помощь при написании книги и членам семьи Бром-
берггов, пожертвовавшим средства на ее издание.*

ISBN 965-7031-07-9

All rights reserved.

© Michail Heifetz

© Beseder Ltd.

© Design DCDesign

Оглавление

Ищу неизвестного прозаика	4
“Значит, вам нужен гадкий утенок нашей семьи?”	17
От “Народной воли” – к сионизму-социализму	22
Неизвестные годы Воли	38
Письма из Суздальского изолятора	86
Ссылка	102
Это назвали “свободой”	146
На пути к расстрелу	160

ИЩУ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОЗАИКА

Я работал журналистом в "Окнах", пятничном приложении к израильской газете "Вести": сочинял еженедельные статьи на исторические сюжеты.

Осенним днем 1992 года вызывает меня редактор.

– Когда-нибудь ты слышал в русской прозе такое имя – Вениамин Бромберг?

– Нет. Ничего оно моему слуху не говорит.

– И я никогда не слышала... Вчера приносят конверт. Вложены два рассказа. Написаны абсолютно профессионально. Я в "самотеке" впервые увидела профессиональную писательскую руку. Кто он? Как могло такое быть вообще – что работал в русской прозе профессионал, даже фамилию которого мы с тобой оба никогда не слышали? И Бар-Селла не слышал, и Гольдштейн...

Возьми рассказы домой, почитай. Потом скажешь свое мнение.

* * *

Не желая навязывать "мнение" читателю, прилагаю к первой главе оба текста, присланные в "Окна".

Вениамин Бромберг КОНЕЦ МУЗЫКАНТА

Все могло идти своим порядком, если б не вмешался несуразный случай. Рыжий Давид про-

должал бы играть на скрипке, пилил по-прежнему бесконечные гаммы, и кто знает? — может статься, и добился своего. На свете немало таких рыжих Давидов, играющих на скрипке.

Но подкрались суматошные дни. Они стоили южному городку много крови и слез. Они спутали протоптанные дороги и завяляли багряной пылью ясное южное небо. В эти дни городок истово крестился снарядами и пулями, из конца в конец, наотмашь. Городок в страхе приседал, его низенькие домишки брюхом жались к земле. Неизвестно ведь было, куда ляжет каждая из шальных свистящих угроз. Случилось так, что одна из них улеглась поперек жизни Давида, который играл на скрипке.

Есть люди, рыжие с головы до ног. Таким был Давид. Он был весь изжелта бледен, это был цветок вырождения и болезней, наливающих слабое тело пухлой полнотой. Такие люди имеют свой запах — затхлый и кислый: это плесень в подвале человечества. Отец его был увеличенных размеров той же породы. Годы и жизнь заострили лишь углы и линии. Старый Тагер прошел в свое время школу нищенства и бедствий, но не остался за бортом. Трофеем его ожесточенной схватки с жизнью явился темный вонючий трактир, где толкалась целый день базарная голытьба.

Давид был единственным его сыном. Он должен был перенять от отца плод жизненных достижений. Но Давида тянуло к скрипке.

Старик Тагер отдал его в коммерческое училище и не желал слышать ни о каких скрипках. Он любил сына и хотел избавить от пинков жизни. И когда однажды Давид заупрямился в своем желании учиться музыке, старик жестоко, до бесчувствия избил сына и отливал потом холодной водой.

После этой истории Давид замолчал, но старый Тагер сам не выдержал тона: через пару дней привел к Давиду учителя, скрипача из старшего класса музыкального училища. Давид принял это как должное, и семейный мир был восстановлен.

Через год Давид кое-как играл. Это была скверная и неприятная музыка. Он фальшивил и скрипел свои гаммы и упражнения и не замечал ни фальши, ни скрипа — такой уж у него был отвратительный слух, тут ничего не поделаешь.

Давид оказался совершенно немзыкален. Это было печально. Но он любил музыку так, как только может ее любить дитя еврейской нищеты. И это было еще печальнее. Единственное, что он должен был сделать — раз и навсегда забыть о скрипке. Но вместо этого он работал, как вол: четыре часа ежедневно, и ни секунды меньше. Он жестоко боролся с юркой армией хвостатых точек, густо посыпанных на решетки нотной бумаги, он любил их с ненавистью человека, бес- сильного совладать с веселыми излетами их вертлявой рати. В жестокой этой борьбе победа осталась за ним, потому что на его стороне были терпение и настойчивость. Два часа утром, два часа вечером, невзирая на пьяненький говор трактира, ежедневно, вот уже четыре года — да, он знал, что делает! Он хотел стать музыкантом, скрипачом.

От первого своего учителя — долговязого юноши, по вечерам игравшего в дешевых притонах чувствительные романсы, — Давид ушел к старику-чеху. Чех одиноко жил на краю города, в чистенькой квартирке, где был всегда полумрак и масса безделушек, мебели, карточек, где пахло аккуратным холостяком и — немножко — псиной: у чеха был единственный сожитель — большой

белый шпиц. Шпиц был стар, умен и музыкален. Он тихонько подвывал в самых патетических местах концертов, которые играли ученики чеха.

Первое время Давид, как все еврейские мальчики, страшно боялся собаки. Он просидел однажды около часу совершенно неподвижно, обливаясь холодным потом, боясь шевельнуться: чех ушел куда-то, а в комнате оставался шпиц. Собака лежала в углу, ее острые уши и черные бусинки злых глаз следили за Давидом.

Но со временем они свыклись, Давид перестал холодеть от ужаса, когда собака подходила к нему, а шпиц выражал недовольство, лишь когда Давид фальшивил.

На третьем году ученья Давид вкусил терпкую горечь публичного провала. Коммерческое училище давало ученический спектакль, все дарования были мобилизованы, и на маленькой афишке ослепительно засияло: "...N 8. Д. Тагер. Исполнит "Арию с вариациями" Берио, под аккомпанемент фортепьяно".

Четыре ежедневных часа чудовищно выросли, они разбухли до восьми и больше: Давид готовился к выступлению. В вечер концерта за кулисами самодельной сцены в последний момент перед выходом, он хотел еще раз посмотреть в ноты, в последний раз. Но ему не дали. Его вытолкнули на сцену, и в беспамятстве сыграл он свою "Арию с вариациями".

Пальцы были скользкими от бессильного пота, смычок неудержимо трясся на струнах – и Давид вдруг и бесследно забыл финал. Он жалко опустил замолкшую скрипку и остался стоять посреди нестерпимо яркой сцены...

Аkkомпаниатор не растерялся, он был опытным тапером. Загремев фортиссимо, закончил эффектным аккордом и ушел впереди Давида за

кулисы, шипя и ругаясь. Это был обыкновенный провал начинающего музыканта, все в порядке, но для Давида он стал глубокой и незакрывающейся раной. Мотив забытого финала неотвязно преследовал его после концерта долгое время. Он вырос из книг, из нот, он появлялся внезапно и неотступно — пока Давиду не удалось заставить себя забыть и мотив этот, и все свое первое музыкальное выступление.

К тому времени учитель его, чех, стал преподавателем музыкального училища — и Давид поступил туда же. Невиданная жизнь мастерской, где делали вундеркиндов, охватила его и увлекла за собой. Он проводил дни и вечера в путаных коридорах здания.

Бесчисленные комнаты истекали музыкой. Музыка заполняла все поры здания, она просачивалась наружу, она обрушивалась на прохожих вскриками певцов, громовыми раскатами фортепьянных арпеджио, интимным гудением виолончелей. Старое здание училища походило на огромный симфонический оркестр на репетиции, когда ноты розданы и в гулкой пустоте зала стоит хаос настраиваемых инструментов, обрывков мелодий и раздраженного стука дирижерской палочки.

Но здесь, в училище, хаос держался непрерывно. Он был обычным состоянием, он был той атмосферой, которой дышали. Давид вдыхал ее полной грудью. Он проводил все свое свободное время в этом улье, жужжавшем, звеневшем и певшем.

Но пришло время, когда улей затих, замер, опустел.

Городок трясла лихорадка страха. Это было не в первый и не в последний раз: отступали махновцы и наступали красные. Из-за реки, из-за

неведомой голубой дали приходил негромкий вздох, сытое урчание — и через минуту над городом рождался поющий свист, долгий, пугающий. Секунда — и тишина взрывалась гулом разрыва. Через минуту — новый вздох из солнечного далека — и снова тихий, ноющий посвист снаряда. К этому привыкли. Это уже не пугало. Но приближался самый жуткий момент в этом привычном страхе: то был момент ухода махновцев.

Махновцы уходили. Испуганной тишиной быстро наливались улицы, слепли дома бельмами закрытых ставен. Уже доносились откуда-то истошные крики. И не понять было: режут ли человека или кричит он в предсмертном страхе, в дикой тоске своей, еще не видя самой смерти?

В этот день Давид был у своего чеха. Он пошел к нему, несмотря на страх, нависший над городом: урок нельзя было пропустить. Обрато Давид шел по опустелым улицам, и, верно, дика и непонятна была его жалкая фигура со скрипичным футляром — на фоне вымершего города. На одном углу, возле опущенной железной шторы магазина, асфальт был вымазан красным, а на шторе веером расходились темные брызги: то человеческая кровь разрисовала узорчато асфальт и железо.

Через необычно молчаливый базар Давид прошел к той улице, где был их трактир, — там уже никого не было. Надо было торопиться, надо было спешить, потому что город вымер и одинокая фигура со скрипкой слишком заметна была. Но ноги Давида вдруг чугунно отяжелели, но сердце рванулось и замерло: двери трактира были настежь распахнуты. Но еще ужаснее была тишина, которая нависла на улице, перед домом, и за разинутой пастью двери. И в момент, когда Давиду невольно стала эта мертвая тишина родно-

го дома, — она разорвалась вскриком, она треснула высоким жалобным воплем, — и вскрик этот так же внезапно и вдруг задохся, исчез.

Это был голос старика Тагера.

Ноги Давида стали вдруг невероятно легки, они подняли его и бросили к распахнутым дверям трактира — и в темном их провале он столкнулся лицом к лицу с махновцем.

Обеими руками человек тащил тяжелый ящик. Лицо его, опаленное жаром убийства и водки, было прекрасно. Увидев Давида, он подошел к нему и носком тяжелого сапога ударил скрипичный футляр. Футляр треснул, вылетел из рук Давида и упал на мостовую, рассыпавшись на части.

И из этих частей возникла на камнях скрипка.

Она покатила по мостовой, скользя своими блестящими гнутыми боками и звеня струнами. Давид задохнулся в яростном рыдании. Блестящие бока разбитой скрипки ослепили его. Со сжатыми кулаками, на дрожащих ногах он шагнул к махновцу. Он был страшен и жалок, Давид. Дрожь ужаса и яростного горя била его тщедушное тело, пока махновец стягивал с плеча винтовку. Неотвратимое отверстие ее дула поднималось перед Давидом, и когда оно оказалось вровень с его грудью — махновец выстрелил.

Давид не услышал ничего.

Беззвучный язык пламени жарко толкнул его в грудь. От толчка Давид повернулся и пошел. Но внезапно улица качнулась влево и вверх, вскинувшаяся земля с размаху больно ударила его в лицо, и от этого удара — в голову ворвалась тьма и залила все.

Давид остался лежать на мостовой, правая его рука была нелепо подвернута под туловище,

шапка слетела, и вокруг рыжей головы медленно набухла темная лужица крови.

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Это было на юге, в южном городке, который сбегает с высоты рыжих обрывов к морю, где наверху шахматная доска улиц, а внизу пыль, стук и звон порта; где толпа галдит на жаргоне биржевых спекулянтов, иностранных матросов и портовых проституток, где люди днем делают из воздуха деньги, чтобы ночью пустить их на воздух. Это было в городе, где по вечерам раскрытые окна домов харкают на улицу смесью экзерсисов, Бетховена и модных куплетов, а публичные дома на площади сжали кольцом двуглавый собор. Это было в Одессе.

В Одессе, еще не так давно убравшей последние трупы голодающих со своих улиц, еще глядящей с окраин оскалом каменных руин, еще не зализавшей ран разрухи.

В непривычно тихом порту, где свеча маяка сторожит сонную тишь залива, а шуршащие волны перешептываются с изломанным хребтом волнореза, в этом оскопленном порту стояли одинокие пароходы, откуда-то пришедшие, куда-то идущие. И среди них — судно под немецким флагом, черное судно, привезшее очередную порцию грузов для нансеновских столовых и оставшихся пунктов АРА. Доживали последние эти столовки и пункты: нэп отрубал хвосты очередей около отделений АРА. Нэп расползлся щупальцами лавок, лавочек, лавчонок, заворачивал говорливый хоровод, спекулянтский водоворот на черной бирже, у кафе Фанкони и Робина.

Разгружали черного немца неторопливо. Хрюкала лебедка, ржаво скрипел трос, с визгом летел

в трюм, чтобы мертвой хваткой вытащить оттуда покорный тюк. Вдрагивали мостки под чугунными шагами грузчиков, горбатых ящиками и мешками. Нарастало рокотом и с треском обрывалось что-то в железной груди фыркающих бензиновой гарью грузовиков. Висела в воздухе пудовая ругань — непрерывная, мохнатая, монотонная. И над всем этим смеялось солнце, расплескиваясь тысячью блесток в светло-зеленой весенней волне.

Текли потоком аккуратные ящички сгущенного молока. Тяжко кряхтели грузные ящики медикаментов. Пылили затхлой пылью и нафталином огромные тюки, беременные старой одеждой. Пучили тугое вымя мешки маиса, риса и сахара. Черное немецкое судно попыхивало деловито трубой, как немец трубкой. Оно невозмутимо следило, как люди ходят, стучат и гремят по его широкой, покато́й спине и копаются в его сытом трюме. Черное судно изредка только чуть-чуть вздыхало, поскрипывая притянутым к берегу бортом, и на его крутых бортах играли в беззвучную игру зайчики, отблески радостной солнечной ряби, разбегающиеся морщинками по морской волне.

Далеко, в солнечной дымке залива, зародился огненный осиный звук, это док гудел о том, что уже двенадцать часов и что пора делать обеденный перерыв.

Догремела лебедка. Еще с пару минут повозились грузчики с большим ящиком — и оставили его одиноко торчать на парапете набережной, у схода, чтоб взяться за него после перерыва. А сейчас — через дорогу на бревнах — разлеглись, расселись группами, разложили узелки и портянки. Кушать и переобуваться надо, времени мало. Украдкой поблескивала узеньким горлыш-

ком бутылка самогона. Пока ели и пили – разговаривали, жующим ртом хрипели обрывки слов, ржали нутром от сытой шутки, переругивались матерно, пьяные от солнца, от еды, от усталости. Потом полегла куча тел меж бревнами, и шапки на лицах – послеобеденный отдых.

А около выгруженных ящичков сидел Людвиг. Был он родом из Голландии, голубоглаз, рус и силен. Носил на ремне через плечо карабин и курил коричневую трубку.

Он охранял грузы АРА. Для этого его и привезли сюда вместе со столами, шкафами и прочей обстановкой конторы. Раньше, по воскресеньям, когда столы и шкафы затихали в пустых комнатах, Людвиг садился в кресло секретаря и выводил письмо домой – о голодном городе и людях с красными флагами на умирающих улицах. Но эти дни прошли, голодающие исчезли с улиц. Теперь Людвиг по воскресеньям ходил на Дерибасовскую улицу, там по вечерам было шумно и весело, – и, может быть, поэтому письма его домой становились все тоньше и тоньше.

А сейчас он сидел на груди ящичков, погруженный в полуденный зной залива. Думал ли он в эту минуту о своей Голландии, которая так же смотрится в зеркало вод, как и этот город? Или вспоминал минувшее воскресенье и девушку с малиновыми губами, которая щебетала ему что-то непонятное и веселое и у которой он провел вечер? Может быть, он думал о ней, – но он обернулся и встал, потому что за грудой ящичков кто-то возился, а ему, Людвигу, велено было смотреть за грузчиками, любящими сахар и сгущенное молоко. Он знал, что длинные рубахи грузчиков таинственны, что в них бесследно исчезают банки молока и фунты сахара, – но он знал также, что у грузчиков широкие волосатые

груди и каменные кулаки, крепко зажимающие нож. Он знал это — и потому не торопился. Он хотел дать уйти тому, кто возился за ящиками. Но тот не уходил. Возня прекратилась только тогда, когда рука Людвига легла на плечо грузчика. Но рука недолго оставалась там. Она должна была схватиться за кобуру револьвера, потому что расвирепевший грузчик отмахнулся и ткнул гранитом кулака в ровный ряд Людвиговых зубов. И тогда — Людвиг забыл о себе, о грузчике, о море и о черноволосой девушке, которая так весело смеялась. Он выхватил револьвер, выстрелил в упор, потому что был молод, горяч и глуп и не привык чувствовать во рту вкус выбитых зубов. Он выстрелил — и через секунду револьвер сиротливо чернел на мостовой, в пятнадцати шагах от того места, где раньше был Людвиг. Раньше — потому что сейчас Людвига там не было. Там клубилась каша тел, там бился в судорожном хрипе многоногий и многорукий клубок. А в следующую секунду, оставив на камнях черное тело грузчика, клубок подкатился к набережной и изрыгнул в воду то, что осталось от Людвига, — выплюнул его и остановился, тяжело дыша.

Но еще не все кончилось.

На поверхности воды на мгновение показалась голова. Только на мгновение: десятки рук погрузили багром обратно в воду всплывшую голову. Это пришлось сделать только один раз. Голова больше не появлялась. Вместо нее вода вскипела белой мутью и пузырями пены.

Круги расходились по воде, все шире и шире — набережная тревожно переливалась свирелью милицейских свистков.

Назавтра я пришел к редактору в кабинет.

– Ты права: это писал профессионал. Рассказы сделаны в стиле двадцатых годов. Бабель был явным образцом! Второй рассказ, видится, будет посильнее... В первом чувствую что-то личное, исповедное, и от Бабеля ходов и тропов позаимствовано побольше... А второй – это проза про "другое". Набоков ведь говорил о склонности начинающих авторов вводить себя или "своего представителя" в первые сочинения и объяснял это не столько даже соблазном, мол, "тема готовая", но просто чувством облегчения: отделавшись, наконец, от себя, любимого, писатель только и становился способен переходить к более интересным сюжетам. Но переход от "исповеди" к остранным текстам нормально, по моим прикидкам, занимает у творческого человека годы... А этот Бромберг сделал свой скачок мгновенно. Конечно, его сразу надо печатать. Это же наше открытие!

– Я спрашивала специалистов. Профессору Тименчику из Иерусалимского университета припомнилось: какой-то Бромберг в 20-х годах работал в украинском литературоведении. Миша Генделев тоже припомнил, будто бы в антологии русской поэзии XX века – знаешь этот девятитомник Кузьминского? – упомянут некий Бромберг, один из создателей поэтического андерграунда. Но от творчества того поэта вроде бы не осталось ни строчки...

В ходе нашего разговора я, помню, мысленно прикидывал: чтоб начинающий автор вступал в литературу с профессионально написанной прозой – такое, по-моему, в России получилось лишь у двух писателей: Достоевский начал "Бедными людьми", а Лев Толстой – "Детством".

– Что сказано в сопроводилровке? – спрашиваю.

– На конверте адрес и телефон его брата. И – все. Нет, брат еще приписал два слова: Вениамин Бромберг был расстрелян на Колыме в 42-м году. В

общем, это дело по твоей части...

Последней фразой редактор намекала не столько на отведенную "под меня" газетную территорию – исторические сюжеты, но на мое личное прошлое – шестилетний диссидентский срок в мордовских лагерях и казахской ссылке 70-х годов.

– Срочно поезжай к брату, достань данные для нашей публикации: хоть какие-то биографические данные для врезки, желательно фотографию (нужно дать что-то графикам). Главное – выясни, есть ли там, у брата, в архиве что-нибудь еще. Должно быть! Не мог такой автор два рассказа за жизнь написать... Сделай все побыстрее. У Вики получишь талон на такси.

Ого! Это, поделюсь с читателями, было подарком! Талон на такси в "Вестях" означал особое доверие начальства и – срочность задания. Хотя потом уже выяснилось, что в такси не было никакой нужды: квартира Якова Бромберга находилась в 12 - 15 минутах неспешной ходьбы от редакции. Но поскольку история автора рассказов заинтересовала меня лично, вне журналистского задания (скоро в "Окнах" появилась моя статья), – я много раз уже сам, от себя, ходил в гости к Якову Бромбергу на улицу Лисин в Тель-Авиве, как правило, после работы и – просто пешком.

"ЗНАЧИТ, ВАМ НУЖЕН ГАДКИЙ УТЕНОК НАШЕЙ СЕМЬИ?"

– Господин Яков Бромберг?

– Господин Михаил Хейфец? Из газеты?

...Брат Вениамина Бромберга в тот день, когда мы познакомились, показался мне новым чудом света!

Человеку шел, господи помилуй, 92-й год! Только в Израиле он жил почти семь десятилетий. Но передвигался по просторной квартире быстро, память оставалась острой – и Яков точно помнил, где, какие документы у него лежат, перечислял в беседах перипетии минувших личных и политических поворотов и – что особенно меня поразило – великолепно владел русским языком, которым в быту ему не приходилось пользоваться, повторяю, уже 69 лет! "Да, жили люди в наше время..." Правда, в "историческую" беседу, наполненную специальными терминами, он вкраплял иногда "ивритизмы": "Воля организовывал на местах снифим... Как это будет по-русски?" – "Ячейки". – "Да-да, ячейки".

– Значит, вам понадобился маленький Воля? Гадкий утенок нашей семьи...

– Для начала разрешите мне несколько вопросов. Извините за спешку, но это на первый раз, я к вам сегодня ненадолго: надо подготовить рассказы в номер. Итак, не знаете ли вы, писал ваш брат Воля что-нибудь еще, кроме этих двух рассказов? Какие-то стихи? Статьи?

– Все могло быть. Мы в семье знали его только как политика.

– Как политика? Кем же он был? Нужны краткие анкетные данные для биографической врезки.

– Кем был наш Воля? Хороший вопрос. Начну, наверно, с года рождения. Родился он в девятьсот четвертом, в Херсоне. Когда был расстрелян на Колыме, ему исполнилось 38 лет. Был он членом "Мерказа", Центрального комитета "ЮгендЦеЭс" – Союза сионистско-социалистической молодежи. Работала (в подполье, конечно) такая организация у вас, в Советском Союзе. В 20-х годах. Союз молодежи при партии сионистов-социалистов. А старший наш брат, Лева (не самый старший в семье, но он был постарше меня и Воли, девяносто седьмого года), он был членом ЦК всей партии сионистов-социалистов, "ЦеЭс"... Мы, трое братьев, были тогда сионистскими политиками. Небольшими. И я тоже, только в основном я работал в Эрец-Исраэль... Всю жизнь – в Гистадруте. Возглавлял областные организации профсоюзов. В конце стал председателем Иерусалимского совета профсоюзов. Пока у нас, палестинских евреев, не было своего государства, Совет профсоюзов заменял все неполитические, хозяйственные министерства: мы вели еврейскую промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт. Все шло через нас! Немалую имели власть... Это ведь я проводил отмену посемейной платы...

Последнюю фразу Яков произнес с заметной гордостью.

Хотя мой текст – не учебник по сионизму, но интересно припомнить этот давний исторический эпизод, связанный с жизнью одного из моих персонажей, Якова Бромберга. Опасаясь возникновения партийно-бюрократической "номенклатуры", социалисты Палестины некогда выдумали "форму борьбы с привилегиями начальства". Зарплату в главной хозяйственной структуре еврейской Палестины, в Гистадруте (Объединении профсоюзов), люди получали согласно тарифной сетке, независимо от должности, квалифи-

кации, опыта, стажа работника – ни от чего, кроме... количества членов его семьи! Председателю Гистад-рута Бен-Гуриону, у которого семья была небольшой, соответственно выдавали в полчку много меньше денег, чем сторожу его же конторы, и сын Бен-Гуриона вспоминал, как в детстве завидовал сверстникам, которым дома родители давали какую-то мелочь на мороженое...

Оказывается, нынешний мой собеседник Яков и устроил в Израиле знаменитую, но позабытую уже реформу – ликвидацию этого пережитка раннего социализма!

–...Что? А, что было потом слевой?.. Лева погиб. Не был расстрелян, как Воля, – он умер в ссылке. От инфаркта. И не на Колыме, а в Якутске.

– Извините еще раз за спешку, нужно отбывать в редакцию. Последний вопрос. Нам хочется присоединить к публикации рассказов Воли Бромберга какой-то иллюстративный материал. Не найдется ли у вас его фотографии?

– Есть целый альбом старых фотографий. Может, вас заинтересует автопортрет, который он сделал с себя в камере смертников?

Ничего себе!

– Рисовать ваш Воля тоже умел?

– Он много чего умел... После вынесения смертного приговора ему дали свидание с женой – не знаю, почему такое сделали, но из камеры смертников вывели к Белле, и он смог передать ей автопортрет, сделанный им с себя в камере, и еще – завещание. И с ним – композицию. Я ездил в Россию, повидался с Волиной вдовой и с их сыном, Герцем. Это было во времена Хрущева. Мы боялись, что бумаги у меня отберут на границе, и я выучил его завещание наизусть. Здесь, в Израиле, переписал... Так что это не его почерк, это будет не оригинал.

Он протянул переписанное завещание смертника, датированное 13 августа 1939 года.

"Беллочка! Пусть эта вещь будет для тебя и для Герика приветом из того мира, который, я полагаю, кончается уходом в ничто. "Воспоминание" Пушкина я принял, как сгусток моих чувств тогда. И если буду жить, то это произведение пушкинского гения будет для меня самым дорогим, самым выстраданным – музыку для него я писал наощупь.

...Если встретишь хорошего пианиста, попроси написать аккомпанемент. Вещь эта очень дорога мне, независимо от того, заслуживает ли она Пушкина... Она для тебя и для Герика".

– Воля нашел в камере какую-то щепку и на ней, как на скрипке, подбирал ноты вслепую: в подвальной камере смертников была тьма. Там он и сочинил свою композицию. На стихи Пушкина.

В контексте нашего разговора, помню, я не сразу догадался: старинным словом Яков Бромберг называл музыкальные сочинения, авторские ноты брата. Их он мне тоже показал.

...Почему сионист-смертник запомнил наизусть стихи Пушкина? Не школьные тексты "солнца русской поэзии" – "Деревню", "Ариона", "Пророка", "Памятник": националисту-еврею в его смертный час вспомнились строки, что знают наизусть избранные знатоки пушкинской поэзии?

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, -
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

– Ваш брат очень любил Пушкина?

– Видите ли, господин Хейфец, я брата Волю знал неблизко. Он был младшим из нас, пятерых детей. Я ушел из родительского дома, когда Воле исполнилось семнадцать лет. Почти не пришлось после этого встречаться. По дороге в Эрец-Исраэль несколько месяцев я жил в Киеве, у нашей тетки, врача-педиатра Екатерины Дорфман, и там рассказывали киевские товарищи-сионисты (Воля у Катеньки тоже жил некоторое время), каким знаменитым подпольщиком сделался наш бромберговский "мизинчик". Ездил по всей Белоруссии, по Украине, появлялся в разных местечках раздетым, потому что в дороге приходилось продавать одежду прямо с тела, чтоб купить билет до нужного пункта, эта деталь запомнилась – денег у организации не было совсем, он на свои должен был ездить повсюду – и создавал в местечках ячейки. Ячейки партии и союза "Югенд-ЦеЭс".

Что еще для вас припомнить о нем? Детали какие-то запомнились, иногда смешные, из нашего детского прошлого, но они вряд ли пригодятся... Такая, например: в марте семнадцатого года малыш Воля – ему только отметили "бар-мицву", тринадцать лет, – вернулся из гимназии и сообщил новость: "В гимназии говорят – царя уволили с работы..."

– Где это все происходило?

– В Херсоне. Мы все херсонские. Херсон был тогда большим губернским городом. Если хотите, могу рассказать подробно про всю семью Бромбергов. Она того заслужила...

ОТ "НАРОДНОЙ ВОЛИ" – К СИОНИЗМУ-СОЦИАЛИЗМУ

Дедом сионистов Левы, Якова и Воли Бромбергов по линии отца был одесский купец Давид-Вольф Бромберг.

Давид-Вольф занимался коммерцией в Одессе в эпоху Александра II Освободителя. Настала для российского еврейства "Хаскала" – эпоха еврейского Просвещения. Имперские власти вдруг надумали приобщить замкнутую – как индийская каста – колоссальную еврейскую общину державы к общероссийскому и европейскому древам культуры. И община сама, робко и романтично, вдруг начала верить в неслыханную роскошь общения, во что-то хорошее, в чьи-то добрые намерения... Куда терпимей, чем в прошлом, общинные авторитеты воспринимали теперь тот факт, что еврейские мальчишки посещают не только хедеры и талмуд-торы, но и казенные гимназии или коммерческие училища. Давид послал сына, Файвеля, отца "моих" братьев Бромбергов, учиться во Вторую одесскую гимназию. Файвель кончил ее в 1885 году и в августе поступил на юридический факультет Новороссийского университета.

Середина 80-х годов – последние битвы "Народной воли", но современники об этом не догадываются... Арестован, казнен, заточен в крепость великий Исполнительный комитет. Временно спасшиеся или заново кооптированные его члены, сохраняя от провалов подпольный центр, "поменяли географию": актив партии из столиц, пронизанных во всех направ-

лениях провокатурой, перевелся на Юг. Фигнер, Халтурин, Романенко, Златопольский – все на Украине. В стенах Новороссийского университета расположена вербовочная база молодых членов "Народной воли"...

Файвель вряд ли подозревал, что, став студентом, угодил в самое гнездовье, в центральный ключ революционной России. Но уже на первом курсе фамилия купеческого сына занесена в архив жандармского управления ("участник беспорядков"). Его посадили в карцер (на два дня) "с предупреждением". На втором курсе архив зафиксировал первый обыск у Файвеля Бромберга – но "без последствий": ничего не найдено. С третьего курса он исключен "без права обратного поступления" (это произошло после студенческих беспорядков декабря 1887 года).

1887 год – год "второго Первого марта". Студенты-бомбисты схвачены и обезврежены жандармским патрулем на улицах Санкт-Петербурга за считанные минуты до возможного убийства царя. Все террористы оказались лицами, въехавшими в столицу с юга; главный организатор – Шевырев – одессит. Естественно, после таких арестов Одесское жандармское управление получило "накачку" и, как скажут в следующем веке, все время "стояло на ушах", под лупой разглядывая подозрительных студентов. Через три дня после исключения из университета Файвель Бромберг был обыскан и арестован...

Обвинительное заключение гласило: посещал заседания социалистического кружка Д. Кобермана – что было правдой. Его продержали в тюрьме полгода. Серьезных улик не нашли и в июле 1888 года экз-студента отпустили на поруки родителям. Но следствие продолжалось: на обыске обнаружили письма. Через них жандармы вышли на его иногородних подельников. В Севастополе, например, по этому же делу одесские жандармы арестовали Эстер Дорфман.

Эстер, как и Файвель, родом из семьи купца 2-й гильдии, севастопольского подрядчика Моисея Дорфмана. Образование, как у нормальной еврейской девочки, – домашнее. Из писем, изъятых на обыске в Одессе, следователи узнали, что Эстер помогая Файвелю устраивать лотерею, доходы от которой шли в кассу "Народной воли".

Все могло ограничиться полицейским надзором, но после задержания девушка вела себя в неразумной степени дерзко. Такое случается с молодыми людьми: впервые обдумывая в камерах диалог с властями, молодежь рада великолепному поводу высказать им в лицо, что на самом деле о них думает. Особое удовлетворение вызывает у юнцов тот факт, что мысли и оскорбления в адрес верхов фиксируют письменно – и потом подают на "самый пик". Ну как отказать себе в удовольствии подерзнуть, похамить начальству, когда, скажем, их отцы и деды подличают и лицемерят перед этим начальством! В листах дела Эстер Дорфман зафиксировали, что девица "состояла в революционном кружке", "сочувствует всем стремлениям социально-революционной партии, направленным на свержение существующего порядка, который считает нежелательным". Так и записано: севастопольской девице государственный строй великой империи представляется "нежелательным"... Кроме того, признала, что помогла скрыться из Севастополя "лицу, которому угрожала опасность задержания", но назвать "лицо" категорически отказалась (после 1917 года выяснилось: известный революционер А. Н. Калабухов). Признала и участие в злосчастной лотерее...

Следствие завершилось не в зале суда. Но – Высочайшим повелением: Файвеля в июне 1889 года заключили в Петербургскую одиночную тюрьму (Петропавловскую крепость); Эстер – в Севастопольскую тюрьму на полтора года.

Даже года не досидел Файвель до "звонка": через

восемь месяцев подал прошение на Высочайшее имя о помиловании – и получил помиловку.

– Отец возмущался, когда говорили, что он вышел из тюрьмы по прошению о помиловании, – повествовал Яков. – Рассказывал детям, что выпустили его по состоянию здоровья...

Узнаю в брюзжании Файвеля Бромберга советско-диссидентские комплексы! Нестерпимо позорной в мордовских и пермских политзонах считалась подача эском прошения о помиловании ("помиловки"). Почему? А вот почему. Чего хотела советская власть от диссидента? Чтоб он стал, "как все". А "все" – не лица, любящие власть или признающие ее правоту. Она и сама-то в своей правоте сомневалась. "Все" – это люди, думающие про власть одно, а вслух говорящие другое. Политический преступник, если просит у начальства помилования, конечно, лжет про "искреннее раскаяние", никто насчет "искренности" не обманывался, и начальство понимало, что это все ложь. Но понимало и другое: в руках останется письменное свидетельство превращения диссидента в законопослушного лжеца, в нормального гражданина империи... Соглашаясь лгать властям, диссидент тем самым доказывал, что более не диссидент, но духовный капитулянт. "Исправился". И потому имеет право, если кому-то нужно, получить свободу. Оказывается, уже в прошлом веке помиловка понималась эсками так же, как при советской власти!

После освобождения Файвель был поставлен под негласный полицейский надзор. Ушел он из-под надзора неожиданным для жандармов ходом: вступил вольноопределяющимся в армию, в 14-й гренадерский Грузинский полк, стоявший гарнизоном в урочище Белый Ключ.

Служил Бромберг-отец, наверно, неплохо: через два года был произведен в ефрейторы. Пришлось, однако, уволиться в запас: Эстер кончила срок, и пора было молодым людям определить дальнейшую судьбу...

Файвель поступил учиться в Одесскую зубо-врачебную школу – и часто писал письма в Севастополь. 13 августа 1893 года они с Эстер поженились – “устроили хупу”. Поселились сначала в Одессе. Эстер училась в повивальной школе и занималась практическим акушерством. Революционную практику пришлось отложить в сторону: требовалось зарабатывать деньги на существование. Дети пошли... В конечном итоге их оказалось пятеро: четверо мальчиков – первенец Эфраим, он же Ефим; второй – Лев; третий – мой нынешний собеседник Яков, по-домашнему ласково Яшура, или еще чаще – Шура; и “мизинчик”, наш герой Вениамин, по-домашнему Воля, – и девочка Бэлла.

– В 97-м году, когда родился Лева, отцу предложили службу в земстве, в Херсоне. И наша семья переехала в губернский город, – рассказывает Яков.

– На какое место приняли вашего отца?

– Сначала писцом в уезд. Потом он служил – тоже писцом – в губернской управе. Одно время основал и редактировал в Херсоне местную газету “Юг”. Начальство ее задушило...

– Газета была еврейская?

– Нет, обыкновенная русская. Либеральная. Быстро задушили. Это они умели. Хорошо умели.

Не знаю точно, как душили херсонский “Юг”, свидетельств не осталось, но журналистка из “соседнего”, екатеринославского “Приднепровского края”, Ариадна Тыркова-Вильямс описала типичное положение прессы в украинской провинции:

“Политических тем я, конечно, не касалась – их цензура не пропускала вовсе. Но о чем бы мы ни писали, власть всегда чуяла в наших словах и наших умолчаниях строптивый дух оппозиции. И была права. Но и мы тоже не были виноваты, что нам было тесно, что переросли загородки, куда правительство втискивало русскую мысль.

Оно не понимало, что нарастает энергия, которую опасно держать под спудом.

...Порядок был такой: корректура набранного номера посылалась к цензору. Он отмечал негодные места, и, когда, расчерканный красными чернилами, лист возвращался в редакцию, надо было в спешке, ночью, вынимать преступные места, штопать страницы, затыкать запрещенные гранки каким-то материалом, раньше прошедшим цензуру. Наш редактор пробовал завести другой порядок: стал рассылать номер в таком виде, как получал его от цензора, и потому страницы постоянно белели пустыми местами. Чиновники злились, но не было ведь закона, запрещающего оставлять пустоты. Наконец, наш редактор, видимо, переборщил: корректурные листы вернулись из цензуры почти сплошь замазанными красным, одни только заголовки виднелись и отрывистые строчки непонятного текста. Редактор отпечатал так этот плешивый номер и разослал подписчикам сплошь белые страницы с отдельными фразами. Начальство взбесилось, "Приднепровский край" был закрыт".

— Один год папа занимался хлебной торговлей, — продолжал Яков, — а потом стал профессиональным репетитором для гимназистов. В городе работало несколько гимназий, ученикам всегда нужна была помощь на дому. Это и сделалось куском хлеба для всей семьи. Нас, пятерых детей, тоже выучили в херсонских гимназиях.

"...воспитание у нас в семье, к счастью, было атеистическим, но не антирелигиозным..." — найду я потом упоминание в одном из писем Левы Бромберга.

Именно в Херсоне Файвель сделался сионистом. Стал делегатом нескольких сионистских съездов. Но не сионистом-социалистом, какими потом были его дети. Он вошел в партию "Общих сионистов". Сионистов-либералов...

Неумолимые факты заставляют осознавать, что основа привычной системы культурно-этических мерок, которые кажутся нам природными свойствами человеческой души, – это не какие-то извечные мерки, как ни трудно нам вдруг в это поверить, а исторически возникшие явления. И возникшие-то, кстати, относительно недавно.

Возьмите простое и естественное чувство – стремление человека к славе... Сегодня оно выглядит нормальным, изначальным свойством любой здоровой природы. А вот, оказывается, в эпоху после Римской империи жажда славы стала нормой в Европе лишь через тысячу лет – в век Возрождения (прочитайте у классика, Я. Буркхардта – "Культура Италии в эпоху Возрождения")... Или – только после Великой чумы (XIV век) в Европе возникло понятие святости брака. А до того распутство и супружеские измены считались признанным, нормальным обычаем в христианско-церковной семейной жизни (Я. Бесмертный, "Жизнь и смерть в средние века"). Или – по утверждениям того же Буркхардта или Эриха Фромма ("Бегство от свободы") – лишь в эпоху Ренессанса у европейцев возникло понимание красоты природы, а раньше такого чувства на континенте вообще не существовало.

И стремление к богатству (особенно после толкований недалеких последователей Маркса) сегодня считают чуть ли не натуральным мотивом любой деятельности человека. Между тем оно присуще некоторым культурам, а для других характерно равнодушие, даже отвращение к богатству... А уж стремление обогатиться ради увеличения капитала, столь естественное в сегодняшней Европе, считалось в иудео-христианской цивилизации одним из семи смертных грехов – не более, но ведь и не менее. Или вот – страсть к труду, так естественно смотрящаяся в рам-

ках нынешней европейской цивилизации. Она возникла в XVI веке, а до того свободный европеец почитал труд проклятием, уделом подневольного раба.

Я перечислил неожиданные историко-психологические открытия, которые некогда ошеломили меня самого. Что до вопросов национальных... Помню, как я поразился, узнав, что венецианец Марко Поло рассказывал в конце XIII века в геновской тюремной камере о своих путешествиях пизанцу Рустичано и тот решил соединить рассказы пленного сокамерника, итальянского купца, в книгу – на СТАРОФРАНЦУЗСКОМ языке! Почему? Да потому, что национального языка, понятного для всех итальянцев, еще просто не существовало. Это – в Италии, в самой древней и цивилизованной стране тогдашней Европы!

Лирико-историческое отступление о психологии европейца в моей книге возникло не случайно. Оно, собственно, должно подготовить читателя вот к какой неожиданной мысли: фантастическим открытием явилось для совсем недавнего поколения евреев, для сверстников Файвеля Бромберга, отца того Якова, с которым в середине 90-х гг. XX века я разговаривал на улице Лисин в Тель-Авиве, – понимание того простого факта, что евреи есть не религиозная община, но особая нация! (В европейском понимании этого термина, конечно.) Как утверждают многие историки, до поколения, в сущности, всего наших дедов (или прадедов – в зависимости от возраста) в науке понятия "еврейская нация" вообще не было. И когда некто К. Сталин в теоретической брошюре "Марксизм и национальный вопрос" (1912 г.) написал, что еврейской нации не существует, автор изложил не антисемитскую, а законную и распространенную в науке его времени точку зрения. Более того, многие евреи были с ним по-своему согласны. Причем верующие евреи. Конечно, авторитеты еврейской общины для себя формулировали это пра-

вило совсем по-иному: "Израиль вне своей веры – не народ". Что означало: каждый принявший веру Израилеву становился евреем, а каждый ушедший из нее переставал им быть. По вероотступнику полагалось держать траур, "сидеть шиву", как по покойнику. Интересами еврейства считались исключительно интересы веры, толкуемые раввинами. То, что полезно для иудаизма, составляло весь интерес "народа Израилева", а что для веры сочтено вредным или хотя бы безразличным, не считалось и вообще делом еврейским! Повторяю, евреи не только не смотрелись тогда глазами других, они сами считали "ам исраэль" ("народ Израиля"), прежде всего, религиозной общиной – как не считают себя, скажем, нацией, но общиной верующих караимы в сегодняшнем Израиле, мормоны в США, старообрядцы в России.

Но в XIX веке работали историки (особенно важной оказалась деятельность германского историка Г. Греца), написавшие многотомные "Истории еврейского народа". Эти историки научно доказали миру и самим евреям, что еврейство – нация в современном смысле этого слова, а не просто группа верующих. Эпохальное было открытие! Сегодня-то оно нам кажется само собой разумеющимся, вечно существующим фактом...

Завершилось это открытие созданием еврейского национального движения, лишь в 1890 году получившем самоназвание – сионизм.

Сионизм был национальным, но одновременно и революционным движением. Ведь если "в начале был народ", а религия есть духовное творение народа, а не наоборот, то народ получает право и поменять все приоритеты – в том числе своей религии и культуры. Народ становится СУВЕРЕНОМ! Значит, без Торы, без заповедей тоже можно считаться евреем? Более того, добрым евреем?! Более добрым, чем тот, кто читит и Тору, и заповеди, накладывает филин и талес?.. Главным критерием "доброто ев-

рейства” стали теперь служить не религиозные ритуалы, а исполнение национального долга. И долг этот формулировали не религиозные деятели, а совсем иные, национальные, инстанции...

Сионизм одновременно взорвал приоритеты и светско-либерального еврейского истеблишмента. Он взрывал всю шкалу ценностей еврейского Просвещения – “Хаскалы”! Европейская цивилизация, приобщение к мировой культуре и науке объявлялись не автономной задачей, но действием, сопутствующим национальным еврейским устремлениям! Что значило: да, приобщиться к мировой цивилизации желательно, но – на фундаменте самостоятельно выработанных национальных ценностей. Лозунг “освобождения” (“эмансипации”) еврейских масс сменился “самоосвобождением” (“автоэмансипацией” – название брошюры первого идеолога российских сионистов, врача-одессита Л. Пинскера). В рамках общеевропейской цивилизации евреи находили самостоятельную дорогу, свой путь – он считался их национальным вкладом в мировую цивилизацию. “Мы не слепые пользователи, не паразиты западной цивилизации, но – автономные и оригинально действующие сотворцы Нового времени, сотворцы нового, вестернизованного мира и человечества”.

Легко представляю, как сионизм увлек херсонско-одесскую компанию – Бромбергов и Дорфманов! Живое, современное, светское, составленное в духе современных европейских сюжетов учение... Модерновыми тогда считались сюжеты национальные! Революционное по сути, либерально-демократическое по целям. Политически ориентированное на старейшую и авторитетнейшую демократию Европы – на Великобританию, где тоже пользовалось взаимной симпатией. В России сионизм еще считался нелегальным, чем, конечно, привлекал всякую, еврейскую тоже, общественность. Но характерно – запрещенный сионизм реально правительством не преследо-

вался: кабинет Николая II не любил еврейскую самодеятельность, тем паче управляемую из Вены, но был не против, чтоб побольше этих еврейских "леваков" и либералов покидало в рамках модного сионизма пределы любезного отечества. Сионизм изготовили будто по мерке менталитета оппозиционной, но одновременно солидной, многодетной, достигшей "уровня" семьи херсонского учителя. Плюс: сионистское движение в принципе, конечно было политическим, что должно было нравиться бывшему народовольцу. Но на практике не совсем политическим, и это тоже устраивало учителя: появлялась масса реальной, деловой работы. Где-то создавались плантации, фермы, учебные участки, школы по изучению иврита. Сионизм был как бы утопией, вроде социализма (ну кто ж, господа, верит всерьез, что можно создать Еврейское государство в Палестине, каждому нормальному человеку ясно, что это – романтическая мечта), но также вполне реалистическим движением. Можно сесть на пароход и отправиться в эту легендарную Палестину, можно пожить, поработать в библейском Иерусалиме, строить несуществующее государство своими руками или помогать конкретными делами его строителям на месте, в Херсоне. Цели, сказочно романтические (например, воскресить древнееврейский язык, сделать его современным) и доступно посильные, – тот же иврит, скажем, можно и выучить, можно на нем говорить, как на любом иностранном языке! Все движение как бы специально скроили по психологическому шаблону евреев-социал-революционеров. Неслучайно гиганты раннего сионизма произошли именно от российских народовольцев! Одесский народоволец Меир Дизенгоф основал первый в новой истории еврейский город – Тель-Авив; литовский народник Элизер Перельман воскресил древнееврейский язык, сделал из него иврит; сибирский эсер Моше Новомейский создал самое крупное промышленное предприятие Палести-

ны – химический комбинат на Мертвом море; другой эсер, Пинхас Рутенберг, заложил основы всей палестинской энергетики. И так далее.

* * *

Принципиальным отличием сионизма от всех других, нормальных национальных движений являлось острое недовольство идеологов еврейского национализма – собственным народом.

Нормальные националисты свой народ восхваляют: лучшие качества человечества, оказывается, скрыты в глубинах его древней – это уж обязательное условие! – народной души. Если б земляков не придавливали злодеи-угнетатели, империалисты-колониалисты, народ украсил бы собой все человечество. (Отдельному человеку тоже свойственно стремиться к самоосвобождению лишь от внешних уз. Освободившись, он, как слепец, не замечает внутри своей души преград, страхов, запретов, способных лишить смысла любую победу, одержанную над традиционными врагами его свободы.)

Надо признать, что еврейскому национальному движению повезло в те годы совершенно исключительно.

Ибо движение критически отнеслось к наличному, реальному, живому еврейству. Идеологами сионизма еврейство рассматривалось как нация, жутко изуродованная ненормальным историческим развитием. Коренные народы веками не допускали евреев к занятиям, в которых были заинтересованы сами; потому-то среди евреев мы почти не наблюдаем земледельцев (земля принадлежала дворянам, лендлордам; обрабатывалась местными крестьянами, а не пришельцами со стороны); сравнительно немного насчитывалось в еврейской среде промышленных рабочих – класс вербовался преимущественно из разоренных крестьян, для них придерживали власти

спасительный общественный клапан. Евреям выделялись занятия, которыми местное население по традиции пренебрегало: коммерческие посредники, торговцы, какие-то ремесленные специальности либо лица свободных профессий, куда вход разрешался по определению. Социальная консистенция наличного еврейского народа физически не могла сотворить никакое суверенное общество и суверенное государство. Народ подобного состава вообще не мог обеспечить свое физическое существование. Поэтому сионисты выдвинули для еврейства грандиозную, неслыханную ни у какого иного национального движения задачу: переделать народ, переделать народную структуру – причем коренным образом. Сделать народ – иным!

Такую задачу невозможно решать в рамках общепринятой в Европе рыночной системы. Еврейство, выставленное на мировой "социально-национальный рынок" в том виде, какой исторически приобрело, обрекалось на банкротство, на проигрыш. "Товар" был неконкурентным в борьбе за существование. Надлежало доделать-переделать. А сотворить переделку нации можно было единственным инструментом – идеологией модного социализма, с его культом пролетарского (физического) труда, самопожертвования личности во имя коллектива, поклонением и идейной сплоченностью масс вокруг фигур харизматических лидеров.

Необходимая оговорка (именно на русском языке): это не был тот социализм, что позднее назовут "командно-административной системой". У сионистов не имелось главного рычага сей системы – государственной власти. Попросту, по-русски говоря, у сионистов не было полицейского участка, способного укротить непокорство или принуждать к повиновению еврейскую массу. Это был ранний социализм – добровольный отказ личностей от индивидуального пути, от индивидуальной воли, от соблазнов собст-

венных возможностей. Радостное подчинение авторитарной воле. Все диктовалось свободным выбором суммы неких догм – справедливости, общенародного блага, естественно возникавшей из этого преданности – идеям и нередко вождям...

Во всех странах Европы общественное мнение раскалывалось тогда между двумя тенденциями: национальной и социалистической. Национальный лагерь всюду опирался на религиозные устои, был церковно-консервативным, лагерем Закона и Порядка. Евреев (иноверцев) в него не могли впускать по определению. Социалистический же лагерь был устремлен в "промежуточное", либерально-демократическое общество, где евреи могли считаться равными перед законом, где можно было бороться за социальную справедливость – для своего народа тоже. Евреи, отвергнутые консерваторами-националистами, но нация активная, спаянная, гибкая, маневренная, считались важными и естественными союзниками социализма. Сионизм имел уникальный исторический шанс: он один в тогдашнем мире мог, если бы захотел, использовать все ресурсы нации. Правые, буржуазные, консервативные, отчасти религиозные элементы еврейства не могли инстинктивно не сочувствовать идеалам национального Возрождения – идеалам своего общественного равенства в Европе и Америке, идеалам своего Национального Дома, атрибутам любой нормальной буржуазии в мире; но реально осуществлять национальные идеалы, создавать материальную инфраструктуру в пустынях и горах еврейской Палестины, попросту говоря – отдать единственную, свою, неповторимую жизнь национальному делу согласны были, как правило, не устроенные еврейские буржуа, а молодые и бесстрашные еврейские социалисты. Им и в России-то "нечего было терять, кроме своих цепей!"

Итак: евреи, добывшие общественное положение, благополучие, готовые жертвовать деньги и время,

общественный труд для нации, но не пожелавшие рвать тысячи нитей, связывавших их с реальными отечествами, а не надуманной Палестиной, они и составили ядро партии "Общих сионистов" — обычных, в нашем понимании, буржуазно-либеральных националистов. На Западе "Общие" стали главной колонной сионистского движения. Особенно много насчитывалось их в Германии — любимой стране еврейства. В Херсоне к ним примкнул бывший народоволец, а ныне домашний учитель Файвель Бромберг.

Но молодежь, особенно российская, кипевшая в бурливой кастрюле местного общества, увидела в сионизме не сумму идей, но живой выход из тупикового, ужасного в своей безнадежности существования. Парни и девушки не хотели жить, как жили их предки, им омерзел духовный упадок реального российского общества — и они ринулись спасать себя. Спасали странствием за три моря — в Палестину, в физический труд на горной целине, на осушении болот, на обводнении пустынь — и называли это "самовыражением", "самоспасением", "самосозиданием"! "Вместо хлеба ели хинин" — строка их поэта, И. Х. Бреннера, — и подряд стали романтическими социалистами.

Их романтизм, их "душенстроение" вдохновлялись — как положено по Шлегелю! — их народностью, общеромантическим "лица необщим выраженьем". Может, потому сионист Воля Бромберг так полюбил, вплоть до самой своей казни, первого романтика своей страны — Пушкина? Своего земляка по пространству, своего земляка по судьбе: в его Одессе поэт отбывал срок ссылки... Как сказано у Бабеля, другого их близкого по судьбе земляка-литератора: "Я вдруг, с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходившие ввысь колонны Думы, освещенную листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней, увидел в первый раз окружающее таким, каким оно

было на самом деле – затихшим и невыразимо прекрасным”.

В "отблеске луны" вокруг Пушкина формировалась душа юноши Воли Бромберга.

Социалистический, то есть гуманный романтизм соединился в молодых еврейских душах с сионистским, то есть национальным романтизмом. И вся эта главка, в сущности, написана, чтобы объяснить читателю, почему трое детей бывшего народовольца, по партийной принадлежности "общего сиониста", Файвеля Бромберга – Лев, Яков и Вениамин – сделались в те годы сионистами-социалистами.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ ВОЛИ

Почти ничего не удалось мне узнать о "таинственном" периоде жизни моих персонажей, братьев Бромбергов, – о годах подпольной деятельности. Свидетелей не осталось, документов – почти нет.

Яков любил просвещать меня, "русского", вводить в курс хитросплетений, расколов, слияний разных сионистских организаций, особенно рабочих. Рассказывал и о своей жизни: я не решался при нем поглядывать на часы, хотя иногда побаивался опоздать на работу. Запомнился, например, рассказ, как он шел пешком из вымиравшего от голода Херсона в Киев, оставив отцу все сбережения, уже скопленные на дорогу до Палестины. Как добрался до Киева, до тетки Катеньки (Екатерины Дорфман), и учился там на сионистских курсах подготовки ("ахшары") к работе в Эрец-Исраэль. Потом пошел с контрабандистами через польскую границу – границу-то пересек, но был схвачен польскими жандармами и выдан ГПУ... При обыске чекисты обнаружили в его кармане единственный не уничтоженный документ – вызов в Палестину. И неожиданно через какое-то время после ареста некто наверху принял удивительное решение: выпустить этого парня официально... Как пробирался молодой человек в Палестину через Европу (тоже рассказаны были мне поразительные приключения!), как в Константинополе юноша впервые встретил "палестинцев": профсоюзная делегация во главе с мало кому известным Давидом Бен-Гурионом ехала ему навстречу – в Москву представлять еврейско-

палестинские товары на Промышленной выставке. Сионисты налаживали торговлю с Советской Россией... Но конкретных подробностей о жизни и работе своих братьев, Льва и Воли, в сионистском подполье СССР 20-х гг. Яков сам не знал.

– Начиналось все, – рассказывал он, – с Демократической фракции. Это – самое начало века. Наши молодые люди, русские евреи, заспорили с вождем движения, Герцлем. Недовольны они были влиянием религиозных кругов, думали, что Герцль и его единомышленники, "Общие сионисты", слишком многое уступают религиозникам и еще – что "Общие" очень увлечены Большой Политикой – встречами с государственными людьми, спектаклями-конгрессами, комбинациями в прессе, словом, политической мишурой, "театром жизни", что забыли о нуждах живого народа. Особенно мучения молодежи в штетлах...

Просмотрел на меня и пояснил:

–...в местечках. Забыли про сионистское воспитание, про трудности жизни халуцим – пионеров в пустынях Эрец-Исраэль. Вожаков "демократов" вы, конечно, знаете – Хаим Вейцман, он потом стал первым президентом Израиля; Мартин Бубер, самый большой наш философ в XX веке, тоже первый президент, но Академии наук. А тогда он был вашим коллегой – газетчиком, редактором газеты "демократов", с того и карьеру начал... Про Моцкина, видимо, не слышали? По его имени город в Галилее назван – Кирьят-Моцкин. Потом у "демократов" родилось законное дитя, партия внутри сионизма, "Цеирей Сион" – в переводе и значит – "Молодые сионисты". Их лидером стал Хаим Вейцман.

До мировой войны сионисты считали, что в России у нас 18 тысяч постоянных членов движения – "шекеледателей". Не так мало, между прочим, как может показаться! После Февральской революции решили сосчитать свои силы легально – догадыва-

лись, что в годы войны движение выросло, огромные события произошли – но после подсчета сами, как говорится в России, ахнули. У нас набралось 140 тысяч реально организованных людей! А уж к октябрю, к выборам в Учредительное собрание, сделали новый подсчет, и членов разных сионистских партий набрали триста тысяч, причем состояли они в тысяче двухстах ячейках. Правда, движение раскалывалось, были десятки сионистских партий, фракций...

Яков подробно излагал мне программу каждой из них, но я не буду утомлять читателя этим перечнем, тем более что, честно говоря, я сам тогда запутался.

–...Но все-таки треть была – твердые сторонники "Цеирей Сион". "Молодые сионисты" были самой большой, самой влиятельной еврейской партией в России. Тысячи молодых людей вступили в "Цеирей Сион"! Многие говорили на иврите...

Он передохнул, потом всплеснул руками:

– Только не надейтесь, что в этом балагане вы сумеете как-то разобраться. Если так думаете, значит, совсем не понимаете сумасшедший наш народ! Это же десятки партий! Даже в самой крупной, в "Молодых сионистах", – три фракции. Самая большая – социалисты. Еще были у нас трудовики и маленькая группочка – "демократы". Мы, Бромберги, как раз были "демократами": наша организация называлась "Гистадрут".

Социалисты и трудовики объединились, сделали вместо "Цеирей Сион" новую партию – назвали ее Сионистской социалистической. Потом она опять раскололась на две партии, но это потом...

Членом ЦК этой новой – Сионистской социалистической партии стал мой брат Лева, а членом ЦК ее Союза молодежи – брат Воля.

Чтоб еще больше вас запутать, скажу, что сионисты-социалисты не были марксистами. Марксистская в сионистском движении была партия, но – другая... Еврейская коммунистическая – ЕКП. Почему мы не

были марксистами? Ну, еврейские массы не были же заводскими пролетариями, они по марксовой социальной сетке считались мелкими буржуа. Мы не могли, согласно догмам марксизма, захотеть разорения и уничтожения своей социальной опоры – еврейских трудящихся, да, но все-таки не пролетариев же... В партии работали практики, а не мечтатели. Нам нужны были капиталы для дела: для организации киббуцов, для поселений в Стране, а внутри России – для учебных лагерей, готовящих халуцим – пионеров к работе в Стране, – больше всего в сельское хозяйство. Кто мог дать капиталы на это? Еврейская буржуазия. Классовую борьбу мы признавали, отрицать не буду, но не по-большевистски, как взаимоуничтожение классов, а как "взаимодействие в соперничестве", как достижение гармоничного созидания – на благо народа...

* * *

Кое-что о жизни старшего из "тройки братьев-сионистов", Льва Бромберга, мне удалось узнать из текста речи его дочери, Геллы, приехавшей в 1989 году в Израиль из США, где она тогда жила. Но это оказались буквально крохи.

"Мой отец Лев Бромберг, – говорила она, – с 16 лет был активистом сионизма в среде учащейся молодежи. Во время Февральской революции – лидер молодежного социалистического движения в Херсоне, делегат съезда, созванного для организации этого движения на Украине. В конце 1918 г. он вступил в демократическую фракцию трудовой сионистской партии "Цеирей Сион", а после образования в 1920 г. социалистической партии ЦСП становится ее членом. В 1920-21 гг., учась на экономическом факульте-

те Новороссийского университета, отец продолжил партийную и общественную работу среди молодежи, агитируя за социалистический сионизм. Он был одним из организаторов Социалистическо-сионистского союза молодежи Украины и Белоруссии. В 1922-23 гг. отец стоял во главе парторганизации ЦСП Одессы, участвовал в разработке программы этой партии, понимая сионистское движение как движение трудящихся масс. В конце 1923 г. делегирован в Ленинград для отработки программы и налаживания партийной печати. В августе 1924 г. руководство ЦСП подпольно напечатало и распространило листовку к еврейским трудящимся, формируя программу от их имени. После этого начался массовый террор против членов партии. Отец первый раз был арестован в 1924 году”.

...После чтения речи Геллы я пошел в Сионистский архив (в Иерусалиме) и обнаружил резолюцию IV съезда Сионистской социалистической партии, нелегально собиравшегося в феврале 1924 года в Ленинграде. В составлении резолюции, несомненно, должен был принимать участие Лев Бромберг: дочка ведь сказала, что занимался он "отработкой программы". К тому же на ленинградской конференции постановлено было выпускать газету на русском языке, и Леву, по сведениям Якова, выбрали ее главным редактором. Значит, он участвовал в составлении резолюций съезда – иначе просто быть не могло...

Вот абзацы, которые хочется процитировать:

"Съезд отмечает гигантское расхождение цен на товары, производимые в городе и на селе, что вызвало огромное недовольство крестьян, составляющих абсолютное население страны; глупость налоговой системы; бесхозяйственность; возврат

к натуральному хозяйству; сокращение площадей запашки, кризис сбыта продуктов, слабость государственного и кооперативного торгового аппарата, жесткость финансовой политики, страшный развал и слабость советской кооперации. Современная кооперация не кооперативна, она строится сверху, а не снизу. Основная причина, обуславливающая все отрицательные явления в жизни Советского Союза, задерживающая развитие производительных сил, — административно-политическая система... Все строится на политическом терроре, назначенстве, безгласности масс... Усиливается физическая расправа и истребление партий, даже и не ведущих борьбу с Советской властью, это парализует активность и инициативу масс...

Мы выставляем следующие требования:

1. Действительная демократизация советского строя.
2. Прекращение террора против других партий.
3. Предоставление частному капиталу фактических возможностей участия в промышленном возрождении страны — путем аренды, концессий и прочих путей участия”.

— После этого съезда, — рассказывал мне Яков, — активисты ЦеЭс распространили десятки тысяч листовок, критиковавших большевиков как самозванцев пролетарского движения. В листовках говорилось, что без сионистов-социалистов невозможно решить проблемы еврейского народа. Лева участвовал в написании, а Воля распространил очень много листовок. Евсекция и ГПУ впали в жуткую ярость: они доложили на политбюро, что нет партий в СССР, кроме большевиков, и вдруг — расклеены листовки в ста пятидесяти городах и местечках!

– Троцкисты в открытую выступали и три года спустя, – возражаю ему я.

– Это другое. Это оппозиция внутри большевистской партии, а я говорю о некоммунистических партиях. ГПУ докладывало политбюро, мы тогда это знали: никого и ничего из ранее действовавших политических партий в Союзе не осталось... И вдруг сионисты распространяют листовки в полутора сотнях городов и местечек. Гепеушники обезумели! В одну ночь они арестовали три тысячи активистов партии ЦеЭс. Лева тоже был арестован, но сумел выйти на волю. А Воля от ареста вообще ушел. Работали они в подполье еще примерно года полтора, но весной двадцать шестого года обоих взяли. Волю в Киеве, а потом Леву в Ленинграде. И начали они свои сроки...

* * *

– Я дам почитать одну статью. Ее Лева написал в двадцать первом году, – сказал однажды Яков Бромберг. – Удивительную статью, – тут он положил худую руку себе на сердце, честное слово, так патетически и сделал, – потому мне запомнилось! Вздыхнул: – У Левы был в годы гражданской войны лучший друг, Хаим Абрамович. С шестью друзьями этот Хаим отплыл на лодке из Екатеринослава в Херсон по Днепру, их перехватили по дороге бандиты и потом зарезали. Ко второй годовщине смерти Хаима Лева и написал про него. Я ничего сильнее не читал, поверьте мне, что могло бы рассказать вашему поколению, как мы тогда чувствовали сионизм...

Статья, врученная мне Яковым, называлась: "На смерть Х. Абрамовича, убитого бандою по дороге из Екатеринослава в Херсон 29 мая 1919 г."

"29 мая они выехали на речном дубке из Никополя – и больше никуда не прибыли. По дороге, около Бизюкова монастыря, их зарезали. Се-

мерых юношей, почти мальчиков. Среди них — Хаима.

Я проезжал этим местом. Видел те сараи, где они сидели в ожидании смерти, тот мостик, недалеко от которого их резали. Измерил глазами крутизну прибрежных скал, откуда их, недобитыми, сбрасывали в реку. И на спокойной, тихой-тихой, желтовато-мутной поверхности Днепра мне чудились кровавые следы-полоски и тела захлебнувшихся мучеников.

Семь полос, семь тел. И одно — Хаима.

Я вдыхал грудью тихий, влажный речной воздух. Издали доносились заглушенные бесконечными просторами голоса. Где-то в деревне шли люди, пели птицы, редко квакали жабы. Мне казалось: вот-вот донесутся озверелые голоса мужиков, прервутся криками боли и ужаса, мольбами о пощаде и судорогами отчаяния добиваемых людей. Семь криков, семь голосов. Один — Хаима.

Я осматривал окружающие плавни — небольшие зеленые острова с задумчиво шумящими зарослями кланяющихся камышей, с белыми песчаными отмелями. К ним прибывало течение трупы. Один здесь, другой дальше, третий у следующего острова. Понемногу растягивались эти мертвые тела, как продолговатые пятна в бурой тине, среди зеленых водорослей и грязной, застоявшейся воды. Семь трупов, семь пятен. И одно — Хаим.

Мне казалось — мое сердце не выдержит. На грудь, на сердце, на голову навалилась стопудовая тяжесть. Она давно давила и до смерти Хаима. Но в минуту очной ставки удесятирилась и стала почти невыносимой. Еще секунда, миг — и я пал бы под этой тяжестью... Но ничего не произошло. Вдруг тяжести не стало. Грудь больше

не сжималась, не тянула к земле. Я понял, наконец, что это произошло и что это означало.

С тех пор нет тяжести, слез и неизбывных мук. Просто трещина в душе. Не хочется ни плакать в безуспешной злобе, ни мстить в дикой остервенелости, ни содрогаться при виде невинных жертв. Не о ком плакать... Когда в темные ночи, ворочаясь с боку на бок и тоскуя обо сне, вы станете пугливыми глазами всматриваться во тьму и ваш возбужденный мозг нарисует картину прошедшего, раскроются, запоют, заболят легко и быстро зажившие раны, вот тогда вспомните против воли эту страшную правду и начните вдумываться в нее. И она уведет сон и спокойствие прочь, и в своем величии предстанет замученный Хаим. И вы каждым фибром почувствуете, что с ним стряслось.

* * *

Не дни, не месяцы — долгие годы тянется эта бойня. В огне, воде, под топором и от пуль, на чердаках и подвалах, в домах и на улицах, в городах и на полях — убивают и режут, жгут, топят, давят, расстреливают евреев. Мир не видел подобного кошмара. Это не война, в которой гибнут десятки миллионов солдат, это не кровавая эпопея революции, нет — это закономерное, систематическое истребление целого народа.

Свыше сотни тысяч убитых евреев, свыше миллиона разбитых жизней — все в условиях совершенно особых, специфических, не виданных нигде и никогда. Оттого никто и не в состоянии понять нас. Человек представляет себе то, что он способен сравнить и уподобить другому. Но с чем сравнить наше горе? О нас не знают чужие, нас не понимают свои. Тысячи строк пресной водицы

вылили наши публицисты на скорчившиеся тела и останки замученных, чтобы омыть их перед погребением — и не омыли. Несчетное количество пластырей утешения положили на гнойные раны недобитых — и не залечили. Ни одного слова, простого и вдумчивого, без визга и аффектации, без мелодраматических жестов не сорвалось в память ушедших, так и ушли наши братья — непонятыми. Так и мы идем им вослед — не понимающие. Мир молчит.

Убит Хаим. С ним и до него истреблено свыше ста тысяч человек. Как это осознать? Мысль о смерти — что может быть жизненнее для нас, идущих на смерть? Но как мы упрощаем эту мысль! Плачем об убитых, представляя их минуты прощания с жизнью, рисуем в воображении их бездыханные трупы. Но разве в этом исступлении смерть человека? Разве она — в картине трупов? Мы и не задумываемся над тем, что во сто крат ужаснее.

Вот смотрю я на небо, солнце, землю и вижу — я один! — эти краски, что разлиты штрихами и отражаются во мне, рождая мысли, чувства, порывы, неуловимые, как стрелы из лука, необыкновенные, как улыбка матери. В этих чувствах, образах и стремлениях целый мир — все, что вокруг нас — мир самоценный, своеобразно звучащий, весь в чувственных тонах. Пытаюсь передать этот мир другим — но разве не напрасны старанья? Как ни выражу, все породит в другом человеке иной мир, мне недоступный...

Да, весь мир дан, поскольку дан я, сам я, и его нет, если нет меня. Он замкнут во мне, как в каждом из нас. В каждом особо живет, с каждым особо уходит.

Человек — это весь мир. Убейте меня, и вы уничтожите все то что видимо, слышимо, чувст-

венно, осязаемо. Убить человека — значит уничтожить весь мир.

Убит Хаим. Нет более этого чудно своеобразного перелива красок жизни. Свет померк. Цветок растоптан. А ведь таких, как он, сотня тысяч. Как счесть, измерить, охватить эту гибель миров? Как нарисовать хаос всесокрушения? Я в состоянии постичь гибель только одного человека — когда подставляю на его место самого себя, тот единственный мир, который доступен мне. Но нет боли, когда нет объекта: я не чувствую, что означает гибель сотен тысяч миров. Я могу болеть только за одного человека, и этот человек — Хаим. В нем одном воплотились для меня весь ужас, вся бойня, все жертвы. Миллионы нитей были собраны, слиты в этом сияющем мире. И нет его больше. Краски стерлись, созвучья оборвались. Наступило "ничто". О чем теперь, заламывая руки, убиваться? Ведь мир уже уничтожен. Ведь мира уже — нет.

Когда я это понял, тяжесть боли сменилась тупым безразличием к убиенным. С тех пор не осталось слез облегчения и утехи. Люди говорят: есть Бог, придите к нему, страждущие и обремененные, и он успокоит вас. Он знает, что творит. Он принес это несчастье, значит, так нужно. Но где же Бог, если в мире творится непоправимое зло — смерть самого мира? Кому нужен Он, раз им допущено безвозвратное уничтожение существующего в природе? Кому послужит на пользу наказание, раз уничтожен тот, кто единственный мог поучиться и исправиться? На что смотрит Он, допуская уничтожение целого мира, всего мира, каждого из тех, кто погиб? Где Он и что Он, раз навеки нет Хаима? Зачем мне Он как причина целесообразности мирового порядка, когда допускается бессмыслица, нецелесообразность. Его

в таком случае быть не может, и я не верю в Него, не верю Ему. Но если Он все-таки существует, незримый лишь для меня, если Он допустил в мировом порядке эту гибель, такую неправду, то да будет проклято даже имя Его, да сгинет Его небо, кровавая грязь, да исчезнет, развеется и во прах превратится Сам Он, погубивший царя и творца своего – Человека... Нет утешения в Нем.

Но нет утешения и в мести. Говорят – кровь вопиет об отмщении. Око за око... Их убили пьяные мужики – да падет же наша карающая палица на головы убийц, их близких, их родных. Утешит ли это? Уничтожен Хаим. Вместо дивного микрокосма – пустота, ничто. Если мы уничтожим убийц, мы оголим еще более нашу бедную землю, но Хаима ведь не вернуть. В чем же утешение? Того, в ком воплотился ужас боли народной, нет и не будет. Или, быть может, мстить ради самой мести? Убивать, чтоб злодеи пережили, перечувствовали, перестрадали муку последних минут и захлебнулись в кровавой судороге воспоминания о невинно замученных ими? Но разве это достижимо? Разве мыслимо воспроизвести то, что в предсмертный миг чувствовал Хаим, утонченный, развитой, чистый, в том, что переживут его убийцы – пещерные люди, полузвери, дикари, грубые, грязные, развратные. Закатился лишь один мир – и тысячи смертей не искупят, не восполнят этого ущерба, этой потери.

Не оскорбляйте же память об ушедших мыслями о мести. Не упрощайте, не унижайте его бессмертный дух уподоблением грубой однотонности серо-лысых душ убийц. Не разменивайте бессмертной тоски своей на жалкие полушки животного примитивизма. Будьте честны к себе и ушедшим. Кровь не заменит потери, ран не смоем она.

И, наконец, говорят — народ! Да будут эти прекрасные жертвы искуплением для всего несчастного еврейства. Для народа они жили, для него на плаху взошли и приняли терновый венец. Это верно, это правда. Но есть ли утешение в ней, или она — худшая горечь, жутчайшая отрава, кошмарнейшее обвинение самих себя в преступлении, которое совершилось не нашими руками, но нашим содействием. Вдумайтесь в сказанное, и вы окончательно поймете беду, которая стряслась... "Они теперь и сто тысяч евреев раньше. Они погибли за меня, за вас, за всех". Не будь их, кто-нибудь другой вытянул бы жребий смерти. Может быть, он пал бы на нас. Погибнув, они нас спасли... На нас причина их смерти, на нас и тяжесть. Когда я понял и это — окончательно притупилось острие боли. Я понял, что все мы, и вы, и я, виноваты, что их уже нет. Погибли — подарив нам жизнь. Как же принять этот бессмысленный дар? Чье чуткое сознание может допустить гибель кого-то другого из-за народа, из-за принадлежности к еврейству: ведь бандиты выделили и резали их как евреев. Они и умерли за народ... Их настигла не злоба личных врагов, нет, дикая ненависть к народу искала себе жертв и нашла их. Против нашей воли, помимо нашего сознания, накрепко и глухо опутала эта ненависть к еврейству всех нас кровавой порукой, ответственностью каждого за всех. Кто-нибудь должен был насытить собою злобу, принять на себя удар, предназначавшийся всем евреям. Должен был, ибо фактически-то существует каждый по отдельности, а "всех" нет. Это и исполнили они — Хаим с товарищами. Но разве мы заметимы? Или есть какое-то надындивидуальное существо, во имя которого — а не для нас — приносятся жертвы?

Но я не вижу его. Я не знаю его. Я не принимаю дара. Я не могу жить ценою смерти Хаима. Я не могу так жить. Как же отдать этот дар обратно? Как вернуть в лицо опостылевшей, глупо пошлой жизни входной билет на ее кровавые празднества?

Круговая порука. Они умерли за нас, чтобы дать нам жизнь, чтобы дать нам возможность выбраться из этой системы истребления, вырваться их костлявых лап Мировой Бессмыслицы и вывести загнанное человеческое стадо к новой жизни. Круговая порука. Нам остается осуществить их заповедь: жить для других. Ни минуты промедления. Нет оправдания нашей жизни — моей жизни — без работы. Жизнь для себя кончилась в тот момент, когда Хаим умер за меня. С тех пор мне в жизни должно быть известно только одно — работа. Во имя ее я сознательно кладу на заклятие самого себя.

Среди хаоса разрушения миров, среди дикого шума пылающих останков, среди стонов замученных людей я возношу свою жертву, восхожу на костер и сжигаю на нем свою жизнь во имя жизни еврейства. Я иду к тебе, мой лучший брат, и гибну с последним жадным криком: жить, жить, жить".

* * *

...В России, перенасыщенной катакомбами-могильниками жертв спецслужб и Великой Отечественной войны, давно забыли, что за время было — после Первой мировой. Десять миллионов трупов в Европе (только на фронтах). Двадцать миллионов искалеченных... Каждый день — четыре года подряд — в могилы складывали от пяти до пятидесяти тысяч человеческих тел. И самое страшное: никто не может

объяснить – и до сих пор не может – зачем? Кому это было нужно? Кому – ну, хотя бы кому было выгодно?

”Сколь бы успокоительным, упрощенным и неполным ни был Нюрнбергский процесс... – писал исследователь (А. Нилов-Кравцов), – этот процесс дал примитивный, но достаточный для большинства оставшихся после бойни в живых ответ на вопрос: кто виноват? Никакого, даже самого примитивного ответа на этот кровоточащий вопрос после Первой мировой войны не было... Но если нельзя назвать виновных в столь катастрофической для людского сознания бойне, значит, виновно мироустройство. Чудовищность жертвоприношений, их беспричинность и безрезультатность прожигали души европейцев. И никому не дано было уклониться от вопроса: как Он это допустил? Ими же, особенностями войны, был предрешен и ответ: если Он допустил такое и нет на Земле виновных, значит, он не Всемогущ и не Всеблаг – или же Его нет”.

”Национально мыслящие”, консервативные, добропорядочные правители (нет, это были не Сталин и не Гитлер) – они привели человечество к сомнениям в Устое мира, в Его благодати, Его могуществе, в самом Его Существовании. Обезумевшие от боли и ужаса, народы разбрелись по жутким станам: кто в большевики, кто в итальянские фашисты, кто в нацисты. Люди пошли к тем, кто обещал им новое мироустройство взамен Божественного – кто обещал Новый Порядок в Европе или Коммунизм во всем мире!

70 лет спустя Яков Бромберг помнил острое чувство восхищения от статьи своего брата, которое он испытал в те годы. В статье как бы вскричала душа ”потерянного поколения”, как назвала их Гертруда Стайн, – поколения не только евреев, вообще европейских мальчиков. То же, что у всех, отчаяние, то же, что у всех, отречение от Бога и Его мироустрой-

ства, то же непризнание смысла в жертвах и неукротимое стремление выжить и бороться, чтобы создать Новый мир... (У меня, когда я читал статью, всплыли в мозгу странные ассоциации с другими еврейскими мальчиками, не менее талантливыми, а, возможно, от природы и не менее благородными, чем братья Бромберги. Например, с братьями Свердловыми: на Якова Свердлова так внешне показался похожим мой Воля Бромберг! Старший из братьев Свердловых, Зиновий, после французского Иностранного легиона стал офицером при штабе Колчака, потом – генерал-лейтенантом Франции, а при де Голле – французским послом в Китае и Японии; средний, Яков, – президентом Советской России...) В какой духовной растерянности находился тот мир, видно уже по тому, что самые консервативные, ультракатолические народы Европы позвали тогда "володеть собой" евреев, причем – анархистов и коммунистов (Баварская и Венгерская советские республики). Господи, что за сломленное время было!

Братья Бромберги на общем пути к гибели своего поколения выбрали одно из самых благородных и верных орудий "самоспасания": сионизм-социализм.

* * *

Как работал и что конкретно делал Воля Бромберг в сионистском подполье? Откуда мне было узнать? Свидетели умерли (а если кто-то жив, то подробности, конечно, стерлись из памяти). Документы? Что могло сохраниться (и вообще составлялись ли они, писанные документы, в советском подполье?)

Надежда оставалась только на архивы КГБ. Волю арестовали в Киеве, значит, там могли хранить его следственное дело. По собственному опыту мне было известно, как профессионально следователи ГБ изучают жизнь "клиентуры", выявляя ее путь в "преступную деятельность". Ищут "эпизоды", пригодные

для обвинительного заключения, фиксируют любые детали... Если дело в принципе сохранилось, можно, хотя бы в общих чертах, раздобыть материал о тайной деятельности моего героя!

На Украине нашлось много лагерных друзей. Первым откликнулся близкий товарищ по мордовским лагерям Василь Овсиенко: "...хоть та польза от общественной работы, что могу помочь хорошему человеку, – трогательно написал он. – Мне в СБУ (Службе безопасности Украины. – М. Х.) сообщили, что материалы дела Вениамина Бромберга есть в Киеве... Полковник Кулаковский просил сообщить за несколько дней до Вашего приезда, чтоб дело было под рукой. Еще сказал, что следы Бромберга обрываются в 1935 году".

Я поехал в Киев. В тамошнем архиве испытал странное чувство: смесь разочарования исследователя с гордостью литератора. Гордостью за выбранного героя.

Потому что Воля подвел меня, автора, опрокинул все мои расчеты. Он – не дал следователям никаких показаний.

...Сначала, согласно композиционным принципам этого сочинения, процитирую для вас документы, фиксирующие фактологию его жизни, только потом – познакомлю с анализом и комментарием.

Архивное дело заведено на шестерых обвиняемых и собрано в одном томе. Не толстом. Я справился с бумагами за три часа (стоило ли ехать из Иерусалима в Киев на неделю, а?).

-1-

НачКООГПУ (Киевского окружного отдела Государственного политического управления. – М. Х.)

Нач СО (Секретного отделения. – М. Х.)
/Гражуля/

РАПОРТ

Доношу, что, согласно ордера КООГПУ N 691, мною вместе с сотрудниками СО тт. Гольдманом, Шепеленко, Брук и Холоденко и экспедитором общей части т. Покровским вчера, 7 марта, в 4 ч., 30 мин. дня произведен обыск и арест на квартире гр. Подгаецкой Тойбы Давидовны, проживающей по Марино-Благовещенской, N 38, кв. 7, при следующих обстоятельствах.

Гр. Подгаецкая снимает одну комнату, в которую надо пройти через проходную комнату, занимаемую ее соседом. Войдя к ней в комнату, там было обнаружено присутствие 7 человек (5 мужчин и 2 женщины), которые частью сидели на диване, кровати и стульях вокруг небольшого столика, стоявшего посредине комнаты, частью стояли возле него. Им было предложено предъявить документы и не трогаться с места. При этом им был предъявлен ордер на обыск и арест, выданный на имя т. Гольдмана. Некоторые из них пытались начать рвать и выбрасывать бумажки из карманов. В комнате, небольшой по размерам, везде и всюду были набросаны бумаги, лежали блокноты, разные материалы и переписка. В частности, бумаги находились на трех находившихся в комнате столиках, на диване, кровати и этажерке. Немедленно был произведен личный обыск, после чего они были уведены в следующую комнату, которая была предварительно обыскана. Подле них оставались тт. Брук и Шепеленко, а я с тт. Гольдманом и Холоденко приступили к обыску в комнате Подгаецкой в ее присутствии.

При обыске были обнаружены значительная переписка, печатные материалы, разные записи и заметки. Помимо этого, в углу был найден за-

вернутый в бумагу шапирограф, на кровати лежали еще два шапирографа с чистой бумагой, приготовленной для печатания. Кроме того, в комнате находилась корзина, в которой были обнаружены два множительных аппарата, состоящих каждый из сетки, доски для красок, валика и его принадлежностей, в том числе одной восковки. Отдельно в углу стоял бак с краской. На кровати находились три предназначенные к отправке почтовых посылки с печатными материалами. Даже беглый поверхностный осмотр обнаружил, что это материалы центрального комитета сионистской организации ЦСЮФ ("Югенд-ЦеЭс". — М. Х.) и что нами взята вся канцелярия, архив и техника (аппараты для печатания) ЦК этой организации. Присутствовавшая на обыске Подгаецкая неоднократно пыталась уничтожить те или иные заметки, в частности, она оторвала клочок от висевшей на стене географической карты с записями, пытаясь их уничтожить.

Застигнутые в комнате гр. Подгаецкой назвали себя:

1. Рейз Е. С., 21 г. 2. Миропольская С. П., 17 л. 3. Слуцкий М. И., 20 л. 4. Межеричский Сай Менделевич, 21 г. 5. Прилуцкий Я. М., 21 г. 6. Бромберг Вениамин Файвелевич, 21 г. 7. Подгаецкая Т. Д., 27 л.

Уже к концу обыска в квартиру, спрашивая Подгаецкую, зашел гр-н, назвавший себя Хазинюком Д. И., 20 л., при личном обыске которого были обнаружены бумаги, свидетельствующие о его принадлежности к этой группе, и он был также задержан.

Всего было задержано для доставки в Окротдел 8 человек. Все были сданы в комендатуру. Взятые при обыске материалы и предметы также

доставлены в Отдел. Подробная опись будет представлена дополнительно.

Приложение: Протокол обыска.

8 марта 1926 г.

НачСО /Гражуль/

-2-

**Всеукраинский Центральный
Исполнительный Комитет**

от членов сионистско-социалистической партии (ЦСП) и сионистско-соц. союза молодежи (ЦСЮФ), арестованных 7.03.26 Киевским ОГПУ и содержащихся там же

ЗАЯВЛЕНИЕ

В день 9-й годовщины Февральской революции, празднуемый всеми трудящимися Сов. Союза, мы, сионисты-социалисты, заключенные в порядке административной репрессии, ожидающие такой же бессудной расправы с нами, — поднимаем голос резкого и горячего протеста против дикого и бессмысленного террора, царствующего в Советском Союзе. Во главе еврейских трудящихся, вместе с трудящимися всего мира мы неустанно будем бороться против всякого насилия, за подлинное раскрепощение, за подлинный единый фронт трудящихся всего мира, за подлинную Советскую власть. В знак нашего протеста объявляем однодневную голодовку в день 12 марта.

Да здравствует социализм!

Да здравствует Социалистическая Палестина!

Да здравствует авангард еврейских трудящихся — ЦСП!

Долой террор над социалистами в Советском Союзе!

Межерицкий С., Бромберг В.

-3-

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА N [не указ.]

14 марта 1926 г.

Я, уполномоченный II гр. секретного Киевского окр. отделения ГПУ, Гольдман, допросив Бромберга по делу N [не указ.] в качестве обв. по обвинению ... который показал:

1. Фамилия, имя, отчество Бромберг Венъямин Файвелевич.

2. Возраст 1904.

3. Национальность еврей.

4. Место прописки гор. Херсон, прописан все время в Одессе, по ул. Подбельского, 31.

5. Адрес здесь не прописан, где жил, не могу сказать.

6. Образование среднее.

7. Социальное положение интеллигент.

8. Имущественное положение нет.

9. Происхождение -

10. Партийность - член ЦСП.

11. Судимость нет. В 1922 г. заключен Одесским ГПУ и был освобожден.

12. Где находился и чем занимался до 1914 года жил в Херсоне, учился.

13. Где находился и чем занимался с 1914 г. по 1917 г. то же

14. С Февральское революции до Октябрьской то же

15. С Октябрьской революции:

а) при центральной раде то же

б) при Гетмане то же

в) при Петлюре то же
г) при Соввласти то же
д) при Деникине то же
е) при Соввласти то же, служил в ... [нрзб]
ж) во время польской оккупации то же,
работал переплетчиком в частной мастерской

з) от польской оккупации по настоящее время..... весной 1921 г. я поехал в Харьков, там работал [нрзб] по найму, работал год грузчиком. [нрзб]. В начале 1923 г. я поступил в Одесский техникум по классу скрипки и перебивался уроками вплоть до июня 1924 г. Жил я с родителями тогда на Подбельского, 31. В июне 1924 г. я вышел из ВУЗа и продолжал жить у родных, нигде не занимаясь, до января 1926 г. Был все время в Одессе. В январе 1926 г. приехал сюда, здесь был безработным – много занимался.

В.: Когда вы вступили в ЦСП и состоите ли в других организациях?

О.: В ЦСП вступил в 1920 г., до этого ни в каких других организациях не был. Я вступил до раскола, в Херсоне, работал все время в организации.

В.: Какое положение вы занимаете в организации?

О.: На такой вопрос я не могу ответить.

В.: Кого вы знаете из тех, с кем были арестованы?

О.: Кроме этой девочки маленькой и Рейза, знаю всех.

В.: Они были членами одной с вами партии?

О.: Этого я вам не скажу.

В.: Подгаецкую вы давно знаете?

О.: Я познакомился с ней после моего приезда сюда, имел к ней рекомендательную записку от нашего общего знакомого из Одессы, моего соуче-

ника по классу скрипки. Мне нужно было подыскать комнату, я обратился к ней за содействием. Оказалось, что она может предоставить свою комнату для работы. Сказала, что нуждается в этом. Условились за плату 30 рублей в месяц. Это было недели 3 - 4 назад. Она должна была сдать комнату для занятий часов с 10 до 4-х, как в советском учреждении. Сама она не должна была мешать в это время, должна была уходить, мы были у нее раза два, не больше. Точно не помню сколько.

В.: Вы хотите сказать, что она не член организации, что работала на вас не как член организации на квартире организации?

О.: Нет.

В.: ЦСП работает нелегально?

О.: На все вопросы идеологического, политического и организационного плана отвечать не буду.

Показания читал, с моих слов записаны верно.

В. Бромберг

-4-

Д. N 56

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О привлечении обвиняемого

1926 г. марта 16 дня пом. уполномоченного СО Отдел СОЧ - КОГПУ тов. Гольдман, рассмотрев настоящее дело о гр. Бромберге Веньямине Файвелевиче, 21 года нашел, что он, состоя членом нелегальной сионист. организации, т. н. сионистско-социалистического союза молодежи ЦСЮФ, проводил активную работу, направленную против Советской власти, принимал участие в изготовлении и распространении

нелегальной литературы этой организации и принимая во внимание, что изложенными данными гр. Бромберг Венямин Файвелевич достаточно изобличается в содеянном, постановил: привлечь к следствию по настоящему делу в качестве обвиняемого по ст. ст. 61 и 72 УК РСФСР.

П/Уполномоченного /Гольдман/
Согласны: Уполномоченный группы Начальник отделения /В. Гражуль/
Утверждаю. Начальник СОЧ /Е. Кривец/
Настоящее постановление мне объявлено:
В. Бромберг

-5-

Киевский губернский отдел Государственного
политического управления 19.III. 1926

АНКЕТА N 112

арестованного 19.3.1926 г.

Фамилия Бромберг
Имя Отчество Вениамин Файвелевич
Год рождения 1904
Место рождения г. Одесса
Адрес категорически отказался указать
Дата ареста 7.III.1926 в г. Киеве
Кем арестован КООГПУ N ордера [не указ.]
Национальность еврей
Гражданство УССР
Занятие и должность в момент ареста
.....учительствовал
по профессии переплетчик
Место службы безработный
Соц. проф. принадлежность рабочий
Образование среднее
Партийность член Сионистско-

социалистической партии

Что делал при белых..... Работал грузчиком в
Одесском порту

Преступление (в чем обвиняется) [не указ.]

Когда прибыл 7.III. 1926

Состав семьи (степень родства, фамилия, имя,
отчество, возраст, занятия и адреса членов:

1. Отец Бромберг Ф. В., 61 г., учитель,
г. Одесса ул. Коблевская, 31

2. Мать Бромберг Э. М., 59 г., домохоз.,
г. Одесса ул. Коблевская, 31

Подпись..... Бромберг

Где содержится КООГПУ

За кем зачислен СО

Основание на зачисление по записи

Особые приметы арестованного [не указ.]

Подпись дежурного коменданта [нрзб.]

- 6 -

АНКЕТА на укр. языке

для арестованных 9 апреля 1926 г.

<...>

Место рождения Одесской губ., г. Херсон

<...>

Партийность ЦСП

Чем занимался при белых...Работал в частной
переплетной в г. Херсоне по 1920 г., с 20 по 21
безработный, с 21 в Харькове переплетчик в Крас-
ноармейском клубе, с 21 г. Одесса, Киев, 1926 год

Когда прибыл 1926 апреля 9

<...>

Где содержится Харькдопр N1

За кем тов. Чердак

Основание..... постановление

<...>

Подпись

/Д. Вареник/

-7-

ПРОТОКОЛ допроса гр-на Бромберга Вениамина Файвелевича 17.04.26

<...> **В.:** В какой организации и с какого времени вы состоите?

О.: Состою в ЦСП и в ЦСЮФ, в первой с 1920, в ЦСЮФ с 1923.

В.: Под какой кличкой вы работали в организации?

О.: На вопросы идеологического, организационного и политического характера отвечать отказываюсь.

В.: Признаете ли вы себя виновным в участии в антисоветской деятельности нелегальных организаций, именующих себя ЦСП и ЦСЮФ?

О.: На этот вопрос не хочу отвечать, т. к. на этот и подобные вопросы буду отвечать перед гласным судом.

Заявляю, что предъявленная мне записная книжка в серой коленкоровой обложке мне не принадлежит и при мне найдена не была.

Больше показать ничего не имею, показания записаны верно, в чем подписываюсь

В. Бромберг

Харьков, уполномоченный П СО..... /Чердак/

-8-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1926 г. апреля 18 дня я, уполномоченный П гр. СО ГПУ УССР Чердак, рассмотрев дело за N

7381, по обвинению гр-н

1) Бромберга Вениамина Файвелевича, 21 г., происходящего из г. Херсона, проживающего в Одессе, Подбельского, 31, интеллигент, среднего образования, член ЦСП, состоял под следствием Одесского ГПУ в 1922 г.

2) Межеричцкого Сая Менделевича, 21 г., происходящего из м. Горностайполь Киевского окр., проживающего в Киеве, по Юрковской ул., д. N 24, кустарь со средним образованием, член ЦСП и ЦСЮФ, состоял под следствием Киевского ГПУ в 1922 и 1924 гг., по обвинению по 61 ст. УК УССР и, будучи освобожден под подписку о невыезде, нарушил таковую и скрылся из Кива.

3) Прилуцкого Якова Моисеевича, 24 лет, происходящего из местечка Новой Одессы Николаевского округа, проживающего там же по Херсонской ул., д. 29,, сын торговца, интеллигент со средним техническим образованием, под судом и следствием не состоял.

4) Слуцкого Меера Израилевича, 21 г., происходящего из Лохвицы, Гомельского окр., проживающего в Киеве, адрес не установлен, интеллигент со средним образованием, член ЦСП, под судом и следствием не состоял.

5) Хазинюк Давид Исааковича, он же Краснянский Лев Исаакович, 22 л., уроженец Ковенской губ., постоянного местожительства не указал, интеллигент со средним образованием, член ЦСП, в сентябре 1924 г. состоял под следствием в Одесском ГПУ по обвинению по ст. 61 УК УССР

6) Подгаецкую Тойбу Давидовну, 27 л., происходящую из Белой Церкви, проживающую в Киеве, по ул. Пятакова, д. 38, служащую, со средним медицинским образованием, под судом и следствием не состояла.

7) Райз Ефима Самойловича, 21 г., происходящего из Винницы, проживающего в Киеве, по Столыпинской, д. 12, образование среднее, студент Юрфака КГУ, под судом и следствием не состоял.

8) Миропольской Сары Пейсаховны, 17 лет, происходящей из Белой Церкви, проживающей там же по ул. Сквирской, 30, дочь торговца, со средним образованием, без определенных занятий, под судом и следствием не состояла – в преступных деяниях по ст. 61 УК УССР

НАШЕЛ:

что 8.III с. г. на квартире Подгаецкой в Киеве были арестованы указанные выше граждане.

При обыске были обнаружены различные материалы организаций ЦСП и ЦСЮФ. Среди них имелась переписка ЦК ЦСП с ЦК ЦСЮФ. Кроме того, были обнаружены три шапирографа и два ротатора вместе с большим количеством чистой бумаги, приготовленной для печатания, также были обнаружены три предназначенных к отправке почтовых посылки с печатными материалами.

На допросе все арестованные, кроме Райза и Миропольской, назвали себя членами ЦСП и ЦСЮФ, но о деятельности своей организации отказались давать показания.

По имеющимся агентурным сведениям 1) Бромберг В. Ф. является членом ЦК ЦСЮФ и работал под кличкой "Воля" 2) Межеричкий С. М. является членом ЦК ЦСЮФ и работал под кличкой "Коля" 3) Слуцкий М. И. является членом ЦК ЦСЮФ и работал под кличкой "Элиэзер" 4) Прилуцкий Я. М. является членом ЦК ЦСЮФ и работал под кличкой "Сема" 5) Подгаецкая Т. Д. является техническим секретарем ЦК ЦСЮФ и работала под кличкой "Таня" и 6) Хазинюк Д. И.

является членом РК ЦСП и работает под кличкой "Миша".

В отношении Райза и Миропольской отсутствуют данные об их активном участии в деятельности ЦСП и ЦСЮФ.

Принимая во внимание, что агентурными данными достаточно установлено активное участие в к/р деятельности нелегальных антисоветских организаций ЦСП и ЦСЮФ вышеперечисленных граждан

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед Особым совещанием при Коллегии ГПУ УССР об административной высылке гр-н Слуцкого, Межеричского, Прилуцкого, Бромберга, Подгаецкой и Хазинюка-Краснянского за пределы Украины на три года каждого.

Меру пресечения – содержание под стражей в Харьковском ДОПрЕ № 1 оставить без изменений. Настоящее постановление направить Прокурору при НКЮ на заключение.

Уполномоченный II гр. /Чердак/

Согласен: п/нач СО /Абутов/

Утверждаю: Нач СОУ ГПУ УСССР /Карлсон/

-9-

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 50

Особого совещания при Коллегии ГПУ УССР
от 20 апреля 1926 г.

С л у ш а л и: Ходатайство Окротдела ГПУ об административной высылке гр-на БРОМБЕРГА Венямина Файвелевича, 21 года, служащего, и др. в числе 6 чел., как антисоветский элемент.

/Докл. Т. Чердак/

Постановили: Принимая во внимание, что гр. БРОМБЕРГ и др. являются членами сионистских орг-ций ЦСП и ЦСЮФ и проявляют активную антисоветскую деятельность, признать социально-опасным элементом и возбудить ходатайство перед Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ о высылке го за пределы УССР, сроком на ТРИ года.

-10-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1926 г. мая 12 дня, Я, уполномоченный 4 отдела СО ОГПУ Черток, рассмотрев след. дело N 37796 по обвинению гр-н

1. Бромберга Вениамина Файвел., служащего, 21 г.

2. Межеричского Сая Менделевича, кустаря, 21 г.

3. Прилуцкого Якова Менделевича, торговца, 24 л.

4. Слуцкого Меера Изр., служащего, 21 г.

5. Хазинюка Давида Исааковича, он же Краснянский Лев Ис., интеллигент, 22 л.

6. Подгаецкой Тойбы Давидовны, служащей, 27 л.

по ст. 61 УК УССР, арестованных 8.03.26, содержащихся в Харьковском ДОПре

НАШЕЛ:

8.III.25 г. в Киеве во время заседания были арестованы руководящие члены к/р организации, именуемой сионистско-социалистическим союзом молодежи. При обыске было забрано: 1) большое количество партийной литературы и переписки (в том числе переписка ЦК Сион.-соц. партии с Сион.-соц. союзом молодежи), 2) два шапирографа, два ротатора с большим количест-

вом чистой бумаги, приготовленной для печати.

Следствием было установлено, что присутствуют на заседании 1) Бромберг, 2) Межерицкий, 3) Слуцкий и 4) Прилуцкий – члены ЦК Сион.-соц. союза молодежи, 5) Подгаецкая – технический секретарь ЦК, на чьей квартире происходили заседания, 6) Хазинюк-Краснянский – член районного комитета Сион.-соц. партии.

Все сознались, что являются сионистами-социалистами и отказались от всяких дальнейших показаний.

Исходя из вышеизложенного – ПОЛАГАЮ: следственное дело считать законченным, предъявленное обвинение доказанным.

Представить дело на рассмотрение Особого Соповещения при Коллегии ОГПУ.

Уполномоченный 4-го отдел. СО ОГПУ /Черток/.

Согласен: заключить всех в и/золятор на 3 года

21.06.21 г.

-11-

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Соповещения при Коллегии ОГПУ
от 28 мая 1926 г.

Слушали: Дело N 37796 по обвинению гр. БРОМБЕРГА В. Ф., МЕЖИРИЦКОГО С. М. по 61 ст. УК и др. в числе 6 чел.

Постановили: БРОМБЕРГА В. Ф. (759), Межерицкого С. М. (760), Прилуцкого Л.М. (761), Слуцкого М. И. (762), Хазинюк Д. И., он же Краснянский Л. И. (763), Подгацкую П. Д. (764) – заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на ТРИ года.

Секретарь Коллегии ОГПУ..... /подпись/

Что можно извлечь из этих бумаг для книги о Воле?
Серьезными оперданными для "изобличения" под-

польщиков Харьковское ГПУ явно не располагало — иначе следователи не мирились бы с отказом подследственных от дачи показаний. Любой политзэк всегда начинает с отказа — в том состоит искусство следователя, чтобы сломить его сопротивление и припереть... Оперотдел, видимо, получил сведения, что на выслеженной (выданной?) явке соберутся члены ЦК — там их и подстерегли. Но более весомого об их работе в ГПУ известно не было. Кто выдал явку? Естественно, возникает, как ни неприятно об этом говорить, вопрос — кто были "эта маленькая девочка и Райз", вовсе неизвестные Воле... Миропольскую хоть поставили под надзор, а Райз вообще бесследно исчез из дела. Но человек, задержанный на явке членов ЦК во время их конспиративной работы, не мог органами считаться лицом совсем посторонним, "о деятельности которого оперотдел сведениями не располагает". Впрочем, допустимо, что Райза отпустили нарочно — "на развод", для слежки за его контактами. Нечто более определенное, исходя из имеющейся информации, предполагать невозможно.

Вот некоторые анкетные сведения, почерпнутые из дела: Воля уехал из Херсона в 1921 году — сначала в Харьков (к старшему брату Эфраиму, тогда студенту харьковского Политеха), потом жил у переехавших в Одессу родителей. При белых работал переплетчиком в частной мастерской — назвал это своей основной рабочей профессией. Год работал грузчиком в Одесском порту (рассказ "Солнечный день"?); год учился в Одесском техникуме по классу скрипки (рассказ "Конец музыканта"?). Деталь: членство в партии сионистов-социалистов датирует с 1920 года, с 16-летнего возраста, с основания партии ("до раскола"); членство в союзе молодежи тремя годами позднее — с 1923. Что это могло означать? Видимо, партия направила В. Бромберга, одного из своих ветеранов-основателей, в молодежное движение — как организатора и руководителя партийной

смены. Последнее, что я могу из листков извлечь: домашнее имя Воля использовалось им в качестве партийной клички.

Еще деталь. Привычно считается, что украинская госбезопасность отличалась особой свирепостью и жестокостью к своим жертвам – даже в сравнении с не мяконькими российскими коллегами. Но, видимо, у тамошних гепеушников настолько не имелось совсем никаких улик, никакой информации о задержанных членах ЦК "ЮгендЦеЭс", что начальство согласилось ограничиться самой мягкой (из возможных) мерой наказания: высылкой за пределы Украины. Но московская "тройка" или же располагала более серьезной информацией, чем Харьков, или большими полномочиями: она не удовлетворила украинское ходатайство, но заменила высылку тремя годами изолятора (т. е. крытой тюрьмы).

Еще факт, заимствованный из допроса одного из Волиных поделельников: подробная мотивировка, почему подследственные отказались давать ГПУ показания о деятельности своей партии. Воля и его товарищи объявили, что считают ГПУ организацией, представляющей не интересы общества, но "вооруженным отрядом другой партии". Объяснять же "отряду другой партии" принципы и тайны своей партии они все считали принципиально необязательным. Вот если ГПУ поведет их на гласный суд, подсудимые соглашались дать такому суду и в его лице всему обществу подробные показания по сути своей партийной деятельности... Но их не вывели на суд: бросили на съедение "тройке" Особого совещания.

Почти ничего конкретного о деятельности Воли Бромберга в подполье не удалось добыть из дела 1926 года. Правда, в одном израильском источнике – в толстом томе, посвященном деятельности партии "ЦеЭс", я нашел его и Левы фотопортреты, там глухо упоминалось, что Воля работал в ячейке "ЮгендЦеЭс", располагавшейся в Белоруссии – в

городе Минске.

И вдруг к нам в "Окна" пришло письмо.

"Уважаемый господин Яков Бромберг!

Прочел в "Окнах" от 8.04.93 г. статью М. Хейфеца "Дело "Цеирей Сион" и взял на себя смелость побеспокоить вас. Вы уж меня извините.

Дело в том, что я, Дорский Цалел, 1906 г. р., был в 1925 г. в Минске членом Сионистско-социалистического союза молодежи. К нам приезжал с Украины инструктор – молодой человек, примерно 20 лет, насколько я запомнил его имя, – Воля.

Полагаю, что это был Ваш брат. Помню, что это был хороший умный человек, который пользовался в нашей организации уважением и любовью. Страшно, что его постигла такая участь.

Где сейчас его жена и сын? Какова судьба вашего брата Левы?

В 1925 году члены нашей организации дважды арестовывались органами Минского ГПУ за сионизм. После первого ареста мы ждали виз от центра Ге-халуца (одна из организаций, связанных с партией сионистов-социалистов. – М. Х.) на выезд в Палестину. Но были вторично арестованы в том же году и приговорены ГПУ к ссылке. Но на Урале по приговору Свердловского ГПУ я был заключен на три года в Верхне-Уральский политизолятор с последующей ссылкой на три года.

По окончании ссылки мы с женой, нашим товарищем Гольцман Ривой обосновались в 1932 г. в небольшом городе, где работали в артели инвалидов.

Я приехал в Страну около года назад и нахожусь у родственников в поселении Текоа, что на территориях.

От всей души желаю Вам здоровья и бодрости Ц. Дорский”.

Все-таки поразительная страна – Израиль: получаю в 1993 году письмо от человека, работавшего с Волей семь десятилетий назад! Работавшего в том городе, в котором – единственном! – документально зафиксировано присутствие моего героя (Цалел ведь даже имя его помнил примерно – “кажется, его звали Волей”). Человек отбыл шестилетний срок, потом потерял связь с бывшим инструктором и вдруг прочел о судьбе своего бывшего наставника в поселении Текоа в Иудее, что вырастает рядом с бывшим дворцом царя Ирода...

* * *

И все-таки пробил час, когда неожиданно пришла солидная информация о “неизвестных годах” Волиного подполья.

Яков Бромберг позвонил мне в редакцию и кричал в трубку – почти в истерике:

– Приходите скорее! Я получил от Герики (сына Вениамина. – М. Х.) письмо из России. Это что-то ужасное!

После работы спешу на улицу Лисин...

– Вы не должны плохо думать о Воле! – начал он, взволнованно дыша, а я ведь ничего не знал, ничего не понимал. – Герик получил доступ к делу в архивах КГБ – и это ужасно, господин Хейфец! Я Герику написал... Сразу. “Ты не должен осуждать своего отца. Его, наверно, так били, что он не мог устоять. Вспомни, что они сделали с Зиновьевым и Каменевым...”

– Яков, может, сначала покажете мне документы?

Он протянул пачку листов, вынутую из большого конверта, на котором различался обратный адрес: “г. Мытищи Московской области, Г. Бромбергу”.

– Вот они...

"Показания Бромберга Вениамина Федоровича от 11 апреля 1938 г.

В соответствии с моим вчерашним заявлением на имя начальника управления НКВД КО о желании дать показания о моей работе в подпольной антисоветской сионистской организации, излагаю ниже все, что могу без утайки рассказать следственным органам.

Членом сионистской организации я стал в 1917 г. в Херсоне, где проживала в это время моя семья.

После первых дней Февральской революции в Херсоне образовался Союз сионистской учащейся молодежи под названием "Гистадрут". Я и несколько товарищей (Блох, Абрамсон, Гольдман), которые за некоторое время до этого организовались в кружок по самообразованию и изучению еврейской истории, были вовлечены в организацию "Гистадрут" моим братом Яковом Бромбергом (в 1923 г. уехавшим в Палестину). В этой же организации был и мой брат Лев, который еще с некоторыми учениками старших классов (Х. Абрамовичем, Г. Гинзбургом) руководили этой организацией.

Идейная позиция ее определялась как позиция мелкобуржуазного сионизма. Члены организации вербовались преимущественно из учащихся средних школ, детей мелкой и средней еврейской буржуазии и интеллигенции. Организация занималась агитацией и пропагандой сионизма и палестинизма среди еврейской молодежи города.

В эти годы (до 20-го, кажется, года) организация эта была легальна. Октябрьскую революцию члены ее встретили недоброжелательно, а многие прямо враждебно, особенно дети торговцев. После организации комсомола в городе в ней

начался отсев. Отошла и затем примкнула к комсомольцам часть членов. Оставшиеся заняли прямо враждебную позицию по отношению к комсомолу и активно выступали на всех собраниях и митингах молодежи, призывая еврейскую молодежь уходить из комсомола, т. к. он не защищает национально-еврейских интересов еврейской молодежи. В ходу был лозунг: "Еврейская кровь не должна быть смазочным маслом на колесах революции". Словом, позиция была шовинистическая.

В 1919 г. старое руководство организации ушло (разъехалось, окончив учебные заведения). Я и группа моих товарищей встали тогда во главе организации. К этому времени мы стали распространять свое влияние и на трудовую молодежь (ремесленную). Были организованы кружки, главным образом, из женской ремесленной молодежи. Это обстоятельство (изменение состава) повлияло и на идейные установки организации: появилась терминология и лозунги более "левого" младосионизма ("Цеирей Сион"), хотя по существу и эта терминология, и эти лозунги только перекраивали слегка прежние националистические установки "Гистадрута", чтобы сделать их более приемлемыми для изменившегося состава членов организации.

В период гражданской войны ни один из членов организации не принимал участия в организации красногвардейских отрядов, что, конечно, было неслучайно, а прямо вытекало из враждебной по отношению к Октябрьскому перевороту позиции. Правда, не было случаев и активного участия в рядах белых, т. к. их откровенно монархическая и антисемитская деятельность, конечно, отталкивала еврейскую (особенно ремесленную) молодежь.

1920 и 21-й годы прошли в Херсоне под знаком голода. Организация фактически распалась, многие уехали. Я уехал в 1921 или начале 1922 г. в Харьков, куда до этого переехали мой брат Эфраим и сестра Бэлла. В Харькове я прожил до конца 1922 г. Связей с тамошней сионистской организацией не устанавливал.

Переехав в конце 1922 г. в Одессу, где уже жили отец, мать и брат Лева, с первых же дней опять попал в круг сионистской организации "Гистадрут", где начал активно работать. Руководили тогда сионистской организацией Э. Цыпик и М. Новогребельский, впоследствии (в 1924 г.) арестованные ГПУ и затем уехавшие в Палестину. Идейное руководство осуществлялось тамошней организацией студенческой молодежи "Цеирей Сион", во главе которой стояли Л. Шнайдер, М. Немировский, Б. Хаимович и мой брат Лев.

В этот период организация уже была на нелегальном положении. Кроме чисто кружковой работы, она занималась и агитацией среди еврейской молодежи, причем впервые были выпущены и расклеены по городу листовки, содержащие антисоветские лозунги. В расклейке этих листовок я принял активное участие.

Организация выпускала свой журнал (на ротаторе), я и мой товарищ П. Левинсон редактировали этот журнал. Статьи были того же характера, что и листовки — антисоветские.

Не помню точно даты, но, кажется, в октябре 1923 г. Одесским ГПУ были арестованы многие из членов "Гистадрута", "Цеирей Сион", в том числе я и мой брат Лев. Однако мы были выпущены через две или три недели, как и все остальные арестованные участники организации.

К этому периоду относится и раскол, происшедший в "Гистадруте": часть организации во

главе с Э. Цыпиком и М. Новогребельским и др. отделилась. Причиной раскола стало то, что я и несколько других активных работников настаивали на том, чтоб организация официально ориентировалась на "Цеирей Сион" и полностью приняла идейную его платформу.

После раскола во главе оставшейся части организации встали я и П. Левинсон (впоследствии уехавший в Бельгию). В 1924 г. "Цеирей Сион" также раскололся на правый и левый: последний принял программу (официально она называлась платформой) социалистически-сионистскую и название ЦСП (Сионистско-социалистическая партия). В этой платформе речь шла о защите интересов еврейских трудящихся, о социализме, о приобщении к еврейскому и мировому рабочему движению, в частности, ко 2-му Интернационалу. По отношению к советской власти была взята позиция формального признания советовластия, но в то же время прокламировалась борьба с диктатурой компартии, что в конечном счете сводило на-нет формальное признание советовластия.

Эта формула — за советскую власть, но без диктатуры компартии — на деле означала отрицание советской власти как формы диктатуры пролетариата, однако эта форма была очень доходчива, ибо массы еврейских трудящихся были бесспорно настроены в пользу советской власти.

В 1924 г. в Одессу приехали Г. Явлинский, Ю. Ратнер, бывшие в то время членами ЦК ЦСП. С ними приехал и А. Фаермарк, который до этого времени осуществлял руководство местными организациями сионистско-социалистического союза молодежи. Он привез т. наз. "Фастовскую платформу" союза, принятую до этого на совещании ЦК ЦСП по вопросам работы с молоде-

жью. Он сообщил, что меня намечено вовлечь в ЦК сионистско-социалистического союза молодежи, который намечено избрать на предстоящем совещании. Оно состоялось весной (в мае) 1924 г. в Одессе. Туда явилось несколько представителей местных организаций молодежи, из них помню Я. Прилуцкого, М. Слуцкого, С. Межерицкого, Х. Черняка, Соломона (фамилию забыл). Был избран ЦК в составе А. Фаермарка, меня, М. Слуцкого, С. Межерицкого и Я. Прилуцкого.

Через некоторое время (примерно в конце июля 1924 г.) я выехал из Одессы в Ленинград, где должен был находиться ЦК (там же находился и "мерказ" (ЦК) партии).

В Л-де я с Фаермарком начал налаживать связь с местными ячейками (путем шифрованной переписки) и издание журнала ЦК "Югенд Фербанд". С. Межерицкий поехал в Минск, М. Слуцкий в Киев, Я. Прилуцкий остался в Николаеве.

Осенью 1924 г. я поехал в Минск заменить Межерицкого в деле организации в Белоруссии ячеек молодежи. Из Минска ездил в Витебск, Гомель, Полоцк, Бобруйск и другие местечки, организуя там ячейки союза молодежи. Для связи с мерказом и общего руководства союзом в Ленинграде оставался А. Фаермарк. Из Минска я возвратился туда же, а потом вскоре переехал в Москву, куда к началу 1925 г. переехал и мерказ ЦСП. В Москве, в Лосиноостровском, я и Фаермарк продолжали ту же работу по связи с ячейками, руководству ими и изданию журнала на ротаторе.

Однако к середине 1925 г. решено было перенести ЦК Союза из Москвы в Киев... В Киеве был организован ряд ячеек Союза в городе и на Подоле (место концентрации еврейского населения).

В этот период основной стержень нашей анти-советской агитационной работы был направлен против так называемой Евсекции компартии. Для этой цели использовались собрания молодежи, конференции, созывавшиеся Евсекцией и комсомолом, листовки, личная агитация. Члены организации проникали в кустарно-ремесленные секции, артели, в меньшей мере — в группы рабочей молодежи, где вели ту же антисоветскую агитацию. В частности, особенно резко агитировали против проводившегося переселения евреев из местечек на землю (в Крым) под предлогом неосуществимости этого и вредности для сохранения национальной обособленности.

В конце 1925 и начале 1926 гг. мы начали ощущать первые признаки упадка движения. Не все могли отдать себе отчет в том, что причиной этого стал начавшийся экономический подъем в стране в результате правильной политики советской власти, что еврейская местечковая молодежь начала понимать, что путь к нормальной жизни — это работа на заводе, предприятии, шахте, оседание на земле, и что именно политика индустриализации, усиленно осуществляемой компартией с ее специалистами, ее мероприятиями в отношении еврейской молодежи, именно и есть путь к социализму для еврейской молодежи, а не палестинизм, который ведет прямо под эгиду английского империализма и новой еврейской буржуазии.

От нас стали отходить сначала понемногу, а потом пачками те, кто ранее был вовлечен в ряды организации. Большую роль сыграли аресты осени 1924 г., продолжавшиеся и в 1925 г. Но основное — начавшееся "прояснение умов" местечковой молодежи.

В январе 1926 г. в Киеве были арестованы А. Фаермарк, М. Розовский (приехавший в Киев по линии мерказа ЦСП) и ряд других (в том числе Х. Ольшанский, упомянутый выше Соломон и др.). А через два месяца на квартире у Т. Подгаецкой был арестован мерказ ЦС Югенда (я, Межеричкий, Слуцкий, Прилуцкий, был арестован и приехавший из Баку Д. Хазинюк – Г. Смелянский). По постановлению коллегии ОГПУ все эти лица были заключены на три года в политизоляторы.

На этом заканчивается первый доизоляторский период моей антисоветской подпольной работы. В этот период я не только участвовал в антисоветской работе сионистского подполья, но и руководил этой работой, являясь членом ЦК Союза сионистско-социалистической молодежи.

В этот период сложились основы моей антисоветской идеологии, направленной своим острием против коммунизма, против диктатуры пролетариата, против коммунистической партии и советской власти”.

* * *

Первое, чисто зэковское ощущение после чтения: как хорошо держался этот парень, молодец какой!

– Великолепные показания, Яков!

– Его, конечно, били. И как били! Вы должны это понять...

Каюсь: за чтением показаний Воли Бромберга я совсем выкинул из памяти "прологовое" предположение Якова, что строки будто бы выбивали, "как у Зиновьева и Каменева". Настолько текст показался психологически и исторически важным и ценным! По сути-то, прав был, конечно, Яков: Волю должны были на допросах зверски лупить – уже потому хотя бы, что к сионизму следователям требовалось по обычаю

присобачить функции шпиона и убийцы-террориста... Но ведь и я тоже был прав: краткий рассказ о событиях 1917-26 гг. можно читать с доверием, ощущая не один только текст, но историко-психологический подтекст, ассоциации, намеки, что просвечивают между строками. Нужно чувствовать ситуацию эпохи и существа из подвальной камеры, что именовалось политзаключенным СССР.

Меня, помню, поразило, что Яков Бромберг начисто не видел в показаниях своего любимого брата тех вещей, что мне казались совершенно ясными!.. Неужели только бывшим энкам доступны особые оттенки в показаниях коллег-товарищей?!

Понимаю, что старший Волин брат, наверно, доверчиво воспринял распространенную нынче среди журналистов и даже у некоторых (дурных, по моей оценке) историков практику: все в признаниях подследственных ГБ надо считать заведомой ложью и фальшивкой, недостойной серьезного анализа, к сказанному на допросах ab ovo нужно относиться с презрительным недоверием. Но, господа, хочется мне спросить, неужели вы не видите, как унижаете этим род людской и народ советский? Великая страна и масса ее людей – неужели все они сдавались палачам без сопротивления, неужели принципиально отвергается возможность духовного, да и организованного противостояния омерзительной диктатуре... Ведь ваш тотальный скептицизм – обратная сторона того абсолютного доверия интеллектуалов к показаниям на "больших процессах", над которым сегодня все так издеваются.

Воля Бромберг назвал следствию – неужели не видно при малейшей попытке разобраться? – фамилии только тех товарищей, кто уже уехал из СССР (в Бельгию, в Палестину) и потому был недоступен гебушникам; либо тех, кто умер (Хаим Абрамович) или схвачен и уже осужден... Никакой оперативной ценности для органов информация не представляла. "Из

Минска я ездил в Витебск, Гомель, Полоцк, Бобруйск и другие местечки, организуя там ячейки союза молодежи"... К кому ездил? С кем встречался? На каких явках? — единственно интересная для оперотдела, конкретная информация — она отсутствует. "В Киеве был организован ряд ячеек на Подоле..." По каким адресам организованы? Кто входил? Кто возглавлял? Потому его, конечно, трибунал и удостоил ВМН, расстрела, — в НКВД умели читать следственные документы.

Возьмите фразу, которая в первую очередь показала Якову "выбитой" из брата следствием: о "палестинизме, который прямо ведет под эгиду английского империализма и новой еврейской буржуазии". Ее появление связано, конечно, со странной вступительной фразой — о том, что он решил рассказать "все без утайки". А зачем, спросите, кому-то надо было узнать "все без утайки"? Ведь следователи не историки, а профессионалы, заваленные текущей работой, в 1938 г. они уже не занимались обвинениями, которые предъявлялись ему в 20-х гг.! Кому это было нужно?

...У политзэка в камере Внутренней тюрьмы, осознавшего, что впереди гибель (если не расстрел, так, наверное, вычет из жизни десятилетий), неизбежно возникает соблазн: рассказать будущим поколениям "о времени и о себе". Не врагам, что сидят по другую сторону стола, но кому-то иному. Мне, если хотите... Тому, кто когда-то придет, раскроет секретное дело "Хранить вечно", и на ломких от старости страницах прочтет о жизни поколения то, что не дано никому знать, кроме смертника. Это общее чувство зэков МГБ, я не ошибаюсь! Но "бесплатных обедов не бывает" — не всякий документ энкаведешники соглашались поместить в дело... Привилегию требовалось заработать. Приходилось вести игру — иначе, господа, в следизоляторах не получается! Узник должен был изобразить, что якобы в чем-то пошел на-

встречу, якобы согласен дать "показания без утайки" – и он помог, действительно, помог энкаведешникам в их рутинной, текущей, нужной им тогда работе. Он помог обнаружить материал ПРОТИВ СЕБЯ! После его показаний о старых делах им, например, легче было его "оформлять", проще расстрелять: при любом пересмотре дел, даже при пересмотре карательной политики (они, конечно, предполагали и такой расклад, люди были опытные) следователи выглядели бы перед ревизорами добросовестными советскими работниками. Обвиняемый собственноручно написал: "Я не только участвовал в антисоветской работе сионистского подполья, но руководил этой работой, являясь членом ЦК Союза сионистско-социалистической молодежи... В этот период сложились основы моей антисоветской идеологии, направленной своим острием против коммунизма, против диктатуры пролетариата, против коммунистической партии и советской власти". Он описал эпизоды, доступные для любой контрольной проверки... Это могло показаться чекистам алиби – ИХ алиби перед историей, как ИМ эта история виделась. Потому и приложили все листочки к делу, хотя прямого значения для того обвинения, которое предъявлялось в этот раз, показания не имели. Но и он свою партию с ними выиграл: я могу эту информацию сейчас прочитать.

Дополнительная деталь. "Показания должны записываться на нашем языке", – когда-то объяснял мне следователь (чекисты не глупы, о замыслах подследственного догадывались, он у них не первый умный сидел...). Общепринятый в среде эзков контрприем против "лома", против "нашего языка", заключался в приведении в показаниях столь фантастических фактов и выражений, что это взрывало любые фразы "нашего языка" в глазах будущих читателей. Вот пример подобной игры, причем в ту же эпоху (лишь годом позже): Исаак Бабель вложил в показания на

следствии огромное количество ценнейшей, иногда уникальной исторической информации – о настроениях, намерениях, характерах, оценках исторических деятелей 20 - 30-х гг.! Но пришлось ему, конечно, признать, что был он французским шпионом, и, естественно, назвать следователю своего резидента из Сюртэ генераль: им объявлен Андрэ Мальро. Бывший комбриг испанской Интернациональной бригады, будущий полковник французского Сопротивления, классик прозы и публицистики XX века... Для историков проблема со шпионажем Бабеля этим признанием "на нашем языке" решается мгновенно!

Вениамину Бромбергу, например, хотелось зафиксировать для потомства некий факт, казавшийся ему особо важным, а именно: еврейское национальное движение в России с первых дней Октября относилось к большевизму отрицательно. "Октябрьскую революцию члены организации встретили прямо враждебно... В ходу была фраза: "Еврейская кровь не должна служить смазочным маслом для русской революции". Но как такую крамольную фразу пробить в дело, в показания для следствия? А просто: прибавляется к тексту идиотский, нелепый вывод – "Словом, позиция была шовинистическая", – и все фиксируется НКВД.

Еще: явное полевение членов "Цеирей Сион", их согласие с идеями левого социализма не означало какого-то примирения с большевиками или враждебности другим, "правым сионистам", – вот что тоже захотел рассказать потомству Воля Бромберг. В текст вставлена фраза на "нашем языке": "Появилась терминология и лозунги более "левого" младосионизма, хотя по существу они только перекраивали слегка прежние националистические установки "Гистадрута". Читайте: и полевеи, "мы пели прежние гимны".

Важная деталь, которую я угадываю в его показаниях: он честно, хотя скупно писал о разногласиях в

среде сионистов. Опора на собственную еврейскую силу казалась тогда ему и его партии ненадежной: деятель, рассчитывающий только на свою национальную силу, а не на солидарность с окружающими, обречен по особенностям своей психологии ввязываться с соседями в конфликты и, как бы велика ни казалась его историческая сила, рано или поздно наткнется на могучую коалицию и – погибнет. (Вспомните участь современников Воли, делавших ставку исключительно на их могучую национальную силу, – он, наверно, предугадывал судьбу национал-социалистов Германии?) Воля и его единомышленники в среде еврейских националистов считали принципиально важным искать для своего народа союзников и видели их, как сказано в его показаниях, в еврейском и мировом рабочем движении.

Воля старался намекнуть на многое, скрытое от взоров посторонних... ("Воспоминание безмолвно предо мной/ Свой длинный развивает свиток:/ И с отвращением читая жизнь свою,/ И трепещу и проклиная,/ И горько жалуясь, и горько слезы лью,/ Но строк печальных не смываю...")... Да, еврейская национально ориентированная молодежь отвергла большевизм, писал он в будущее, писал, повторяю, мне – но все-таки движение погибло, и погибло не только и не столько от репрессий, но от умной социальной политики советской власти... В рамках "сионистской пропаганды" это, наверно, говорить неприлично, это выглядит странно, даже "примочкой" (такой и была реакция на его слова Якова Бромберга). Но что, если, предвидя смерть, он написал, вопреки "идейно-пропагандистским" установкам даже своей партии – просто написал правду? Да, боролись они с умным, а не только сильным врагом. Много лет честно сопротивлялись ему, вопреки массовым арестам продолжали сопротивление, распространяли листовки, использовали для пропаганды официальные собрания, печатали журнал, агитирова-

ли. Но в конце 1925 года или в начале 26-го, накануне ареста, Воля сам чувствовал "признаки упадка движения" – сломленного не столько репрессиями, сколько яркой перспективой, которую власти развернули перед молодежью Страны Советов (к чему себя-то обманывать?.. Ведь и Гитлер завоевал Германию не репрессиями, но умной социальной политикой). Они большевизму проиграли. Но показания его все же завершились, напоминая, так: "В этот период сложились основы моей антисоветской идеологии, направленной своим острием против коммунизма, против диктатуры пролетариата, против коммунистической партии и советской власти". Ни одной буквы об обязательном, согласно канонам – раскаянии. Сказано однозначно: "основы моей идеологии".

Конечно, понимаю – его показания можно прочитать и так, как прочитал их Яков Бромберг: сведения выбили, Волю сломали, как "они" сломали Зиновьева и Каменева. Пожалеем, простим брата. Я не мог Якова переубедить и обещал ему одно: процитирую в книге весь текст этих показаний, без единого изменения и сокращения, изложу мою и его точки зрения и дам читателю самому решить: кто из нас прав. Мой старший друг Яков Бромберг умер во сне в ноябре 1995 года, но обещанное ему я считаю своим долгом здесь выполнить.

А теперь – судите о тексте сами.

ПИСЬМА ИЗ СУЗДАЛЬСКОГО ИЗОЛЯТОРА

После решения ОСО Вениамина Бромберга этапировали в Ярославский политизолятор. Его брат Лев, арестованный семью неделями позже в Ленинграде, тоже получил три года, и тоже от ОСО, и тоже в "местах заключения ГПУ". Этапирован – туда же.

В одиночной камере Ярославского изолятора, в тюремной маете, во второй половине 1926 года Воля написал те рассказы, что спустя 67 лет мы печатали в "Окнах". Относился он к ним легкомысленно, просто "мотал срок" в тюрьме, и потому они остались его единственными "беллетристическими вещами". В письме к родителям от 18 июня 1929 года я обнаружил строки:

"Я, дорогие мои, хочу послать вам пару беллетристических вещиц, которые писал еще в Ярославле. Один мой товарищ, журналист, прочел их и советует обязательно послать куда-нибудь, где печатают подобные коротенькие рассказы. Кажется, так и сделаю. Ведь ничего не теряю. А вдруг их примут, как это ни дико. Тогда семья Бромбергов потерпит еще один удар: окажется в их рядах писатель... Шучу, конечно, по послать все-таки, вероятно, pošлю".

Послал? Скорее – нет. Следов не осталось, и более никогда об этих рассказах не вспоминал.

У братьев на свободе остались "боевые подруги" по сионистскому подполью: у Левы – Эдя Хаенко

("все тогда шутили, что Лева, занимаясь сионизмом, одновременно воспитал себе жену", – вспоминал Яков), а у Воли – Белла Людмер. Эдя была питерской студенткой-медичкой, а Волина Белла жила на станции Перловка под Москвой, так что, видимо, это было знакомство периода его работы в "мерказе" (ЦК). О быте братьев в их ярославское полугодие не осталось свидетельств, только в письме Эди Хаенко, написанном родителям жениха после свидания (ей дали его в Суздальском политизоляторе. Какое все же было блаженное время – свидания давали невестам!), есть предложение:

"С апреля они начинают гулять по три часа в день, и, следовательно, меньше возможностей для всякой неврастении. Там очень хороший парк. Камера хорошая. Вообще в Суздале, как я узнала от других, один из лучших политизоляторов. А в Ярославле было очень сыро, холодно. Лева доволен переводом. Большое значение имеет присутствие Воли. Вначале они ругались, т. к. Лева невероятно раздражен, а Воля не считался с ним, как с больным человеком. Сейчас приспособились и довольны".

Могу предположить, что там случилось. Ярославль мог быть "опытным участком" для изучения и предварительного присматривания "органов надзора" к психологии и поведению узников (у нас в Мордовии 70-х гг. тоже был похожий "опытный участок" – ЖХ 385-17а). По ярославским оперативно-внутренним показателям к концу 1926 года руководство мест заключения могло принять и "гуманное решение": братьев Бромбергов перевели с участка "на постоянное место пребывания", в Суздаль, и даже поместили в одну камеру. Расчет мог состоять в том, что, толкаясь боками в тесной клетке, братья рассорятся. Очень бы начальству желательно! Принимались в

расчет болезни Левы и юношеская игривость Волиного характера, как зафиксировала Эдя. Хорошие показатели для будущих конфликтов в камере (а потом и на воле?). Но братья, как узнаем из письма, "приспособились и довольны". Обманули планы граждан начальников...

Почему-то от тюремного периода остались письма только от Левы – и ни одной весточки от Воли или к нему. Возможно, Волины письма изъяли в 1938 году на обыске после ареста или же сосланная Белла сама уничтожила их ("Она никогда при мне не упоминала, что у меня был отец", – вспоминал их сын, Герик. Спасала ребенка, конечно, ведь подлежала законному сроку – как ЧСИР! Многие, очень многие люди, не одна Белла, уничтожили тогда бесценные исторические документы в личных архивах. Кстати, Эдя тоже уничтожила письма Левы, об этом рассказала ее дочь: "Их хранить было очень опасно"). Остались только письма Левы из Суздаля в Одессу, к родителям-народовольцам. Вот отсеянная мною информация о тюремном бытии, занятиях, отношениях, заботах и характерах братьев Бромбергов в Суздальском политизоляторе, где оба провели примерно два года.

Предваряю публикацию кратким замечанием о психологии персонажей: если Воля обладал художественной натурой, то Лева, напротив, был наукопоклонником. Он погрузился с головой в модное увлечение эпохи – фрейдовский психоанализ ("признанный фрейдист семейства Бромбергов", как ехидно прошелся по его адресу в одном из позднейших писем Воля).

"Вы уже знаете, что мы оба перемещены в Суздаль и сидим вместе... Оставшиеся полтора года нашего сидения почтем достаточными для этой "новой квартиры". Я уже приспособился... Читаю, а с Волей ругаюсь мало – почти совсем не ругаюсь, захлебываюсь беллетристикой, которая

здесь есть в изобилии и нужна моим нервам, как молодая жена 17-летнему мужу”.

Следующее письмо:

“Ем я теперь овощи и фрукты, а, говоря точнее, покупаю себе полкило помидоров на неделю и два десятка огурчиков. Это, конечно, немного, но т. к. тысячи людей на воле и не всякий в тюрьме может себе это позволить, то я говорю вполне искренно — считаю свою пищу выше средней. Деньги, высланные вами, мы разделили, как мама когда-то писала, “по-братски”...

Мы оба отказались от той научной специализации, о которой мечтали вначале. Это оказалось несбыточной мечтой. Ну, и черт с ней! Не первая, не наибольшая... Оба мы за полтора года приспособились к времяпровождению без книг — их нет или читать неохота. Воля мастерит, и у него так прекрасно все получается, так что при каждой новой вещичке выть хочется от сознания зарываемого в землю таланта. Я же лежу на постели, заложив руки за голову и разрываю действительность мечтой о несбыточном. И — живем...”

22.01.27:

“Благодарю вас за благосклонное внимание к моим виршам. Боже, как я подчас чисто физически страдаю, что нет ушей, которые бы вняли роящимся, рвущимся, плещущимся через край теориям, философиям, образам, построениям. Воля? Но он уже хорошо научился выговаривать: “Это казуистика, схоластика, словесные фокусы” и т. п., и, чтоб не портить отношений, я вынужден молчать... Меня столько раз и со столькох сторон охаивали “казуистом”, что я без

всякого кокетства это и сам знаю, и согласен с этим. А тут еще эндокринология создала такую красивую, охватывающую, жизненную гипотезу о том, что увеличение щитовидки дает не только выпадение волос, резкие изменения пульса, повышенную возбудимость, но и моторную установку, словесные и речедвигательные ассоциации с крайне малым числом звукоцветовых представлений (в просторечии – "образов"). Вот эту-то без-образность моего мышления и превращают мои современники в его безобразность! И когда я создаю концепцию, что человечество движется от звукоцветовых представлений к словесно-без-образным осложнениям, то ведь это лишь превращение моей необходимости в добродетель – лучшее убежище сороки в павлиньих перьях. Но ведь бодрости-то я не теряю именно благодаря этой поговорке... Что касается писания стихов, то я назвал его "детским пороком".

Март 1927 года:

"...Папа меня снова спрашивает, не собираюсь ли я писать что-нибудь по педагогике. Увы, должен снова ответить отрицательно – из-за отсутствия книг и животрепещущих тем. Есть, конечно, темы, на которые современные журналы приняли бы у меня статью, например, "Литература в школе 2-й ступени: задачи полового воспитания" или еще лучше – "Опыт психоанализа на примере творчества Анатоля Франса", но – нет "ложки для киселя", т.е. книг-источников. Последняя тема меня особо интригует... Но – ничего не напишешь. Живу сейчас лучше, чем обычно: весна принесла мне почти полное (чтоб не сглазить!) освобождение от одышки. Правда, весна пока лишь в потенции: снег еще есть и по утрам холодно. Но воздух уже свеж и чист, и голуби

часто по утрам целуются до одурения на выступе окна – вернее, до того момента, пока я не прогоняю их, т. к. мне нужно читать. Не нужна ли мне одежда и прочее? Категорически нет – как выражается в аналогичных случаях Эдя, "и без разговоров". По секрету скажу, что Воля несомненно нечист на руку и, если он написал вам, что у него все есть, то он врет, как самый последний... сын в семье! У него не ахти как с бельем, а конкретно я и сам не знаю, т. к. он не говорит. Вы уж воздействуйте на него, только, ради Бога, не пишите, что это я вас навел, а то он меня загрызет... Насчет "психологии времени" и его продолжительности в тюрьме – я с мамой не согласен. Чувствую как раз наоборот: день пролетает очень быстро, а время тянется ужасно медленно. Не звучит ли это парадоксом? Не знаю. Я объясняю это тем, что сравнительно много занимаюсь: из-за занятий день проходит даже быстрее, чем на воле. Но т. к. занятия крайне однообразны и не дают никаких переживаний, то растревоженному глазу прошедшее, не наполненное ничем, кажется пустым. Но так или иначе, а общечеловеческая система отсчета времени говорит, к сожалению, что сижу я только 11 месяцев и что остается, увы! – еще 25!

...Как мамино здоровье, как ее зубы? Когда здешний зубврач рвет мне зубы, он говорит: "Ну и зубки у вас! Как плесень". Зато мозг силен: одолеваю по 2200 страниц вот уже второй месяц. Читаю, как заводная машина".

Начало 1928 г.:

"... Вы напрасно прислали мне денег "на боржом". Не говоря о том, что при "не вполне подходящей диете" и при условиях, мало напоминающих "санаторию" (если не считать, что тут,

как в санатории, жизнь течет размеренно), боржом мне вряд ли поможет – помимо этого, я убежден, что он вообще мне мало поможет. Диагноз врача: 1) хронический катар желудка 2) хроническое заболевание печени 3) миокардит. Врач толкует еще об истерии и неврозе и расстройстве внутренней секреции! При такой сложной картине "хронического безобразия" очень сомневаюсь, что можно уповать на боржом как средство лечения... Другое дело – фосфор. Этот препарат мне нужен ныне и присно, и во веки веков, пока с его помощью меня не будет – аминь! Врач с будущей недели начнет кормить меня кальцием, пока же кормит бромом, я выпил уже 5 бутылок, и врач не имеет ничего против, чтоб я выпил еще 25!

... Я две недели тому назад подал заявление, в котором на основании болезней и диагноза врача ходатайствовал о замене наказания высылкой в Палестину – к брату и тетке, врачу, которая сможет меня лечить. Увидим, что ответят... Воля, вероятно, будет ждать решения вопроса со мной. Вполне не согласен с вами, что хотите ждать нас, чтоб ехать вместе. Бэлле (сестре Бромбергов. – М. Х.) можно так думать – молодое, глупо! Но вам?! Ах, сколько горя снялось бы с меня и Воли, если б вы послушались советов и снялись бы! Я бы чувствовал себя даже меньше виноватым. Да что! Знаю, что наши советы – глас вопиющего в пустыне".

Ноябрь 1928 г.:

"В ответе вашем нет ничего нового и радостного, т. к. поездка ваша к Шуре (т. е. к "Яшуре", к Якову Бромбергу, в Палестину. – М. Х.) до весны отложена окончательно – даже если паспорта и будут стоить дешевле. Жизнь ваша течет теперь тихо, одиноко и трудно. "Все кости мои го-

ворят об этом", как сказано в Библии. ...Месяц был такой же, как предыдущие. Вот единственное отличие: занимаюсь я, главным образом, языками, а наука в стороне... Прочитал я уже столько, что общих знаний вполне достаточно, а нужна университетская лаборатория. Да и то сказать: скучно уже стало читать и все читать, и интеллект утомился. Не мозг, а именно интеллект: читать могу, но углубляться в прочитанное как-то неохота. Просто неохота! Я это дело понял, ибо два с половиной года чтения по одной специальности — вполне законное время для ослабления непроизводительного внимания (интереса) к ней. Т. к. языками занимаюсь охотно, то и решил большую часть времени потратить на них. Пока выходит прилично, и, случается, часто 5 - 6 часов занимаюсь всеми тремя языками: читаю по-древнееврейски, немецки и английски. Представьте, это оказывается нетрудным, несмотря на мои безобразные способности к языкам и ослабленную из-за неврастении восприимчивость. Чем объяснить эту неожиданную удачу? Во-1-х, разным уровнем знания каждого языка, из-за чего я трачу на каждый из них, так сказать, другую психическую энергию: по-еврейски я, в общем, читаю свободно (хотя незнакомые слова в нем есть, но я с языком настолько освоился, что мне трудно переводить, лучше всего понимаю, не переводя); по-немецки я хоть и читаю, но чаще всего нуждаюсь в переводе, чтоб лучше уразуметь. По-английски же только перевожу и с большим еще трудом: на страницу Конан-Дойля встречается от 15 до 20 незнакомых слов, которые я тут же немилосердно зубрю. Во-2-х, разными объектами чтения: по-еврейски (на иврите. — М. Х.) — это беллетристика из еврей-

ской жизни, по-немецки — психология, по-английски — урок чтения... Чувствую себя по-прежнему. Желудок уже вступил в стадию зимних запоров, к которым я отношусь куда положительнее, чем к летним расстройствам — с их поносами, кровью, болями и прочими земными радостями. Помучивает, правда, бессонница с одышкой, но этих старых, давно известных врагов я привык игнорировать и плевать с десятого этажа.

...Взял я книжку литературно-критических статей — и читаю. Слова незнакомые редки, механикой чтения овладею к концу книги вполне... Никогда не ожидал, что это будет так эффективно... Прочел я за год пребывания здесь 130 названий размером в 17 000 страниц. Спрашиваете о творчестве? Ничего, если не считать удачного изобретения способов ловли и умерщвления мух — десятками за день — и мечтаний, о которых Саша Черный выразился так: "Опущусь на кровать и в подушку зарюю я голову"... Согласен с тем сифилитиком, который, увидев лозунг "Сифилис не позор, а несчастье", написал: "А мне от этого ни легче". Будь они прокляты, эти мечты, это ведь тот же сифилис, только без провала носа. Нетерпеливо мы ждем с Волей августа, когда должен решиться вопрос вашего отъезда.

...Погода у нас стоит отвратительная: слякоть, дождь, снега не видать. Но живем мы нормально и от осени не скучаем: ведь это третья. И привыкли к ней, и последняя она. Да, милые, "дни за днями катятся, нити жизни тратятся": кажется, вчера сел в тюрьму — а нет: через 5 месяцев и 3 недели будем выходить на "волю".

Письмо через день:

"Не посылайте мне денег! Если бы вы хотели внять моему совету, категоричность коего зависит только от его вынужденной краткости, вы бы копили эти деньги, чтоб посылать их Воле, как только он очутится на свободе. Уверяю вас, эти 10 - 15 рублей ему будут нужны просто, чтоб снять комнату и на обед. Конечно, и план присылки ему кое-чего из белья весьма уместен: по секрету скажу, что наволочки у него все полезли, да и с простынями туговато (умоляю, не сообщайте ему о моем доносе, он меня съест живьем)...

Ох, с каким удовольствием прочитаю я, что вы уже имеете визу! Но я так привык к откладываниям, что уже готов выслушать известие о невозможности поехать осенью из-за какой-то новой задержки. Да минет вас чаша сия!.. За книжку Фрейда заранее благодарю на всех известных мне языках, а пуще всего — на наиболее известном, языке жестов. Вы можете не бояться, что я перегружаю себя психологией: из прочитанных 290 названий на психологию падает не более 115 - 120, а на медпсихологию и сексологию — каких-то 15 - 20. Так что "опасным материалом" я себя не перегружаю".

На письме нет даты:

"Книги взялся переводить. Говоря скромнее, из четырех присланных немецких книг я пока перевожу только кантовские "Пролегомены". Перевел пока страниц 20 (я записываю перевод, поэтому двигаюсь медленно). Будь он неладен, этот сапожник от философии. Его нужно читать лишь тогда, когда задаешься целью получить отвращение к философии. И все это не столько из-за его

мыслей, сколько из-за его слога и стиля. А ведь стиль — это человек! Кончу "Пролегомены", переведу немного "Этики" — и баста. Поэтому больше Канта не ищите, а вот если бы хоть немного... стихов Гейне на немецком — ужасно хочется его лирику почитать. Живу я сейчас, перефразируя поговорку "с хлеба на квас", — с брома на соду. Но легче, чем в прошлом году. Ну, будет обо мне.

...Большим облегчением послужило сообщение, что ваши визы еще не готовы: в противном случае, вы невольно пропустили бы их сроки. Если же присоединить уверения врача, что мама может спокойно перенести переезд, то это совсем хорошо! Вот только как вам сейчас живется, одним, беспомощным? Зимой ведь еще труднее, чем летом! Прочел в газете, что умерла народволок в Одессе Е. Куперман. Думаю, что газета спутала фамилию и умерла Елена Коберман (возможно, жена или сестра Д. Кобермана, руководителя народовольческого кружка, — помните обвинение Ф. Бромберга в 1887 году? — М. Х.). Значит, еще одной сверстницей папы меньше..."

Ответ на письмо от 25 января 1929 г.:

"Очень удачно вы послали книги на этот раз: и Овсяннико-Куликовский, и немецкая брошюрка, и Гейне. Гейне в особенности. За него я еще не принялся, предвкушаю удовольствие заранее. Теперь я спокоен в отношении книг на много месяцев и освобожу вас от этой обузы. У меня для прочтения: семь еврейских книг, две научных немецких и Гейне. Это целый кладезь... Спасибо за фото Катеньки (Екатерины Дорфман, врача-педиатра, сестры Э. Бромберг-Дорфман: на ее квартире в Киеве братья скрывались от ГПУ. Она тогда уже уехала в Тель-Авив. — М. Х.)... глаза

Фотоматериалы

*Братья Вениамин и Лев Бромберги
(1935 г.)*

*Яков ("Шура") Бромберг
в 20-е г.г.*

Лев Бромберг с дочерью Геллой (Чимкент, 1933 г.)

*Воля Бромберг. Автопортрет.
Сделан в камере смертников
(1939 г.)*

*Фото из следственного дела
В. Бромберга*

Выписка из протокола № 50

49

Особого Сопевдани при Коллегии ГПУ УССР от 20 апреля 1926 г.

С л у ш а л и :

П о с т а н о в и л и :

1. Ходатайство Киевского
Окреддела ГПУ об админ-
высылке гр-на БРОМБЕРГА
Венъямина Файвелевича,
21 года, служащего и друг.
в числе 6 ти чел., как ан-
тисоветский элемент.
(Докл. т. Чердак).

Принимая во внимание, что гр.
БРОМБЕРГ и друг. - являются чле-
нами сионистских организаций
ИСП и ЦСЮФ и проявляют активную
антисоветскую деятельность, - при-
знать его соц-опасным элементом и
возбудить ходатайство перед Осо-
бным Сопевданием при Коллегии ОГПУ
о высылке его за пределы УССР,
сроком на ТРИ года. -

Подлин. за надлежащ. подписями.

Нач. Бюро Учета
С. Г. ГЕРЦОВСКИЙ
УССР

(ГЕРЦОВСКИЙ)

Протокол ОСО (приговор).

опущены на ребенка, которого исследует, ресницами они закрыты, но чувствуется, как она изпод них следит глазами за фотографом. Очень мило и живо! Спросите ее, как она относится к Фрейду и психоанализу в той его части, которая относится к детскому возрасту. Я прочитал всю спецлитературу по психоанализу (включая и учебники по психотерапии) на русском языке — это не меньше 25 - 30 названий. И по несколько раз! Пользы от этого, конечно, мало: ни ошибок моих, ни вывихов собственного воспитания вернуть нельзя. Но хотя бы знаешь их. Ну, не ругайте меня за пессимизм — ведь он так же естественен, как утверждение одного щуплого и бесильного героя Гейне, что любовь должна быть платонической. Знал Гейне, над чем смеялся!”

Следующее письмо:

“...Хотя посылка пришла за несколько дней до Нового года, я сожрал всю халву сразу и встретил Новый год только храпом. Такова моя природа — или все, или ничего. А т. к. жизнь готовится для меня лишь последнюю половину поговорки, то чуть дорываюсь до первой, сейчас же возвращаюсь в первобытное состояние. Ей-богу, так лучше, хотя желудок кричит гевалт! Но кто я Гекубе и кто Гекуба мне?

Этот месяц живу несколько хуже обыкновенного — донимают нервы... Симптомы, мучившие меня в прошлую зиму (одышка и слуховые галлюцинации), исчезли довольно радикально, но тем больше прорывается невроз, навязчивые фантазии, которые плотным кольцом одевают день-деньскую жизнь мою. Наученный прошлым годом, я терплю и не распускаю себя морально — эти явления указывают на грань, отделяющую нормального невротика от душевнобольного ипо-

хондрика. Понимаю, что воля к здоровью есть производное, и внешними способами поддерживаю ее, подкрепляю, помогаю ей. И – пока удается. Говорю без ложной скромности – я многое преодолеваю и не без успеха. Январь-март являются для меня самым тяжелым периодом, и сейчас январь фактически кончается – это веселит и вселяет бодрость и надежду выйти из этой борьбы к весне ненамного более потрепанным, чем в прошлом году.

Читаю, естественно, меньше, зато перевожу немецкого больше. Это к лучшему: занимать верхние этажи сознания и воли наукой трудно в те минуты, когда там идет борьба, зато нижние его этажи пока работают, и я перевожу 4 - 5 страниц ежедневно (большого формата и высоконаучного текста)".

1929 г. Ответ на новогоднее послание:

"...Дело идет к концу срока, три года таки проходят, а еще немного, и вот они уже прошли. Оглядываясь, чувствуешь, что нельзя выразиться лучше, чем в известной поговорке: "Так идут к звездам"...

Такова уж дуалистическая природа моего темперамента: я и оптимист в области интеллектуально-волевой и пессимист в области эмоциональной. На ваши вопросы отвечу подробно. Деньги. Они мне безусловно не нужны. Я рассуждаю об этом за тысячу верст от сентиментализма и принимаю в основание только рациональные мотивы. Эдя мне присылает больше необходимого... и я обеспечен на все 100%. Если я буду нуждаться в вашей помощи, можете быть уверены – напишу. Относительно чтения книг папа, в общем, прав, но выполнять его совет я не хочу. Во-1-х, мне нечего читать. Как вы знаете, инте-

ресует меня область очень узкая, высокоспециальная (стык психологии с педагогикой), книги по этой специальности можно найти только в спецхранилищах, покупать необходимейшие я давно себе не позволяю, т. к. и так вишу на шее близких тяжелым бременем (а увеличить его покупкой книг — значит для меня отравить радость от чтения и остатки душевного равновесия). До ноября я еще довольствовался повторным чтением имеющихся книг, но чем ближе к концу третьего года, тем больше сдает воля, до сих пор твердо не уступавшая естественной скуке от научного пережевывания уже либо известного, либо полуизвестного. Я решил не принуждать себя, потому что от такого чтения мало пользы, оно вызывает одышку и еще потому, что, как я уже писал вам, я научился ничего не делать (мама знает, что это для меня новость; верно, помнит, как в детстве я ходил за ней и нудил: "Мне нечего делать... Что мне де-е-елать?!"). А научившись — благословил судьбу, из-за которой человек происходит, пусть и по боковой линии, от свиньи. Теперь почитываю случайные, нетрудные книжки, если они есть, по близлежащим вопросам, а кроме того, языки. Удовлетворяет ли это вас? Меня — да. Я вам уже писал, что на отъезд дал Воле одно из своих двух одеял. Они оба не ахти, но, принимая во внимание, что у Воли есть летнее (байковое) одеяльце и ска-терть, служащая за одеяло, и пальто, служащее девушкой за все, думаю, он в пути будет обеспечен. А там ведь — лето! И за меня не беспокойтесь: у меня одеяло и пальто, а выезжаю я летом. Но, ради Бога, Воле об этом не пишите: дав ему перед отъездом, огорошу и, не оставив времени подумать, заставлю взять. Если же он будет знать заранее, начнет стесняться и фордыбачить..."

Незадолго до Волиного убийства на этап в феврале 1929 года:

"Еще раз спасибо за карточки. Теперь у меня полный комплект "рыдателей", как шутит один знакомый (сколько в этой шутке тайных слез и бессонных ночей!). Воля пока еще богаче меня: у него один папа, но целых две мамы...

Я давно себе сказал, что придется дважды пережить окончание тюремного срока — когда кончит Воля и через семь недель я. Я готов к этому: если вспомнить, что каждое утро выпиваю чашку размером в два с половиной стакана чаю (это я-то, месяцами не пивший чаю вообще!), то эту чашу я тоже выпью! До дна.... Чувствую себя в норме. Читаю мало, занимаюсь языками тоже мало. Но — представьте — я научился ничего не делать. Два года читал, читал и занимался, с ужасом думая, что будет, если устану, как буду жить без хотя бы призрачного, книжного интереса. И вот подите! Впрочем, я ведь уже писал, что человек — свинья, рыжая, толстая, ленивая и грязная..."

Конец февраля 1929 г.:

"Итак, "можете меня поздравить,— как сказал некогда Саша, положив котелок на стол и скромно округлив грудь,— я женился". То есть, виноват, хотел сказать, я уже один. Воля уже уехал, а вместе с ним начались мои предотъездные семь недель. Доволен, что вам кажется, будто и я должен был с Волей уехать. Увы, мне вовсе не кажется, что я уже уехал. Наоборот, кажется, что до отъезда еще так далеко. Но я помню, что мир все же не "моя воля и не мое представление", и как ни крути, а протянется все это всего 50 дней, или 1200 часов, или 72 тысячи минут,

или 4320000 секунд. Значит, выражаясь стилем древних классиков, "настанет день, и я покину убогий Суздаль! Покину древний скит и в даль туманную отправлюсь!"...

В области словотворчества я менее резок, чем в "праве писания", но и здесь я – "за"!.. В самом деле, почему "со-сознание" нельзя сказать (когда мне нужно), а "сосуществование" можно? Почему "выпиливание" допустимо, а "представливание" является грубейшим германизмом, хотя это понятие дозарезу нужно психологии, научившейся после Гуссерля различать акт (процесс) представления от содержания (предмета) его же? Вы скажете – "некрасиво". Но старый писаревский дух, слава Богу, еще жив во мне, и я еще умею не обращать внимание на безобразие моих чиненных и перечиненных брюк, когда я знаю, что этим безобразием я получаю возможность сохранить свои новые брюки нетронутыми до воли... а по прошествии года на воле буду смотреть на эти жалкие остатки брюк с умилением, а еще через год буду удивляться, неужели я считал их безобразными, и убежденно стану защищать идею, что они красивы – ибо "что пройдет, то будет мило". То же и со словами, некрасивыми лишь из-за отсутствия привычки к ним. Извините, что так расфилософствовался".

ССЫЛКА

В ссылку Волю Бромберга этапировали два месяца: из изолятора изъяли его в конце февраля, освободили из камеры накануне Первого мая. Жутко долгий и жутко выматывающий этап.

Первый "доклад со свободы" – в Палестину, тетке Екатерине Дорфман и брату Якову ("Шуре"):

"Ашхабад, 20.05.30. Здравствуйте, дорогие все!

Легче мужчине родить двойню, чем мне сесть за письмо к вам. С чего начать? Шуру я не видел лет шесть – и каких! С Катенькой тоже хороших три с половиной-четыре года. Ну, а с Лией (женой Якова - "Шуры". – М. Х.) вовсе незнаком. Повинуясь, твоему, Катенька, наказу, начинаю сразу с выхода из Суздаля... Поездка длилась около двух месяцев, о ее подробностях нужно рассказывать устно, не стесняясь никакими знаками препинания и прочей грамматикой. В общем, к моему более раннему опыту этот путь прибавил – и немало. Выехал я из Суздаля при 20 градусах мороза, на санях, в дохе. Когда приехал в Ашхабад, тут уже отцветал урюк, а в городском саду соловьи вспоминали об истекшей весне. Когда я прошелся первый раз по вечеряющим улицам города Ашхабада (и это оказалось не одним из многих снов, перевиданных за три года), то ощутил нечто совершенно особенное, оно "не называется".

Первое письмо с "воли" родителям:

"Ашхабад, 1.05.29

Вчера в 4 часа дня я был освобожден местным ГПУ, в чье распоряжение был направлен – ПП (Постоянным представительством ГПУ) Средней Азии из Ташкента. Мне было заявлено, что пока я могу находиться в Ашхабаде... Дорогие мои! Что вам сказать! Свобода, боже мой! Разве это опишешь! Разве это расскажешь! Это слагается из тысячи мельчайших ощущений, из которых постепенно (очень постепенно) вырастает некое общее ощущение, а какое – трудно передать. Вчера вечером я ходил по улицам городка, как в тумане. Сегодня, в день Первого мая, пошел опять бродить среди праздничной толпы, музыки, веселья, детишек и шума – и мне было очень хорошо.

Но надо же вам сказать, как я устроился. В ГПУ попросил адрес какого-нибудь ссыльного, мне его дали, и прием превзошел все ожидания. Я и мои товарищи по этапу обогреты, напоены, накормлены, устроены на ночлег – словом, вы прекрасно представляете все остальное. Тут не один, а несколько ссыльных, большинство так или иначе устроены... Если меня оставят здесь – будет хорошо. Впрочем, неплохо будет и при других комбинациях – где наша не пропадала?.. Пишите по адресу: Ашхабад, ул. Кольцова, 57, К. Топорову.

Куда направлен Лева? Разрешили ли ему свободный проезд? Как его здоровье и самочувствие?

Как только выяснится место моего назначения, я выпишу из Суздаля скрипку и книги. Собственно, я бы это сделал немедленно, но придется все равно ждать, пока появятся первые деньги – ведь присылка вещей должна обойтись

рублей в 10 - 12, не меньше. Да, вы знаете, конечно, что ежемесячно ссыльные получают 6 р. 45 коп. от ГПУ, а раз в 3 - 4 - 5 месяцев "довольствие", т. е. пособие на одежду (рублей 5 - 10)...

В этапе я имел возможность разика два поиграть на мандолине. Тут, кажется, достану на время скрипку.

Город мне нравится: масса красивых персиянок... Откуда они берутся! Затем - прелестные дети, я никогда детей не любил, а тут теряюсь от восторга перед этими крошечными восточными человечками. Восточная архитектура лезет в глаза, хотя есть много европейских домов тоже. Вчера видел большое стадо верблюдов с верблюжатами, чрезвычайно смешные ребята! Верблюд - животное интеллигентное, его взгляд из-под нависших век очень замечательный. Видел тут и на этапе черепах - их тут тысячи, большие, средние и маленькие. Одну при мне мальчишка положил на рельсы, я уже думал - погибла - ан нет! То ли раздавило, то ли сбросило - поползла себе в сторону!

Жара пока вполне сносная. Зайду в местную чайхану, спрошу плов и познакомлюсь с ним. Знаю уже слов 15 по-туркменски, язык очень бедный, а народ тут дикий, в высоченных папах, каждая папаха - целый баран. Персиянки ходят открытые, но в черных балахонах, узбечки в парандже, узбеки в тюбетейках, курды, афганцы и прочие в чалмах. Кого тут только не встретишь! Я даже встретился на этапе с одним негром из Персии! Чудеса!

Простите за первое письмо, сумбурное и нестоящее. Поздравляю вас с тем, что ваш сын увидел свободу после трех лет и двух месяцев тюрьмы. Я бодр и в меру человеческих возможностей счастлив ощущением свободы..."

Из письма в Палестину, 25.05.29:

"...На второй день было Первое мая, ходил вместе с толпой по белым от солнца и пыли улицам, впитывая в себя краски, шумы и запахи. Наибольшее удовольствие доставляли мне в тот (и по сей) день детишки, туркменские, персидские и иные. Отцовских чувств у меня нет, но после трех лет взрослого мужского общества все дети вызывали у меня умиление, а все женщины и девушки казались невысказанными красавицами. Дети тут действительно прелестны, особенно персидские малютки, очень экономно одетые, грязные, коричневые и с блестящей копной волос на головках. А глаза! Куда там еврейским детям! И когда такое вот существо глазеет на тебя, на "европейца" или решается крикнуть "урус адам яман" (последнее слово – "плохой"), то на душе становится весело. К городу я сразу привык – к плоским одноэтажным домам, длиннейшим заборами из кирпича-сырца, к солнцу, ишакам и верблюдам, пестрому населению. Население разношерстное, есть представители Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и даже Африки. Персы, курды, афганцы, турки, армяне, туркмены, узбеки, русские, евреи, китайцы и даже – японцы. Но вот к чему я не могу привыкнуть – это к здешней, чисто восточной пыли. От малейшего движения взлетает столбом – боюсь, придется надевать автомобильные очки. Год выдался "холодный" – свыше 50 градусов жары градусник еще не поднимался, а в тени +35. Переношу жару, потому что она сухая и ночи прохладные. А когда будет +65-70 и ночи паляще-душные, тогда я узнаю кузькину мать! Тут это нечто вроде вашего хамсина. Пока хожу в тубетейке под солнцем – и ничего. Вокруг Аш-

хабада (знаете ли вы, что Ашхабад значит – Город любви) высятся горы Копет-Дага, на них есть снег. Они на персидской границе, верстах в 35, а кажется, вот они, в голубой солнечной дали греют свои морщины.

Что же я делаю в Ашхабаде?

Прежде всего, бегаю. У меня не катар желудка – я ищу работу. Помимо многих своих специальностей, я еще чертежник. Недавно поступил в Управление желдора (железных дорог – М. Х.), проработал 6 дней, получил 15 рублей и был уволен. Финал печальный, но не слишком: зарабатывать на жизнь смогу – службой, уроками или как иначе.

Несколько дней назад получил из Суздаля свои книги и рисунки. Конечно, горько видеть, что за три года (фактически за пять) пальцы сильно окостенели, но, во-первых, я ожидал худшего, а, во-вторых, я поставил крест на музыке как на основной своей мечте, а хочу сохранить ее только для себя. Между прочим, я теперь смог сыграть четыре свои вещички, написанные в Суздале. Как и ожидал, две из четырех оказались ничего себе, одна – так себе, одна – плохая.

Был я тут на паре концертов. Один – вокальный квартет из Москвы. Прекрасная музыка и большое мастерство... Зато другой – симфонический концерт местных – видел только в первом отделении и позорно сбежал, ибо хотя левое ухо у меня слышит плохо, но другое обладает абсолютным слухом. В случае чего я могу стоять на четвереньках и выть по-собачьи, а это был именно тот случай...

Был я много раз в кино, упивался цивилизацией и ее плодами после трех лет отрыва. А вообще часто хожу гулять – парк здесь замечатель-

ный. Я видел известный Гомельский парк графа Паскевича: Ашхабадский не уступит в споре. Соловьи, хоть и не курские, но персидские – а скольких персидских поэтов вдохновляли эти соловьи!

Можно ходить за город, на холмы, видны синие горы и дует ровный и сильный ветер – а т. к. это небезопасно, то ходим с огромной и сильной собакой Кучумом, он обладает громадной силой и мертвой хваткой, не лает, не ворчит, а прямо бросается и хватает за горло в глубоком молчании. Теперь отучен от этой манеры, а раньше был выдрессирован контрабандистами. Я с ним подружился – он поменял мое уважительное отношение на дружбу, и мы оба выиграла.

Живу я в комнате отдельной, хозяева – персы. Комната с земляным полом и балками на потолке, но обставлена прекрасно. Тут с комнатами очень трудно, особенно после землетрясения. Да, забыл рассказать! В первый день моего приезда земля "не выдержала и затряслась" – и очень сильно. Изумительное ощущение, когда твердь земная шевелится под тобой, ворчит, волнуется и заставляет тебя буквально танцевать, как на палубе дубка, идущего морем из Одессы в Херсон. А дома! Кряхтят, шуршат, трескаются, обрушивают на твою голову кусок стены или забора. Замечательно! Если б не жертвы – а они были – я бы испытывал больший интерес к подобным случайностям.

Мы с Беллой совсем было повесили нос на квинту, думали, что дело с ее приездом – вещь невозможная. Но три дня назад получил телеграмму, что перевод разрешен. Что сказать? Любимую шутку: "Подождал пять лет – дай другому подождать". А мы ждали друг друга пять лет, как одна копейка, пора и честь знать".

Родителям, из Ашхабада, 18.06.29:

"Я не из той породы, беспомощно голодать не буду. Я сыт, одет, обут – вы слышите! Конечно, любые деньги могут у меня уйти с большой эффективностью – но вы лучше меня знаете, что это вовсе не доказательство отсутствия необходимого... У меня все по-человечески уже теперь, до Беллиного приезда, и все приходящие ко мне констатируют это с удивлением. Вообще я сильно изменился, уже не грязнуха. Конечно, есть кое-какие холостые замашки, но это пустяки... Что касается Беллиного приезда, то меняю свою любимую пословицу: "Лучше поздно, чем еще позже" на другую: "Лучше как можно скорее".

От Левы ничего не имею. О том, что он ехал в "моем" вагоне в Кзыл-Орду, знаю. Рассмешило и тронуло такое совпадение. Вообще у нас с ним многое совпадало: встреча в Москве на вокзале и в столыпинском вагоне по пути в Ярославль – тоже совершенно неожиданная.

Я, как птица, по соломинке натаскал себе гнездо. Оно не блещет паркетным полом и фамильным серебром, но выглядит очень неплохо. Остается его заселить хотя бы еще одним человеком.

Жара у нас стоит под +50 градусов. Недавно прошли ливни – вещь небывалая в здешних краях в это время. До конца августа, очевидно, будет жарко и душно. Но это не так страшно, как казалось: даже пью меньше, а раньше уничтожал по полведра в день. Зато виноград лопаю по мере сил человеческих... Да, недавно был толчок подземный – они вообще тут бывают часто, но этот был позаметней. Однако я его не заметил – играл на скрипке. Вижу, мои персы выбежали – ну, думаю, очередной "калмагай" (скандал). Хозяйка

кричит: "Сосед, землетрясение!" Так я и "проиграл" его незаметно.

Вчера сыгрывался со знакомой пианисткой. Одна вещь стоящая – "Вальс-каприз" А. Рубинштейна. Выходит она у нас совсем недурно. Как хотелось бы потряхнуть стариной и поиграть под аккомпанемент свои старые вещи: "Арии" Берио, его концерты, малые репертуарные вещи, которые игрывал... Но тут нет никаких нот...

Надеюсь, что следующее письмо будет "коллективное" – от меня и от Беллы".

Осторожно, Вениамин! Твои письма читаются цензорами, из них делают выписки оперативники ГПУ. Потом твои реакции просчитываются в кабинетах – и люди в форме восемь часов в день думают, как с тобой поступить. Может, это не самые умные в стране и не очень способные люди, но они – профессионалы, занятые привычной работой по накопленным в их конторе "методичкам", и каждый день, повторяю, восемь часов их жизнью выделяется для сочинения "задумок" на одну и ту же тему: как сломать Вениамина Бромберга! Это не злодеи из книжных сюжетов, но укрепившие самих себя в ненависти к тебе враги. Реально тебе трудно представить, что на самом деле где-то рядом живут не обычные противники, просто по-другому думающие о политике люди, но озлобившиеся и от этого совсем остервеневшие враги, которые хотят сделать дурное и ничего, кроме дурного (читатели, вы уже почувствовали щенячий характер, веселый нрав беззаботного ашхабадского политссылного?). По каждому письму в кабинетах взвешивают разные варианты... Ашхабад ему понравился, ссылному? Работу ищет? Завел друзей?.. Его выгонят с работы – как бы ни требовались там сотрудники. Его выселят из Ашхабада... А разрешение на приезд любимой женщины, пожалуй, наоборот, и дадут,

совершенно неожиданно для обоих. Чтобы семья с житейскими заботами отвлекла "объект" от "козней сионизма". Следствие вовсе не завершилось приговором ОСО, оно длится всю жизнь – и любое письмо становится, в сущности, закрытым, но потому особенно опасным видом допроса.

...Ждешь багаж из политизолятора? Рисунки в тюрьме сделал? Ни один рисунок до нас не дойдет. Сочинил в камере четыре "музыкальные вещицы" (название одной потом упомянет – "Vercause") и две оценивает как неплохие?.. Все исчезнет. Тоскует, что в тюрьме пальцы окостенели и не суждено исполниться "основной мечте" – посвятить жизнь скрипичному искусству... ("Старая вещь" в письме, "Ария с вариациями" Берио – это та самая, помните, с которой провалился на первом своем концерте рыжий Давид из "Конца музыканта".) Не будет более музыканта!

А кто будет?

Узбекский экономист.

"Ташауз, 23.11.29.

Видите, судьба еще раз вильнула хвостом, и я очутился в новом пункте – славном городе Ташаузе. Произошло это неожиданно... Наш с Беллой переезд – не репрессивного характера, но и не по нашему ходатайству, понятно. Выехали спецконвоем 18-го числа, до Чарджуя ехали часов восемнадцать не в арестантском, а в общем вагоне почтового поезда, в отдельном купе. В Чарджуе пересели на катер – спускаться по Аму-Дарье. Катерок маленький, 16-сильный, шел вниз по течению верст 400 с лишним примерно трое суток. Под жарким солнцем (примерно 50 градусов) было трудновато, но зато прохладные ночи компенсировали лишения. Доехав до Турт-Куля, пересели на байдару (большая шаланда) и

на веслах двинулись дальше по Дарье. Под конец удалось пересечь на моторку, и 22-го мы сошли на берег в Ташаузе. Итак – пять суток водного пути. Нелегко, но 1) интересно 2) могло быть и вдвое больше 3) надо и это испытать – пригодится для жизненного опыта. В отношении "психического" опыта этап прошел очень легко – стеснений не было. Белла ехала вообще на положении "вольной гражданки, сопровождающей мужа" – как сказано в Писании: жена да следует за мужем своим.

Что есть Ташауз? Окружной город. Расположен по арыку Шавату в 600 верстах от ж. д. Сообщение по реке долгое, по воздуху – до Чарджуя – несколько часов. Городок грязный, улочки узкие, дома глиняные, совершенно восточные, масса переулков и тупичков, лавочки крохотные, весь товар – наружу. Белле он очень не понравился, а мне интересно. Кстати, в пути удалось сделать несколько зарисовок карандашом, осталась память о путешествии.

Пока ютимся с несколькими друзьями в одной комнате, но на днях, может быть, достанем комнату. Насчет работы – мне тут говорят, что я безусловно "привьюсь". Учреждения тут есть все, какие полагается иметь окружному центру, а нужда в культурных и честных людях очень велика. В общем, смотрю оптимистически на будущее: "Не место красит" и прочее, так вот, город Ташауз отныне украшен мной и Беллой".

Ссылный просит родителей и родных – не посылать ему денег. Мол, он не из "постоянно помогаемых", ему эта помощь тягостна, сам на жизнь и семью себе заработает... Но просьбы в ссылке, они все-таки неизбежно появляются.

"...шлите ноты. Вот краткий список наиболее необходимого: из крупных: "Air vario" Берлио, его же концерты – 1-й, 7-й, 9-й, "Легенда" Ве-нявского, его же концерт N 1, Мендельсон – концерт E-moll, этюды Крейсlera. Из мелких – Монти "Чардаш", Неруда "Колыбельная песнь", Сарасате "Цыганские песни", Шопен "Походный марш", Штраус "Персидские марши", Шуберт "Пчела", "Серенада", "Лесной царь" и все более-менее приличное, что найдется из мелких репер-туарных вещей. Да, забыл: очень бы пригодилась 1-я "Ария с вариациями" Данкля. Конечно, все сразу будет стоить много денег – шлите частями. Как я буду вам благодарен... Тут нет и намек на нотный магазин. Да и струн не достать, но пока у меня есть".

Вырваться бы в Палестину! Тогда этот вариант считался для политзэков возможным... Неожиданно выяснилось, что боевые подруги много осторожнее смотрят на материальные аспекты их семейного су-ществования, чем идейно закаленные мужики-сио-нисты. Уже в Суздальской тюрьме, после свидания, Эдя Хаенко написала родителям Левы:

"Говорили с ним о дальнейшей судьбе. После трех лет бывает второй приговор ГПУ... Скорее всего, если после истечения срока Лева подаст заявление о замене высылки Палестиной, то можно ожидать положительного ответа. Но эту идею пришлось отклонить по следующим моти-вам. Во-первых, деньги: их – нет. Затем – Лева выйдет из тюрьмы инвалидом, ему нужно будет лечиться очень долго, чтобы можно было начать какое-то дело. Зарабатывать он не сможет. Этим должна буду заниматься я. В России я имею кой-какую ценность как врач, в Палестине мне де-лать нечего. Там зарабатывать я не смогу".

Как бессмысленны разумные житейские расчеты, когда имеешь дело с советской властью! Бежать, бежать сразу, без расчетов, как только приоткроется щелка в запертой дверце... Но из будущего разве им посоветуешь! А ссылка, конечно, оказалась ссылкой, или, как говорил вождь советских народов, "змэя есть змэя, турьма есть турьма". Побывав у Левы в Казалинске и посмотрев реально, что за жизнь, где Эдя "имеет кой-какую ценность как врач", она – вполне разумно – заколебалась: а не проще ли, не вернее ли в Ленинграде как-то перекантоваться до конца трехлетнего Левиного срока?

Из письма Воли:

"Левина открытка к вам привела меня в скверное состояние. Некоторые вещи отказываюсь понимать, хоть зарежь меня. Неужели положение настолько тяжелое, что Эдя не может остаться, переждать безработицу? А если положение действительно скудное – так что ж? Длительную разлуку еще на три года? Мне это странно. А за Леву и больно..."

– Мама узнала о колебаниях Эди и устроила ей сцену: "Я не понимаю! Когда любишь человека, идешь за ним на край света!" – темпераментно рассказывал мне Яков, – и Эдя к Левае таки да, поехала!

А сам он, Лева, как отреагировал на семейную историю? Необычным оказался зэк. В его письмах ощущается убежденное противостояние стандартному в среде "политиков" мироощущению (увы, я сам был в нем грешен), мол, борьба имеет несомненный приоритет перед интересами женщины, оберегающей твою же семью. Печально, но как раз несломленное непокорство давало людям такого типа хоть минимальный шанс на их спасение, на уход куда-то из зоны смерти. И наоборот, примирение с женским, разумным взглядом как раз вело их прямо к гибели...

Лева – родителям из Казалинска, 1929 г.:

"... Я не оптимист насчет отсутствия рабства женщин уже (у "интеллектуально высших индивидуальностей"). Не скрывается ли за этим мнением тот факт (позорный), что интеллектуалы-мужчины предпочитают сходиться с "интеллектуально низшими" женщинами, чтоб спокойнее и безответственнее эксплуатировать, отчуждая их эмоциональную энергию в пользу своей "сверхчеловечности". Эх! Мне кажется, что так называемая гениальность Гете, Наполеонов и Марксов сводится к одной их способности – эксплуатировать и отчуждать энергию близких и, в первую очередь, матери и жены".

Через пять лет (в 1934 году), в письме Екатерине Дорфман ("Катеньке") в Палестину, он уже менее темпераментно, зато и более внятно разъяснит, что имел в виду и по-своему оценит "бромберговский" характер...

"...Малое утешение: мы все, папины сыновья, – какие-то недоделанные. Делали нас из того теста, из которого делают великие люди, но не придали качества, необходимого великому "в себе", чтобы он сделался великим "для других": желания и умения жертвовать окружающими людьми, топтать "мелочь" и возвышаться над "мелочью". Слишком часто и жестоко топтал папа такую мелочь, как мамина жизнь, и затоптанная мамина душа навеки притянула нас к себе и – парализовала. Только Воля из всех нас пока идет не назад, а вперед, и все расцветает как человек, работник и творец. Да тоже доморощенно, недоделанно и бесперспективно. Боюсь, что и его ожидает жизненное фиаско (в психологическом плане, конечно)".

В том же письме, от 18.07.34, он, Лев, перескажет Катеньке "скачки своей судьбы":

"...Был в Казалинске до сентября 1932 г. Был в Туркестане до декабря 1932. В Чимкенте до мая 1933. У тебя сохранилась карта Казахстана? Если да, то увидишь, что я кочевал по Южно-Казахстанской области – из наиболее отдаленных районов в самый центр. В Казалинске с начала 1930 г. служил экономистом: 1) мясокомбината 2) райпотребсоюза. В Туркестане экономистом на транспортной базе Казполиметалла. В Чимкенте экономистом Ю-К. облпотребсоюза. Здесь – снова старшим экономистом мясокомбината. На службе я работник уживчивый, ценимый. Ценят меня за то, что я "ученый еврей" и могу быть "девушкой за все". Техникой овладеваю быстро и удачно ее применяю. Но – и только. Работаю на счетах, счетной линейке и арифмометре. Это я – Лев Файвелевич Бромберг, 37 лет, на 17-м году революции. Чем ты был, чем ты стал! Что ж... Этот процесс когда-то назвали бы "оскудение центра"... Впрочем, это явление – в целом отрицательное – дало и нечто положительное. Работая над встреч-торг-пром-финпланами, я (как бы сказать повразумительнее?) овладел производственным взглядом на вещи, т. е. приобрел знание того, как "вещь производится". Раньше я, в лучшем случае, понимал, как вещь "делается", а ведь это "большие разницы" – делать и производить. Статья и книга делаются – машина производится... Это все-таки обогащение, хотя и малое: на другой чаше весов лежит то, что я не только перестал делать, но и забыл за прошедшие восемь лет – два языка, психопатология... Что ж, мания величия молодости давно оставлена, на чудо я не надеюсь, а делать ведь что-нибудь надо? Ибо надо же жить!

...Получили вчера письмо от папы с описанием Шуриного обращения о поездке обоих братьев к нему (т. е. о выезде его и Воли в Палестину. — М. Х.). Что сказать? Когда служащие фирмы "Гоц и Высоцкий" обращались к хозяевам фирмы за разрешением какого-то вопроса, то один имел привычку говорить: "Напишите, что мы, мол, хотим, но не мозем", а другой возражал: "Что значит — хотим, но не мозем? Мозем. Но не хотим". Вот так и здесь...

Очень хотелось бы услышать, о чем говорят девушки, гуляя со своими "бахурим" ([ивр.] "парнями". — М. Х.), о чем сплетничают мамыши, уложив ребят спать и что "обслуживают" отцы, позевывая на скамейке после рабочего дня. Ведь жизнь в этом, а не в нормах статистики.

Ну, будет, а то договорюсь до ретроградства и тупорылия".

И Воля тоже постоянно упоминает в письмах Катеньке и брату Якову об их с Беллушкой "заявлениях"-просьбицах — заменить им "наказание" выездом в Палестину (но — "мозем, но не хотим", отвечали инстанции).

Письмо Воли после прибытия в Ташауз:

"Белла и я много смеялись в эту поездку, а чего, спрашивается? Так просто. Смеются в нас наша молодость, наша недавняя встреча — она сейчас приобрела особый аромат. В общем — хорошо! Дорогие, будьте здоровы и бодры, все к лучшему.

С книжками тут очень и очень скверно. Но пока у меня есть кое-что собственное, непрочтенное. Газет нет. Может быть, буду получать из Ашхабада.

P. S. Только что узнал — смогу работать скри-

пачом в местном кино. Есть тут пианист, но — на горе! — нет ни одного скрипача во всем "городе". Итак, я начинаю свою музыкальную карьеру так же, как начал ее... Антон Рубинштейн. Пока оплата такая: 5 рублей за вечер, полтора часа игры. Можно выработать рублей 90 - 100 в месяц. Мне сказали, что могу считать место за мной".

Но не пришлось ему работать тапером, зря беспокоился. Как для всякого ссыльного, рабочую клетку для него органы запланировали и определили заранее — и, можно не сомневаться, на подобранном рабочем месте кто-то не спускал "ока государева"... На самотек такие вещи не бросали!

3.01.30. Родителям:

"...пришли высланные Катенькой ноты. Шли они всего месяца полтора или около того, почему-то через Бухарест. Но почему Катеньке вздумалось посылать вокальные ноты? Что мне с ними делать? Запеть по нотам? Все равно что безногому танцевать гопака! Меж тем, дефицит в нотах усилился. 31 декабря состоялся концерт в новом межсоюзновском клубе, я был приглашен участвовать в нем. Исполнил три вещи: "Aire varice" Берио, "Andante et polonaise" Меццакаппо и... мой "Vercause". Как видите, смелости было у меня "уполне достаточно". Интересуетесь успехом? Аплодировали, вызывали, Белла говорит, что сыграл хорошо, слышу комплименты со всех сторон — чего же боле? Что касается моей оценки, то вот она: несколько больше стало уверенности по сравнению с первыми выступлениями, меньше вру, быстрее проходит первое (мешающее) волнение. В общем — исполнение ученическое, там где canto — хорошее, где техника — слабое. Выезжаю на том, что все вещи, играемые на концертах, — певучие и музыкальные. Что касается собственного "Vercause", то аккомпане-

мент к нему мы сочинили обоюдными усилиями с аккомпаниаторшей. Он недурной, но она очень волновалась и многое подзабыла (в последний момент даже не хотела играть). Я очень доволен, что могу незаметно привыкать к выступлениям: это важно для музыканта, пусть и любителя. И потом — так я не забываю скрипки и хоть немного играю и упражняю пальцы. Но нот нет, и струн нет. Дорогие, сделайте милость, купите хоть по два "ля", "ми" и "ре" ("соль" не надо, есть), это будет стоить не очень много. Здесь открылся магазин Госиздата, но нет ничего похожего на струны. Караул, помогите!

Отдельно расскажу вот что: мне не в чем было выступать, пиджак продрался. По предложению Беллы я набрал темно-коричневого бархату и, хотя его было в обрез, Беллушка сшила прекрасную бархатную куртку (знаете, с поясом, а воротник, как у пиджака, чтоб одевать под низ рубашку и галстук), и я первый раз в жизни одел красивую блузу, да еще из бархата. У Беллы золотые пальцы! Может, приписать успех не скрипке, а куртке? Чтобы покончить со скрипичной темой, скажу: я намерен все-таки хоть раз в неделю играть с аккомпаниаторшей, чтоб не оставлять скрипку и не пороть горячку, когда надо будет готовиться к концертам (а по всей видимости, это развлечение будет периодическим).

Ну, теперь о второй, не менее важной теме — о работе. Мы уже втянулись в служебные обязанности, привыкли к распорядку дня, при котором половина его проходит вне дома, на службе. Белла уже меньше волнуется, а я... Все больше и больше вникаю в суть дела, увеличиваю опыт. Сейчас работаю с техническим помощником и потому могу отдавать время экономической работе, чего раньше почти не удавалось делать."

4.04.30 г. – родителям:

"Что делать, если, по крайней мере, на 50% жизнь "устраивает тебя", а не ты ее? И если три года назад жизнь нас так устроила, что все 24 часа были абсолютно свободны и писать можно было регулярно, то сейчас не хватает часов для самых необходимых личных надобностей, а для чтения, писем остаются минуты, а не часы.

Посылочку с нотами, книгами и струнами мы получили. В нотах и струнах вы не по своей вине немного промахнулись: "ля" вам всучили некачественное, фальшивит, а в нотах вы приобрели дубликат "Элегии" Эрнста, который уже раз присылали. Однако остальные струны и концерт Берно – не фальшивят!

Кстати, о нотах. Я не хуже Катеньки знаю, что вокальные ноты, написанные в скрипичном ключе, можно играть "даже на рояле". Но без нужной аранжировки это равносильно... хотя бы тому, когда одел на себя чужое платье: опытному глазу видно, что в плечах жмет, рукава короткие, воротник съехал...

За всем этим передайте Катеньке большое спасибо за Шумана, которого хоть и не буду играть публично, но смогу короче познакомиться для себя самого.

Как устроили дни рождения? Во-первых, сама новорожденная Белла не знала, когда она родилась. "За две недели до Пурима" – что за бабушкин счет? Это здесь уравнение со многими неизвестными...

Ваше заключение, что с регистрацией, сводками, итогами и т. д. я уже освоился, – совершенно правильно. На арифмометре я работаю очень быстро – хотя складывать и вычитать быстрее на счетах. Но сейчас не это центр тяжести

в работе. Помимо информационных докладов Ок-хлопкообъединению, я время от времени выполняю особые задания экономического порядка... разработал в докладной записке очень интересный вопрос: сравнительная стоимость европейской и туземной обработки га хлопковых посевов и их сравнительная эффективность. Сейчас занят балансом труда по округу в период наибольшей потребности в рабсиле. Совсем недавно получил задание: проработать вопрос о системе хлебоснабжения колхозников... Не думайте, однако, что я служу теории. Совсем наоборот — времени на это не хватает, оперативная работа отнимает большую его часть. Мой патрон, зам-пред, считает меня "универсальным человеком": "Обратитесь к Бромбергу, он все знает"... Хотя теперь, когда работа очень расширилась (с 19000 га хлопка в этом году перешли на 31000) и штат соответственно разросся, уже трудно "все знать". Жаль, что нет времени параллельно с работой читать литературу по этим же отраслям.

Как у вас установилась весна? Ах, одесская весна, холера ей в пуп! Как бы хотелось хоть глазком на нее зыркнуть — какая она теперь! А акации? А оркестр над лестницей, где Дюк стоит, — он, оркестр, играет по вечерам? Да, в Ташаузе тоже весна и, может быть, недурная, но я ее вижу только четыре раза в сутки — по дороге со службы и на службу. Маловато.

Тянут меня тут выступать на концерте 3 мая. Нет легких нот, приходится комбинировать. После отсева остановились на "Балладе-полонезе" Вьетана и "Мазурке" Венявского. Последние две недели играю понемногу каждый день. А в общем — мура, хотелось бы, ой, как хотелось, послушать хороший квартет, трио, симфонию, оперу... Черт его знает, когда это будет!

Кстати, на наше заявление ответа пока нет. По-прежнему мы оба уверены в тщете попытки.

Простите вашего младшего сына, что он стал писать сухо и неинтересно, без выдумки, тому есть причины, а для вашего родительского сердца они яснее ясного, правда?!"

16.08.30:

"Мама, родная, как тяжело и больно думать о твоих страданиях, цепи физических болей! А как здоровье папы? Успокоились ли почки? Мне все-таки кажется, что в поисках обслуживающего вас человека нужно идти на какие угодно материальные условия. Неужели мы, дети, сделаем эту сторону причиной ваших страданий?! Я считаю возможным и буду посылать вам ежемесячно 80 рублей. А если обстоятельства переменятся – и больше".

Из письма, датированного 1930 г.:

"...Дорогие, если будете высылать ноты, то имейте в виду: больше всего мне хотелось бы иметь 1) "Ballade et polonaise" Вьетана 2) "Zigunnerweissen" Сарасате 3) "Adagio" из сонаты, op. 110, Бетховена 4) Solveig-lied Грига 5) "Elegie" Массне 6) "Marche funebre" Шопена 7) Serenade Брага 8) Глилки "Не искушай", "Сомнение". Фиме напишу другой список – хочу быть тем ласковым телю, что двух маток сосе..."

Между прочим, я неуклонно приобщаю в личный архив копии докладов, объяснительных записок и т. п., которые могут быть названы экономическими... Знаете, ведь и артисты до глубокой старости хранят положительные газетные рецензии. Кстати: на афише о концерте стояло весьма крупно: "Солист-скрипач В. Ф. Бромберг". Афиша была в 1-м экземпляре, и я – род-

ня чеховскому герою в рассказе "Пропечатали"...

Как видите, работа у меня интересная и многому научающая. С ее оценкой все обстоит благополучно. Читать удается мало, хотя вечерами я теперь редко работаю, но вот уж полторы недели вечера заняты репетициями. Белла храбрая женщина, но немного боится мышей и воров, оставаться одной по вечерам ей малоприятно. А мне? И мне нехорошо.

Если бы было электричество, можно было бы сидеть попозже. А при керосиновой лампочке не тянет, да и глаза болят. Электростанция маленькая и перегружена абонентами. В комнате теперь тепло – когда топим (подкупаем дрова раз-два в месяц). А обедаем ежедневно – NB! – в столовой. Вот и все о материальной стороне нашей жизни".

Примерно тогда же – письмо в Палестину:

"Ташауз, 9.11.30

Молчал я долго и, очевидно, и не без причины. Не будем... бродить в дебрях психоаналитических каверз – "почему я все-таки молчал"?

Мы в Ташаузе, географической точке в низовьях Аму-Дарьи, но не на ее берегу, а в стороне – в этом весь цимес. Ближайшая ж.-д. станция от нас в шестистах верстах – это Чарджуй, всемирно славный своими дынями. Средства сообщения внешнего мира с нами – легкомоторные лодки с Аму-Дарьи по каналу к нам, зимой – арбы и аэропланы. Город делится на две резко отделенные половины: европейскую и азиатскую. Европейцы – русские, евреи, армяне и лица неизвестного происхождения, приехавшие заработать. Азиаты – туркмены, узбеки, киргизы, казахи и каракалпаки. Быт 99% азиатов – это сифилис, грязь физическая и большая простота душевная. Быт европейцев – венерические болезни калибром по-

мельче, грязь семейная и всякая, погоня за большим рублем. Ташауз внешне очень походит на мелкий колониальный форпост. Новое есть, есть и очень хорошее новое, но оно совсем слабо. Как и все кругом, сочетание положительного и отрицательного порой поразительное.

Мы работаем, служим. Белла – счетоводом в потребкооперации (в среднем звене), я экономистом в райсоюзе хлопковой кооперации. Белла быстро овладела практикой счетоводства, подучившись до этого теории. Я тоже имел счастье три года углубляться в теоретическую экономику, в Ярославле и Суздале, и тоже недолго переключался на практику. Сейчас у меня уже год и месяц интенсивнейшей работы. Помимо безусловно крупного опыта и навыка практической работы я числю еще одно достижение: первую печатную работу, статью в журнале по одному из вопросов дехканского хозяйства. Как видите, не без пользы проводим время.

Не так давно пришел отрицательный ответ на наше заявление о замене. Подавали его без всякой надежды, но, помимо российского "авось", мы еще были движимы элементарными чувствами – дать старикам возможность думать, что не мы виноваты в том, что и мы, и они не едем в Страну... Если будущие полтора года будут так же умножать наши знания и опыт, как истекший год, мы оба по приезде будем чувствовать себя гораздо увереннее (если объективные препятствия к переезду отпадут). Говоря откровенно, надо же научиться "чему-нибудь определенному" после долгого периода обучения "все-му"... Сейчас необходимо это, если не оставлять надежду на переезд. А мы ее не оставляем.

...Нам обоим хочется знать все, что вы можете сообщить о хозяйственном и общем положении

Страны. Наша осведомленность кончается сентябрьскими событиями прошлого года. Меня, в частности, особо интересуют детали проекта ж.-д. Хайфа – Багдад (чем кончились французские претензии на вывод ее к Александретте?) и нефтепровода Хайфа – Басра. Это тоже, кажется, "пятилетка"?"

* * *

Герц Бромберг, сын Воли и Беллы, прислал мне из Москвы статью отца, обнаруженную в старом журнале "Хлопковое хозяйство", – возможно, ту самую ("об одном из вопросов дехканского хозяйства"), что выше упомянута в письме. Воля опять поразил меня. Профессионально он писал прозу, рисовал, писал музыку, давал афишные скрипичные концерты... Изучил в тюрьме четыре языка (помимо "Левиных" иврита, английского и немецкого, Воля выучил еще французский, причем настолько, что с этих европейских языков мог переводить специальные экономические статьи). И вот, оказывается, готовясь к ссылке, он подучил в следизоляторе основы экономики, да так, что на воле почти сразу сделался ценным практическим работником (потом его ждала блестящая карьера экономиста – и не в захолустном азиатском Ташаузе, но столице республики Ташкенте, позже в "Сибирском Чикаго" – Новосибирске). Теоретическая статья, видимо, – первое его профессиональное сочинение по экономике, и до сих пор (65 лет спустя!) она читается как интереснейший источник для историка, исследующего эпоху преобразования Центральной Азии в "хлопковую житницу" Советской империи.

Статья называется "Хлебный баланс дехканского хозяйства". Воля составил три статистические таблицы и проанализировал, как в Узбекистане реально выглядел переход к хлопковой монокультуре – в ра-

курсе быта земледельцев-дехкан. Из первой таблицы следовало, что "за последние 2 - 3 года" рыночные цены на хлеб выросли... в 10 раз. Из второй – что общая площадь поливных посевов за годы "великого перелома" выросла в исследуемом районе более чем в полтора раза – но зато посевы для прокормления местного населения (хлебные) сократились на 20% (а в процентном отношении к общей посевной площади – почти вдвое). Средняя урожайность пшеницы тоже упала (примерно на 7%), и потому валовой сбор зерна на каждое узбекское хозяйство сократился за годы "великого перелома" в среднем тоже более чем на 20%! Поля были оккупированы технической монокультурой – хлопком...

Что это значило для земледельцев?

Третья таблица исследовала разницу между нормой хлеба, нужной для пропитания дехканской (крестьянской) семьи, и количеством зерна, которое дехканин мог бы собрать на личном участке в те же годы: она в итоге составляла минус шесть с половиной центнеров. Эту разницу Бромберг обозвал модным впоследствии словом "хлебный дефицит". Как мог покрывать земледелец дефицит хлеба, дефицит собственного питания? Официально – с помощью нормированного хлебного снабжения со стороны заказчика производителей нужного казне хлопка (хлопок заказывала текстильная промышленность, но, главным образом, ВПК, для взрывчатых веществ). Каково же было снабжение от казны? Оно составляло, по подсчетам Воли, в среднем 4,5 центнера пшеницы на каждое хозяйство дехканина. Цитирую автора:

"Остальные два центнера покрываются за счет суррогатов хлеба (в частности, джугары, что многим работникам хлопковой кооперации представляется чем-то нормальным) или же дехканин обращается к частному рынку. Дехканин одновременно ухудшает свое питание и предъявляет повышенный спрос на хлеб".

Общий вывод автора:

"В результате интенсивного роста хлопковых дехканских хозяйств и за счет вытеснения зерновых культур с поливных земель – хлебный дефицит у дехканаина возрастает, а внутренние ресурсы по покрытию дефицита снижаются... Наиболее остро эта проблема бьет по бедняцкому и маломощно-средняцкому хозяйствам – ибо процент хозяйств, для которых хлопок стал "монокультурой" (или почти монокультурой), значительнее всего именно у этих социальных групп".

Чтобы здесь же покончить с сюжетом Волиной журналистской карьеры, приведу несколько отрывков из писем последующих лет.

Сначала он полон оптимизма:

"Ташауз, 15.10.30

...Должен сообщить, что один знакомый (туркмен, бывший в Ташкенте) совершенно случайно разговорился там с одним из работников журнала, жалуясь на бессодержательность номеров. Этот работник "обнадежил" его тем, что "в ближайшем номере будет помещена очень интересная статья одного из работников Ташаузского округа", и назвал мою фамилию. Мой знакомец не знал, что я отправил в Ташкент статью – и потому я склонен ему верить... Готовлю вторую статью из того же "балансового цикла".

Однако потом (письмо от 28.5.32):

"...от попыток экономической журналистики, начавшейся так удачно, я сейчас отошел: частично потому, что банковская область (он перешел на службу из хлопкового райпотребсоюза в банк. – М. Х.) не дает мне моего материала, а

частично потому, что очень замотался физически за четыре месяца".

30.7.33:

"Ну, со службами. Белла работает экономистом по бюджету в конторе Соцзембанка (долгосрочное кредитование с./х-ва). Правда, прямой начальник — человек очень ограниченный, не способный поставить работу интересно, и она думает искать работу более живую. Я же в Краевой конторе Госбанка, старшим инспектором по конъюнктуре. Много интересного именно для меня в этой области. Одновременно предпринял шаги к возобновлению журналистской работы. В частности, журнал по хлопковой экономике принял мою статью (анализ итогов 1932 г. в одном из крупных хлопковых совхозов). Если пойдет — я укреплюсь там. Газета "Экономическая жизнь" (московская) сообщила, что отнюдь не возражает против моей работы — за гонорар. Для опыта я уже отправил туда одну статью. Кстати, о фотографиях: я очень рад, что даже по ней видно, что я общаюсь с музой литературы, хотя ты и намекаешь на мой "репортерский" вид. Во всяком случае, мог бы быть редактором не хуже чем Марк Твен, рекомендовавший читателям "сбивать капусту с деревьев осторожно, чтобы не повредить веток"...

8.04.34:

"Мои опыты с журналистикой внешне успешны. Помещают, даже "Экономическая жизнь" (попросили статью и для толстого журнала), но — есть "но": раза два приделали к статье то конец, то начало. И хотя опытному глазу видно, что это именно приделано, но "мине от етого ни лекче", ибо не всякий глаз настолько опытен, чтоб отделить зерна от плевел".

С журналистикой после этого было покончено.

Постепенно рассчитанные в секретных кабинетах комбинации дали профессиональный результат: начал ломаться неукротимый оптимизм характера Воли Бромберга. В принципе он видел себя таким (из письма к тетке Катеньке в Тель-Авив):

"...Ты пишешь, что мы с тобой созвучны, — это верно. Я очень люблю смеяться и смешить — ты всегда улыбаешься. Ты любишь немного резиньяции — я тоже, особенно, когда можно немного погрустить о прошлом, как это было хорошо. Во всяком случае, когда жил у тебя в Киеве, чувствовал себя около седьмого неба, хотя на первом этаже. И — честное слово — отдал бы достаточно много, чтоб многое было таким, как тогда..."

Чем же они ломали этого веселого, с грустинкой зэка? Во-первых, ссыльной и все-таки подневольной работой. И ссыльным, очень неустроенным бытом:

"Что мы делаем? Легче ответить, чего не делаем: не читаем, не занимаемся, не ходим в театры (их нет), на концерты (ибо если бывают, то с моим скрипичным участием, а какой же это настоящий концерт). Даже не пишем письма. Во-первых, и во-вторых, нагрузка по службе: с 9 утра до 4 - 4.30 вечера, а затем с 6.30 вечера до 9.30 - 10 часов. Привилегия такого рабочего дня относится к ответработникам. В-третьих, разлагающее влияние Ташауза, полная оторванность, полное отсутствие культурной среды. Чтобы после десяти часов интенсивнейшего нервного и умственного напряжения заниматься и читать — нужна иная волевая установка и иные физико-психические данные, чем у меня. Насчет того, каков характер нашей службы и насколько он

далек от спокойного чиновного подшивания бумаг – можно было бы рассказать кое-что поучительное”.

Ломал и тяжкий ташаузский климат. 28 мая 1932 года он пишет родителям:

“Хотя я три года в Средней Азии, привыкнуть к климату так и не могу. Особенно летняя духота изводит – не нахожу места с трех до семи часов, когда наступает температура пода доменной печи или немного ниже. Она отнимает массу сил, так что даже в отпуске не удастся немного поправиться (а это нам бы не помешало: для “интереса” взвесились – во мне 3 п. 38 ф. (63 кг. – М. Х.), в Белле 3 п. 8 ф. (51,2 кг. – М. Х.) Женщины всегда легче мужчины! Бытовые условия нашей жизни? Обедаем в столовой инженерно-технических работников – дорого и очень нехорошо. Мяса почти не видим, масло, яйца и прочее – дороги, но есть. Хлеба получаем по 100 грамм. Но летом здесь много всяких фруктов: урюк, черешни, дыни. Арбузы нехорошие. Вообще поливные фрукты совсем не имеют нашего украинского вкуса. И потом у меня из Ташауза вывезен колит”.

Это было самое изматывающее испытание сил: настигли молодого и крепкого от природы человека “тропические” южные заболевания.

30.05.33. Из Ташкента в Тель-Авив, тетке Катеньке:

“...ты очень волнуешься моим колитом. К вашему сведению, доктор, моя болезнь называется “амебиазом”. Мне тут Сарра, жена Юлия Ратнера, передала книгу о тропических болезнях Средней Азии, и теперь знаю, что эметин есть алкалоид ипекакуаны, а сильнее и лучше него действует ятрен. Так вот, пару дней назад кончился пер-

вый в это лето припадок этого, будь он проклят, моего амебиаза – неделю почти был несчастным человеком. Ты меня не можешь лечить письменно? Внушением? Нет! Жаль... На ташкентское лечение я не очень рассчитываю. Гречневую крупу достаю в Торгсине, других круп там, кроме риса, нет.

Дело в диете – вот тебе мое слово просвещенного профана. А диета – это "ди это" (указательный палец слегка трется о большой, как при слове "пети-мети"). Давай лучше поговорим о более веселых вещах: как у вас там поставлено похоронное дело?"

3.10.33:

"По диагнозу старшего врача местной станции, у меня амебная дизентерия трехлетней давности. Принимал мышьяк. В связи с похолоданием состояние улучшилось, чувствую себя хорошо".

18.06.34:

"Катенька, Катенька! Я бы так хотел жить в умеренном климате: в Средней Азии к холерическому моему темпераменту прибавляются – уввы! – дизентерические желудочные переживания, и получается ужасающая клиническая картинка!.. Получил 9 долларов и твои три и обратил это все в муку и крупу. Каши, во-первых, люблю, во-вторых, они очень хорошо на меня действуют. Благодарю за эту неожиданную помощь: Торгсин – милое учреждение, особенно когда оказываешься одним из тех иностранцев, с которыми он торгует".

Еще одно несчастье, настигшее Бромбергов в Узбекистане, – болезнь и смерть их первенца, годова-

лого мальчика. Об этом рассказывал мне Яков Бромберг:

— У них родился в ссылке ребенок и не выжил. Когда ему исполнился годик, пришлось прикармливать, молоко местных коров оказалось зараженным какими-то бактериями. У ребенка начался кровавый понос, никто из врачей ничего не сумел сделать... После его смерти Воля с Беллой долго боялись, что больше не будет детей — слишком уж сильным оказалось нервное потрясение для матери...

В те годы ГПУ не задерживало надолго ссыльных на одном месте: время от времени по каким-то таинственным расчетам и планам их (врасплох!) переводили на новые места проживания. То ли чтоб, сблизившись, "контрики" не развратили идейновредным духом местное население; то ли чтоб, притершись к восточным, относительно мягким и безыдейным обычаям-нравам и обнаружив ходы-выходы на местную продажную номенклатуру, не начали жить слишком легко; то ли еще что... Власть находилась в руках у людей, не раз бывавших в ссылках, — они-то знали изнутри, как надо умнее и сноровистее укрощать "контингент". И Волю с Беллой незадолго до конца трехлетнего срока перевели в краевой центр, в Андижан. Из сельскохозяйственной сферы "трудоустраивают" в банковский сектор советской экономики.

28.05.32. Родителям — из Андижана:

"8 марта окончился мой срок, но пока никаких изменений в моем положении не произошло. Живу по-прежнему в Андижане. Мало интересного. С 7 мая ушел в отпуск на сорок дней (неиспользованные дни за прошлый год). Не имея возможности выехать куда-нибудь (в поездке к папе мне отказали) мы проводили отпуск здесь же, в городе. Веселого в этом мало. Реки в Средней Азии очень мутны, да и города обыкновенно стоят не у рек, а в нескольких верстах. А

какой же для меня, днепрольца по рождению и черноморца по убеждениям, отдых, ежели нельзя ежедневно выкупаться! Из других видов "разумного отдыха" составили мы с друзьями теннисную спортивную. Мастерю, что под руку попадется, запоем читаю беллетристику и газеты — это вне отпуска почти не удавалось делать... Работа в банке, консультантом кредитно-планового отдела и руководителем сектора сельского хозяйства, очень бедна элементами собственно экономической, самостоятельной работы и богата, наоборот собственно банковской техникой, а именно это меня никак не устраивает".

Через некоторое время был приведен в исполнение странный план — массовый перевод многих ссыльных в столицу республики, в Ташкент. Может, тогда шла некая перепроверка, ревизия начальством наличного человеческого капитала перед возможной утилизацией? Одновременно с Волей оказались там и Лева Бромберг с Эдей. В столице Воля специализацию свою, пользуясь случаем, поменял.

"Жизнь наша здесь пока очень мало устроена: живем в узбекской "балхане" — в переводе на язык обычных представлений это нечто вроде голубятни, где летом очень жарко, а зимой — очень холодно, с земляным полом. В смысле заработка — пока перспективы: для меня — работа в Сводно-плановом секторе Средне-Азиатской конторы Госбанка в качестве консультанта по конъюнктуре. К твоему сведению, это место мне дают, учитывая мои журналистские способности, а я беру его — учитывая довольно заманчивые масштабы и более спокойную обстановку в работе, к тому же уводящую от узкой специализации в экономике... Тяготит меня только то, что папе в этом месяце не смогу послать ничего, хотя перед отъез-

дом мы сделали ему очередной денежный перевод. Лева, святая наивность, все носится с планом переезда папы к нему или ко мне!"

3.5.33 Катеньке в Палестину:

"Здесь, в Ташкенте, фотограф умеет, кажется, все – даже сделать из меня красивого мужчину.

Ты пишешь нечто еретическое насчет "смешанных типов". Какой же я смешанный?! Одна мать и один отец, ты это очень хорошо знаешь. Физически я в папу, а интеллектуально – ни в того, ни в другого, а просто продукт эпохи. И если продукт небезынтересный, то виновата эпоха (она всегда виновата). Что касается тебя, то ты человек иной эпохи, и твоей цельности мне не видеть никогда, как "не поднять плакучей иве своих поникнувших ветвей". В этом я убедился, когда жил у тебя в Киеве, – помнишь? Хотя – что из прошедшего, уже пережитого – не хорошо? Вспоминаемое всегда задернуто флером сладкой грусти (не в этом ли корни импрессионизма?)"

18.06.33. Ташкент:

"...Ты ничего общего с хлопком не имеешь? Как жаль! Я ткнулся в редакцию одного хлопкового журнала – переводить им статьи по агротехнике и механизации хлопка с английского, французского и немецкого. Беда в том, что в журналах, которых я натащил себе много, преимущественно статьи о мировой торговле хлопком, а этого не требуется! Нет ли у вас каких-то новинок по агротехнике хлопка (on the question of the cotton agriculture) – наверно, перепутал падежи? (Переводить могу, но говорить, а тем паче писать – ни гу-гу!) Впрочем, вы ведь хлопком не занимаетесь? Зато ваш сосед, Египет, только тем и

живет! Может, при случае поглядишь. Видишь: пусти племянника на стул, он влезет на стол!

Работаю я так: полмесяца ровно, полмесяца очень усиленно. Я — "сезонник", ибо конъюнктурный обзор, моя нынешняя специализация, — бабочка-однодневка: сегодня она нужна, завтра о ней забывают. Однако я не ошибся, ускользнув от чисто оперативной работы — эта гораздо интереснее, дает возможность работать с так материалом, который и в глаза бы не видел, если б пошел в оперативку.

Недавно у меня был праздник: приехал струнный квартет Украинской филармонии, играл Чайковского, Грига, Глиера. До чего хорошо было — ибо у квартета было одно неоспоримое достоинство: я уже год не слышал хорошей музыки. Даже при несколько слабой квалификации артистов это неоспоримое достоинство дало мне возможность наслаждения".

8.07.33:

"...я лысею от стыда, но это так: знакомые дали нам первый том "Графа МонтеКристо" — мы его проглотили и попросили еще. Дали второй том — и его слопали. Теперь ждем третий том. А до этого скушали "Трех мушкетеров". Понимаю, что в Суздале я еще мог прослезиться, читая "Dame aux camelies" старины Дюма, читая его в оригинале по-французски. Но мушкетеры или МонтеКристо? Может, ты понимаешь это лучше меня?

Временами тревожит мысль, как было бы хорошо пойти на землю, фабрику, предприятие. Во-первых, я-таки соскучился по физическому труду. Но — и это главное — еще больше соскучился по ощущениям, возникающим в человеке, реально осязающем конкретные плоды своей

энергии, инициативы, способностей. Ах, есть все – и энергия, и инициатива, и способности, нет только одного: конкретных плодов. Причины? Смею думать, что независящие...”

2.09.33. Катеньке в Тель-Авив:

“С риском прослыть человеком, сообщающим давно известную информацию, сообщаю: я – свинья. Тебе придется простить мне мое молчание оптом. Шутки в сторону, мне очень неловко.

Получил твои таблетки риваноля. Действуют очень хорошо, а еще лучше действует похолодание. Да здравствует осень, конец амебам!

Теперь не об амебах, а совсем наоборот – о долларах. Я очень тебя прошу: воздержись! Если подопрет какая-то крайность – скажу без обиняков... Надеюсь, твой здравый смысл возьмет вверх над твоим темпераментом? Или ты до глубокой старости останешься неугомной женщиной?

В твоём сообщении о перипетиях Шуриного устройства меня заинтересовала и фактическая канва, и психологическая. Мне бы хотелось узнать, какие мотивы движут Шурой в его желании превратиться в оседлого “фермера” на собственном участке, с собственным хозяйством. Но мое чувство времени подсказывает, что до этой беседы может пройти столько лет, что самая тема потеряет интерес, как и многие другие за истекшие семь с половиной лет.

Об убийстве Арлозорова узнал из газет. Ты абсолютно права: на еврейской улице фашизм выглядит еще отвратнее, еще гротескнее, чем у “нормальных людей”, и потому – еще мерзее. Аллегорически выражаясь, публичное сожжение сочинений Маркса – акт международного хулиганства, убийство Арлозорова – патология”.

Не хочу удерживать себя от комментариев к этим строкам. Во-первых, я лично, кроме Воли, не встречал ни одного ээка, который бы просил зарубежных родственников и друзей НЕ помогать в ссылке, жалел бы их средства. Во-вторых, его явный интерес к желанию Якова-"Шуры" сесть на землю, стать "фермером", конечно, родственен собственной мечте заняться чем-то реальным, производством продукции собственными руками. Он явно устал от кабинетов, расчетов, финансовых абстракций, навязанных ему ссылкой.

Наконец, историческая справка к тексту: один из вождей рабочего движения Хаим Арлозоров был тайно застрелен на набережной Тель-Авива. В убийстве подозревались "правые" еврейские группы, лидер которых, явно поддразнивая своих "левых" политических оппонентов, придумал "шапку" в авторской газетной колонке: "Заметки фашиста". Воля, видимо, воспринял издали, от Екатерины Дорфман, это все всерьез и безусловно поверил "кровавому навету": так гипотезу об убийстве Арлозорова его еврейскими оппонентами окрестили в "правых" кругах. К слову: британский суд оправдал обвиняемых. А сорок лет спустя, в 70-х гг., созданная по указу премьер-министра Бегина государственная комиссия вообще сняла с "правых" обвинение в убийстве Арлозорова.

Очень любопытна реакция Воли на понятие "фашизм": для "нормальных людей", т. е. для немцев, фашизм квалифицируется как следствие некоего выпадения из рамок общественного приличия — "международное хулиганство". У евреев же фашизм выглядит, согласно Воле, симптомом психического разрушения личности народа — "патологией".

"...Не принимай слишком близко к сердцу мою просьбу о книгах по хлопководству. Найдешь — хорошо, не найдешь — беда невелика!

В отпуск Белла поедет в Москву к маме, а хлопочу о поездке к папе, поняв, что ему 71-й год, а маму я так и не повидал. Результат пока неизвестен.

Чтоб разбавить жизнь для тела – жизнью для души, я включился в музыкальное трио. Среди сотрудников отыскался пианист, виолончелист, я – за скрипача. Играем каждую неделю, и получаю большое удовольствие от покушений на Чайковского, на Глазунова, на всяких "Гейш"... Какой неожиданный душевный отдых! Во всяком случае, в захудалом ресторане нас не выгнали бы..."

Еще одно замечание: дочь Левы, Гелла, ошибалась, когда в своем докладе в Израиле сообщала слушателям, будто ее отца и дядю освободили после шести лет срока – трех лет изолятора и трех лет ссылки:

"В 1933 г. после окончания ссылки братья получают право жить как свободные люди со своими семьями, но в определенных городах СССР. Лев выбирает Ташкент, а брат – Новосибирск, потом Калинин."

Если бы так, Гелла... Все у твоих отца и дяди оказалось таким, как положено при Советской власти: после конца срока, в 1933 году, их вызвали в органы и предложили расписаться за новые три года.

3.10.33. Катеньке:

"Полагаю, что помочь мне может не риваноль, а перемена климата. На днях думаю предпринять соответствующие шаги, хотя шансы уменьшились на 100% – срок мне продлен еще на три года..."

На днях получил посылку от Торгсина через Е. П. Пешкову, очень благодарен автору. Долла-

ров еще не получил. Получать их мне нет смысла – выдадут 10 рублей. Я лучше переведу их в Самарканд в Торгсин, в продуктах это будет не десять и не сто рублей. Только очень прошу – не посылай больше денег. Я зарабатываю достаточно. Другое дело, если б получить от тебя апельсины... Ах, если б получить апельсины! Но они испортятся в дороге. А я не ел их... С какого года? С 1924-го”.

(Валюта, официально меняемая казной за бесценок; коммерческие хитрости относительно отоварки долларов вещами и продуктами напрямую, без рублей... Как все это знакомо! А на дворе – еще 1933 год. До моего рождения. – М. Х.)

”...Если б ты знала – а ты, конечно, знаешь – как крепко хочется посидеть с тобой, рассказать все с конца и до начала (с начала и до конца – не хватит терпения) и послушать тебя. Но, вероятно, к тому времени мне будет не 28 лет, а... Впрочем, трудно ориентировочно сказать, сколько мне тогда будет лет”.

13.02.34:

”Живое описание событий меня, как всегда в твоих письмах, очень заинтересовало. Итак, ты считаешь, что критерий крепости устоев любого государства есть его отношение к евреям! Очень остроумно как афоризм. Но вряд ли верно, если пользоваться в качестве ключа к истории. Родина наиболее черносотенного официального антисемитизма – Россия – держалась довольно долго: одни Романовы заняли 300 лет. И рухнула, когда социальная ее опора пала под натиском других социальных сил... Твой афоризм хорош как “воп нот”, я и не прочь, чтоб он правил миром: тогда фашистская Германия вряд ли долго будет торжествовать.

Катенька, ты не читала книгу "Опаленная земля" Марка Эгерта? Наверно, нет. Я прочел первую книгу (вторая еще не вышла) – она печаталась в N N 10 – 12 "Октября" за 32-й год. Роман из жизни еврейского местечка и – Палестины. Пишет человек с большим знанием деталей того и другого. Судить о правильности авторской позиции трудно – мне, например, а вот ты, вероятно, прочла бы ее не как роман, а как "беллетризованный документ". Достань, прочти, очень интересно.

...Недавно я оказался именинником – к сожалению, мне минуло 30 лет. Это обстоятельство способно свергнуть нормального человека в черную меланхолию. Но самое главное, что я считаю эти 30 лет роковой ошибкой. Честное слово, чувствую себя никак не старше 25! И того меньше! До каких пор будет продолжаться этот пережиток ощущений "мизинчика" в семье? Это же инфантилизм! Когда отношу Лильке, дочке Юлика Ратнера, деревянного Мишку – честное слово, мы с ней делим пополам удовольствие от игры с ним! Ты, детский доктор, скажи – это нормально?!

Кстати, об именинах. Мне очень стыдно, но я хочу выпросить у тебя подарок. Подари мне несколько скрипичных струн, заграничных. Здесь, в Ташкенте, такая дрянь – не звучит совершенно. Если вместе с пересылкой это может обойтись недорого – не посылай мне фунта, а пошли несколько хороших аккордов скрипичных струн (хорошие – это когда они прозрачные или равнобелого, молочного цвета, а sol с серебряной капителью). Мне стыдно, но что делать – ты меня в конец развратила своей добротой, поневоле обнаглеешь. Но заклинаю тебя всеми святителями: делай это не сверх, а в счет.

...Слежу по газетам за вызывающим идиотизмом Гитлера и лукавой уклончивостью сэра Джона. Сколько бумаги пишется, сколько усилий, чтоб черное обозвали белым и наоборот.

В прошлом письме мы писали, что извещение о визе (вызов в Палестину. — М. Х.) получили, чрезвычайно тронуты, но, увы, не вижу, как можно ее практически использовать. Именно сейчас.

Ну, Катенька, о чем еще писать? О музыке? Завидую понемножку всем моим когдатошним сверстникам по классу скрипки у профессора Петра Соломоновича Столярского — Додику Ойстраху, первому скрипачу на всесоюзном и второму на варшавском конкурсах, Фуреру и другим, на которых Петр Соломонович весьма нередко орал ласкательными эпитетами вроде "Gheime" и пр..

Вот с кем он учился в скрипичном классе в Одессе!

8.04.34:

"Начинаю прямо с лирического отступления: я горжусь такой теткой, как ты. Женщина в 62 года, пишущая, как ты, — живой укор двадцатилетним! Ах, Катенька, Катенька, какая роковая ошибка с твоей стороны — родиться еврейкой в XX веке, а не француженкой или италианкой в XVIII! Или в XXI веке, грядущем новейшего Ренессанса?..

Почему ты пишешь Леве о переезде (в Палестину. — М. Х.), как о деле, зависящем исключительно от него? "Кумушка, мне странно это..."

За высылку струны — благодарю от всей души. Я более или менее регулярно занимаюсь, уже раз 10 выступал. Когда мне говорят: "У вас за-

мечательно нежный тон", я ведь знаю: хотя тон делает музыку, но в смысле техники я профан и растяпа".

15.07.34:

"Лева думал поехать к папе хотя бы повидаться, но когда была материальная возможность, мешали "причины", главные из которых – ребенок и Эдя. Когда они уехали в Чимган (курорт в 90 км от Ташкента), не осталось ни копейки. Это же "бромбергиада". Не знаю – у меня тоже получается все по-бромберговски? Вероятно, да, но у него изумительно часто случается не то и не так, как нужно.

Дитя у Левы прекрасное и очень, очень тяжелое – даже тяжелее своих родителей. Развита, конечно, больше нормального, полна негативизма и может наглядно убедить кого угодно в правде фрейдовской школы...

Надо мной и Белкой смеются все родные и знакомые: не успели расстаться, как уже переписываются телеграммами. Господи, пусть смеются! Смеяться здорово и полезно! Надо, по-моему, в браке уметь две вещи: ссориться и любить. Остальное – дело практики. По мере сил постигаем обе стороны этой науки и стараемся сохранить диалектическое, подвижное их равновесие. 24 июля мы с Белкой отпразднуем первое пятилетие нашего равновесия".

3.07.34:

"...Папа мне два раза писал, чтоб я подал заявление о замене, не откладывая в долгий ящик, что я и сделал 1.08... Взялись мы с Беллой за английский язык: ее учу и сам подучиваюсь. Помогает ежедневная "Москоу Дейли ньюс". Катенька, а ты свободно владеешь английским? Об

иврите не спрашиваю: наверно, вполне овладела. Английский, верно, больше язык официальных сношений? Интересно, как сложились языковые границы в быту и общественной жизни?.. У папы уже третий раз повторяется припадок, и до зарезу надо кому-нибудь из нас побывать у него. Должен сказать откровенно, что почти не верю, что папа на этот раз поедет к Шуре. Во-первых, его припадки. Во-вторых, паспорт на льготных условиях требует либо внесения заранее суммы в инвалюте в качестве первого взноса, либо хлопот в соввалюте. А хлопоты – кто за него их проделает? О здоровье – опять-таки кто-то должен быть около него. А мы все выбыли, хотя бы на некоторое время. Вот и разберись.”

24.09.34:

”В заявлении (на выезд в Палестину. – М. Х.) мне отказано. Передай это Шуре, пусть успокоится, как успокоился я, хотя и раньше не волновался, ибо ожидал именно такого результата.

Я очень тебя прошу, больше не отправляй денег – минимум два месяца, мне хватает того, что я уже получил. И т. к. это пишет тебе не Ф. В. Бромберг, а В. Ф. Бромберг, можешь быть вполне уверена, что это вполне искренно и соответствует действительности...

Благодарю за живое и меткое описание дислокации языковых границ в вашем быту – оно мне многое помогло уяснить. Очень интересна цифра в 40 000 въехавших за последний год. А как они перевариваются и куда деваются? Не обнаруживает ли ваша экономика признаков ”несварения желудка”? Как отразилось проведение нефтепровода и начинающееся строительство ж. д.? Как говорится: ”В Испании землетрясение”. – ”А что это для евреев?”

Что у нас нового? Белла бюллетенила – сухой плеврит, более или менее регулярный. Очевидно, нужен сосновый лес, деревенская обстановка, ежедневная курица в супе и прочие мелочи быта. Ташкентского солнышка, оказывается, недостаточно. А я здоров. Работаю, кроме службы, еще лектором на курсах по теории и практике кредита, консультирую дипломную работу одной студентки Плехановского института. Недавно ко мне обратились из Института экономических исследований с очень интересным предложением, но пока еще ничего не оформлено.

Левка работает, худеет и "собирает нахэс" ("Удовольствие". – М. Х.) от дочурки, Эдя поступила в Гордетбольницу. Самое печальное, что недавно скончался от брюшного тифа Герц Явлинский – сгорел за три недели".

О Герце Явлинском и упомянутом выше Юлике Ратнере, члене ЦК ЦеЭс, того, с чьей дочкой играл Воля в деревянного мишку, – сведения от одного из их ссыльных приятелей, написавшего письмо в 1982 году сыну Воли и Беллы – Герику:

"23.1.82 г. Дорогие Фая и Герик...

В пересыльной тюрьме г. Харькова я впервые встретился с твоим отцом. С ним вместе там находились трое его друзей – Прилуцкий, Межевицкий и Хазинюк. Оттуда нас через несколько дней этапировали в Москву, в Бутырскую тюрьму. Нас совместно поместили в одну большую камеру, куда даже Екатерина Павловна Пешкова, жена Горького, передавала тогда передачи. Затем по постановлению ОСО твоего отца отправили в Суздальский политизолятор, а всех его друзей тоже на три года в Тобольский и Верхнеуральский политизоляторы. Меня как мелкую сошку направили на три года в Обдорск, нынеш-

ний Салехард. Провел там одну зиму, подал заявление о разрешении на выезд в Палестину, получил его, но в 1927 г. были прерваны дипломатические отношения с Англией, и я вынужден был задержаться в Тобольске, а затем по настоянию своих родителей вообще отказаться от поездки. Твоего отца направили после изолятора в Среднюю Азию, не помню, в Фергану или в Коканд. Твой отец и твоя мать еще до его ареста были близкими друзьями, и им разрешили соединиться, жить совместно. После окончания моей ссылки в Тобольском крае мне не разрешили поехать домой, в Днепропетровск, я тоже оказался в Средней Азии – в Ленинабаде.

В 1933 г. нас всех из разных городов Средней Азии перевезли в Ташкент, где я снова встретил твоих родителей. Туда же перевезли отца Геллы (Леву – М. Х.), а также его друзей – Герца Явлинского и Юлия Ратнера. В честь Герца Явлинского, очевидно, тебя и назвали родители. Герц Явлинский заболел тифом и умер в 1934 г., а Ратнера обвинили во вредительстве, арестовали в 37-м г. и расстреляли там же. Что дальше случилось с отцом Геллы – не знаю...”

22.01.35:

Читал журнал "Социалистический транспорт" № 11 за 34 г., статья о ж. д. Хайфа – Багдад. Наиболее интересной темы – пойдут ли грузопотоки Южной Персии через нее – автор почти не разработал. А что дорога эта – дань стратегическим интересам британского империализма, так ведь это ясно без особых мозговых усилий.

В части деталей быта: Белла начала заниматься стенографией – появилась возможность на службе. Я, как и прежде, состою в незаконной связи с музыкой, играю в квартете, выступал в

ДКА (Доме Красной Армии). Кстати (третье "кстати" на трех страничках размашистого текста), ты не пробовала послать струны в заказном письме. Целый праздник был бы, если б они пришли!

Левка, как и раньше, живет плохо: работает исключительно много, а толку исключительно мало. Ребенок у него исключительно чудесный, но очень тяжелый".

Но срок идет, близится к концу третья "трехлетка" Волиных и Левиных приговоров. Супруги Бромберги "в ожидании своей дальнейшей судьбы" оптимистически готовятся к освобождению.

7.02.35:

"Милая моя Катенька! Ради Бога, вернись к правильному пониманию: изголодались мы с Беллкой именно по беллетристике! А вовсе не в физическом смысле – отнюдь! И поэтому все твои заклинания, чтоб я был откровенен и сказал, в чем мы нуждаемся, построены на "ложноклассической" основе. Даю торжественное честное слово музыканта (а это не поэт, и не ученый, и даже не врач!), что мы имеем достаточно. И чтоб ты не смела высылать мне что-то чаще и больше, чем высылаешь! Два фунта отдам Леве – все-таки я зарабатываю раза в полтора больше него, он больше нуждается в таких вещах, чем я. Мы с Беллой в ожидании своей дальнейшей судьбы решили завести сберкнижку – при благоприятных условиях проехать "по всея Союзу", в Москве побывать и у ее родных в Одессе. Ты знаешь, что не так давно мы получили от Шнеера визы (приглашения. – М. Х.), страшно благодарны ему за исключительную чуткость, но, увы, воспользоваться ею не могу – не так давно мне отказали в выезде".

ЭТО НАЗВАЛИ "СВОБОДОЙ"

22.03.35. В Палестину – Е. Дорфман:

"Много семейных новостей у меня. Во-первых, со вчерашнего дня мой срок окончился, о чем я официально поставлен в известность".

(Арестован был 7.03.26. Кончил срок 21.03.35: отбыл 9 лет. И две недели в довесок.)

Первое, что сделал этот ссыльный зэк, – ушел с работы. Поначалу в никуда. В полное освобождение.

"Пока занялся домашним хозяйством – это выгоднее постоянного места работы и сулит мне неплохую квалификацию шеф-повара с отпуском обедов на вынос.

Жду твоих импрессий на "Опаленную землю". Твой домысел об аналогии – "опаленная-обновленная" – неверен. Автор хотел именно об опаленной земле говорить – уже самое название придает окраску оценкам автора. Я не думаю, что это была "клюква", – нет, несуразностей в ней немного. Автор, очевидно, был и там, и тем, о чем и о ком пишет. Соль в другом. К сожалению, я прочел только первую книгу, вторая не вышла.

"Золотой теленок" Ильфа и Петрова не читал, но слышал о нем много. Так ты в курсе нашей литературы? А как кино? Недавно смотрели с Беллой "Иудушку Головлева" – изумительная игра центрального персонажа, самого Иудушки

(народного артиста СССР Вл. Гардина. – М. Х.). Давно не получал такого удовольствия, да и не мог: только звуковое кино в состоянии перенести игру из внешне-моторного во внутренне-драматический план”.

Через полтора месяца Воля, наконец, исполнил давнюю свою великую мечту: уехал путешествовать. Не во сне ли... А вот Лева мудро предпочел остаться в уже освоенном, хотя и далеком азиатско-советском закутке.

19.05.35. Из Кичкаса – в Палестину:

”С 1 мая путешествую по суше и воде. Был в Новосибирске, куда меня приглашают на службу. Климат здоровый, хоть и суровый, город большой, ”Сибирский Чикаго”, работа – в Краевой конторе Госбанка. Emploi – то же, что здесь, в Ташкенте: экономический кабинет и научный секретариат, две хорошие теплые комнаты со светом, отоплением и – *passer moi le mot* – с теплой уборной. Так что я оформился. Поехал к папе. Проехался я вообще очень знатно: покатался на метро, посмотрел Днепрострой, купался в Аркадии, а главное – наслаждался поездом: ведь я ушиблен романтикой вагона... Путь составил около 12 тысяч километров. Дважды пересек Уральский хребет, Иртыш, Волгу, Оку, Днепр, испробовал Турксиб и пил молоко на всех станциях, а также акву-арыкву. Колитом не болел нигде, кроме Запорожья.

К концу моего пребывания у папы пришло письмо от Шуры с известием о печальном финале (очередном отказе на выезд в Палестину. – М. Х.). Папа принял его менее трагично, чем я опасался”.

Еще письмо – брату Шуре, и все на ту же тему об отмене ”свидания”.

4.06.35:

"Сегодня получили твое письмо, Шура, с тягостным известием... Маячит какая-то надежда: быть может, распоряжение, о котором ты пишешь, обратной силы не имеет – для тех, по которым благоприятное решение уже имелось? До вчерашнего дня папу в местном Интуристе обнадеживали. Однако надежда невелика. Что же делать, если отказ станет непреложным фактом?

Я перееду в Новосибирск. Буду иметь там две комнаты. Климат суровый, но здоровый. Белла, кажется, беременна. Т. е. не кажется, а безусловно. Значит, к зиме – роды".

То есть сразу по окончании срока Бромберги решились на новую попытку завести ребенка.

20.07.35. Из Новосибирска – Катеньке:

"Приехал сюда 24.06.35. Ожидается ребенок. Ша, не пугайся. Это не значит немедленно, сейчас. Дети, к твоему сведению, так не делаются, мол, вынь да положь. Овощу время в декабре сего 1935 от Р. Х. г. Но факты "упрямый вещь", говорил Ашик Баграмян, армянский поэт и упрямый курильщик, он выкуривал 75 папирос в день, а если их не было – то солому из тюфяка... Конечно, у меня беспокойно между пятым и шестым ребром. А вдруг? А если? Последняя проба пера; ведь после 32 лет рожать неинтересно, как ты думаешь? Мне, правда, не приходилось, но другие говорят.

Ведь струну-то я получил! Спасибойшее спасибо! Но вот фотокарточки не оказалось. Что за поклонник у тебя оказался неизвестный – не пойму".

20.08.35:

"...Ты объясняешь всю необходимость нашего свидания. Одну из причин я отвожу по формальным причинам: что тебе 65 лет. С чего ты вдруг завралась? Что за манера прибавлять себе годы? По моим точным вычислениям ты "держишься" в вилке 40 - 45 лет. Что за фраза - "65 лет не шутка"? А 32 года - шутка? Когда это ты успела стать старой, а я молодым? Разговоры на эту тему считай "исчерепанными".

А теперь спокойно разберемся в вопросе по существу.

Небезызвестно, что я сын своего отца. Способность к рефлексии, вероятно, тоже передается по наследству с характерной горбинкой носа. Поэтому откладываю в сторону чувства (они тебе известны) и начинаю рефлекторный процесс. 1) Я не смогу уехать, оставив здесь папу. Головой я очень хорошо все понимаю, а оставить его не могу. 2) Спрашиваешь, почему Шура мог залезть в долговую перспективу, а я не могу? Говорю, как на исповеди: я не Шура. Я не могу взять на себя роль Якова, работавшего семь лет на Лавана. Объяснюсь проще: мне отсюда кажется, что у меня там будет "три года жизни для..." И я сорвусь на этом деле... Понятно? 3) Еще и момент самый неудачный - ожидание ребенка. Учти: вторая и последняя попытка поймать ребенка. Плюс - все сбережения ушли на поездку к папе и Белле на отдых. Новых нет...

Вот три основных резиныяции. И более того: абсолютная неуверенность, что дело, мол, только в деньгах. (И кое-какие надежды на то, что не исключена возможность уехать, уплатив не фунты, а обычную валюту.)

Мне очень больно, говорю это не для тебя, а

для себя. Упрек в "миллионе колебаний" не принимаю: когда я делал попытки получить разрешение, я его не получал. Но и тогда я не ориентировался на заем и сегодня еще резче ухожу от мыслей о займе. Хотя – признаю – и объективные, и субъективные элементы моего желания свидеться с тобой не ослабели, а усилились. Я не потерял надежды свидеться с тобой, нет! Но, очевидно, не 1935 год станет годом нашего свидания...

Работаю я здесь много – с 9 утра до полдвенадцатого ночи, почти без перерыва. Сейчас более свободен. В выходной пошел на Обь, на водную станцию, наплавался, я уже 10 лет не плавал. А воду люблю во-как! Загорел хорошо, даже девицы оглядываются, а я – на них. Условился ходить на стадион, играть в теннис – но Беллка вернется, встанут другие заботы и интересы".

Как знакомы мне в Израиле въевшиеся, рефлекторные страхи экс-советских граждан перед банковскими ссудами, "петлей займа" ("Работать на Лавана..."). Как современен в нашем восприятии этот глава семьи 30-х гг., размышляющий, ехать ли в Тель-Авив с отцом или без отца, получающий вызовы, посещающий ОВИРы, надрессированный постоянными отказами... И плюс – житейские обстоятельства (вроде рождения ребенка) на ухабистой дороге отказника в любой сложный момент судьбы!

16.09.35:

"Дорогая Катенька!

...Насчет авантюризма ты права, он у тебя есть, только напрасно ты хочешь обобщить эту твою личную черту, сделав ее семейной. Не выйдет! Тетя Века? Тетя Лиза? Мама? С негодованием отвергаю твою версию. А у нас, бромбергов (с

малой буквы) – где у нас авантюризм? Я, например, такой же авантюрист, как "памятник Медному всаднику" (помнишь?)...

Работы очень много, так что вечерами дома бываю редко. Играю еще реже, что портит немалую долю настроения.

Беллино состояние не внушает тревог, все идет нормально. Надо бы ей больше двигаться, но и ей частенько случается работать вечером. Папа пережил недавно очередную эпопею "раковых опасений". Сколько себя помню – столько я помню их.

Что есть жена, весящая 53 кило, для мужа, весящего 70 кило нетто? Ничто, пыль, дыхание, зелье аолам ("пар мира сего". – М. Х.).

Лева, Эдя и Геллюсенка здесь с 12.05. Ребенок прелестный... Я очень боюсь таких детей: папаша-фрейдист уже успел, очевидно, внушить дочке основные понятия фрейдовской школы, и у дитяти – бесконечное количество всяких "комплексов", одного только недостает – комплекса спокойствия, в чем на 75% виноваты родители... Лева служит в мясокомбинате, издерган и измотан *ad pes plus ultra*".

P.S. Дописываю, т. к. получил от тебя фунт и открытку. Папе перевод уже послал, а сегодня получил от него письмо и впал в очередной пароксизм тоски: сплошной вопль о его одиночестве, о том, что дети его забыли и что эта зима будет его последней. Если бы можно было спросить: а что делать? В Одессе ведь не прописывают. Кого и о чем спрашивать?..

А почему Шурины знакомые утеряли Левин адрес? Я дело другое, меня можно и не баловать. Но Левке тяжело.

Ну, хватит плакаться в жилетку – это не в моей натуре, как не в твоей слезы туда собирать. Целую".

18.12.35:

"...Сейчас я перенес вечернюю работу домой – ведь Белле подходит страдная пора. Для этого же поставил в комнате телефон. А открытку твою я все же получил. И фунт получил, спасибо.

Сейчас у нас внимание сосредоточено на том, чем обычно кончаются законные 9 месяцев ожидания...

О радиостанции не пишут так – "мощью", а пишут "мощностью". Что за женская терминология? Твое недоумение по поводу скорости распространения радиоволны и дальностью действия разрешается, если не ошибаюсь, тем, что длинноволновые колебания больше поглощаются ионизированным слоем стратосферы, и поэтому они действуют лишь в пределах кривизны земного шара. Короткие же волны отражаются этой ионизированной средой и потом оббегают земной шар. Если я что-нибудь наврал – так с физикой знаком шапочно, и самое знакомство осложнилось развлекающей обстановкой 1918 – 1919 гг."

Этот фрагмент письма приурочен к объяснению "шапочного технаря" своей тетке на злободневную тему: можно ли услышать в Палестине выступление музыкального ансамбля с участием Воли по московскому радио. Но, кажется, Екатерина Дорфман не успела это письмо получить...

"...От папы в последних письмах имел следующие сообщения: во-первых, о письме из Одесского Интуриста. Во-вторых, как быть в связи с ликвидацией Торгсина. Что в-третьих – это тебе известно, вероятно больше моего, т. к. папа запросил Шуру, а я еще не знаю причины очередной оттяжки переезда... В конце концов, уверен, что папа и эту зиму останется в Одессе.

Где кончается здесь несчастное стечение обстоятельств, а где начинается психология – даже сам Левка вряд ли разберет.

О папе... О чем советоваться и какие решения выносить? Ясно, что я должен регулярно “продолжать высылать” деньги папе, Лева должен “более регулярно” высылать, а Бэлла должна “начать высылать”. Тем более, что папа теперь не одинок, он у Фимы”.

От Льва Бромберга за весь период 30-х гг. я нашел, кажется, лишь одно и очень грустное письмо к родителям в Одессу:

“...Ведь за закрытой дверью врача-невропатолога помещается грандиознейшая из машин – человеческая душа. Охоч я до нее! Всю бы жизнь, кажется, и занимался бы разборкой всех тел, винтиков и шпунтиков, приводов и ремней, которыми движется она как целое. И сборкой – это, конечно, дело важное. Но... но вы помните, что с раннего детства Фима строил, а я разрушал его постройки, и, привыкнув к разрушению, я не заметил, как разрушил собственную жизнь – если не всю, то ее целеустремленность – наверное”.

* * *

“Относительно свободными они были около трех с половиной лет, – говорила в Израиле Гелла, Левина дочка, “очаровательное, пухлое и кривоногое существо” из Волиного письма. – За эти годы каждый из них плодотворно работал по специальности. Отец как экономист в Наркомпищепроме Узбекистана быстро выдвинулся на руководящие посты”.

Но не три с половиной, а три года без месяца считались братья формально освобожденными: с марта 1935 года по февраль 1938 года. И сведения

об их жизни в этот "свободный" период как раз достались самые скудные. Ибо в конце 1935 внезапно умерла в Тель-Авиве женщина, чье архивное собрание писем послужило главной основой нашей книги, – врач-педиатр Екатерина Дорфман, Катенька. Эти письма были переданы родственниками в учрежденный покойным Яковом "Фонд Льва и Вениамина Бромбергов", где я их и получил.

Январь 36:

"Обещаю сделать все, чтобы получить оставшиеся после нее письма и дневники. Я не помню фамилии Софьи Давидовны – напиши.

Дико и тяжело думать о собирании чего-то, оставшегося после Катеньки.

Писать трудно. Отойдет – сообщу все о нашем. Роды благополучные, ребенок нормальный – 9 фунтов, Белла кормит – последствия Ташауза зажили. Назвали Герцем".

Как справедливо написала когда-то мемуаристка Евгения Гинзбург, "1937 год начался 1 декабря 1934 года". Братья успели понять, в какой стране и в какую эпоху они живут, и, видимо, инстинктивно стремились – спастись, избежать смертельного удара. Предельно ограничили заграничные, вообще любые контакты. Ни звука о какой бы то ни было политике в письмах. Все – внутри дома. Почти все время отдается работе и семье, чтоб спасти детей. Остаток сил на последние трепыхания – вырваться бы за кордон, в Палестину.

8.05.36:

"Вы требуете биографических сведений о племяннике и двоюродном брате? Вся его 3,5-месячная биография состоит из сна (недостаточного), крика (вполне достаточного), кушанья (регулярного и внеочередного), замачивания пе-

ленок (чрезвычайно усердного) и "гуляния": лежит, дрыгает ножками, сосет свои кулачки, которые тщательно рассматривает, пока кулак едет в рот... Болел диспепсией (нормальной), гриппом, недавно был фурункул (из-за гриппа нельзя было купать), а сейчас ему привили оспу... Думаю, что немногие из мужей – не Бромбергов – выполняют столько домашних функций, сколько Лева и я. Я стираю и глажу пеленки, хожу за обедом, купаю, пеленаю и нянчу и все прочее. Белла делает то же самое. Однако если есть материальная возможность – ее-то как раз сейчас нет, – я с очень большой охотой дам возможность Белле и отдохнуть, и почитать, и погулять, а главное – работать. То же и себе.

Очень трудно нам без родственного круга, круга друзей. Думаем все-таки перебраться пока к югу, может быть, в Одессу.

Вчера ходил в иностранный отдел. Мне сказали, что для заявления о выезде необходим документ о том, что меня примут на месте. Присланному Катенькой документу срок уже истек в июне 1935 г. Если сможешь, осведомись, могут ли такой прислать.

Недавно приехал к жене и дочке Абрам Сахнин. С ним мы жили почти неразлучно шесть лет (Ашхабад – Ташауз – Андижан – Ташкент). Попрощаться нам с ним не удалось, но он заходил к Лева в Ташкенте".

16.07.36:

"Папа прислал мне твое письмо с подробностями событий. Все же мне и сейчас многое неясно – из области внутренней "социальной химии", главное, из письма не видно, в чем "особая" позиция рабочего движения в событиях – а она, наверно, есть?"

. Воля спрашивает Якова – "Шуру" о "событиях 1936 года" – подавлении в Палестине антианглийского арабского восстания. Оно было спровоцировано массовым прибытием в страну евреев, беженцев из Европы, особенно из гитлеровской Германии. Возглавил восстание иерусалимский муфтий, ставивший карту своей судьбы и судьбы своего народа на Гитлера и Третий рейх. "Особая позиция" рабочего движения, о которой, видимо, что-то прослышал Воля – это тактика "авлаг" – "самообладания", самообороны, но не активного выступления против погромщиков: рабочее движение Палестины прокламировало такую позицию в самом начале восстания.

"...О том документе, который я просил тебя выслать: конкретных видов на разрешение вопроса в положительном смысле – никаких не имею. Просто показалось, что сейчас больше оснований для решения вопроса, чем раньше – вот и все".

Просьба была, конечно, о вызове в Палестину: в 1936 г., действительно, разрешался выезд из СССР последним советским евреем. С 1937 г. "лавочка закрылась".

"...От папы имел два письма... Мне очень больно писать это, но, Шура, я глубоко убежден, что папа и раньше не хотел ехать действительно, а лишь "жил идеей переезда". А сейчас, видимо, и идею оставил, боясь самого переезда, условий окружающей тебя жизни.

Зачем папе понадобилось просить тебя на мой адрес высылать деньги – не понимаю. Почему не получив от меня вовремя денежный перевод (почта задержалась на день), папа телеграфирует мне на службу? Вообще – зачем ты должен отрываться от себя два фунта, чтобы папа получил здесь

15 - 20 рублей, хотя они не решают дела – от нас он получает ежемесячно около 200 рублей. Все это из одного источника.

Здесь все же скажу тебе: Катенька глубоко была права, говоря, что у папы мир делится на две неравные части: огромная – это он сам, и мизерная – все остальное. Но на 74-м году жизни человека не переделаешь.

О моих перспективах: Одесса отпала, я получил официальное "сожаление об отсутствии вакансий" моей квалификации. В Новосибирске место для ребенка климатически неподходящее, а самое главное – здесь нет ни родных, ни друзей. Жду выяснения вопроса о переезде в Калинин. Лева совсем расстроен – его учреждение ликвидируется, съём квартиры кончился, поездка Эди с ребенком на Кавказ выбила совсем из финансовой колеи. Перспективы у него неопределенные."

Калинин, конец 1936 г.:

"Целую вечность не писал – вечность ушла на переезд из Новосибирска в Калинин (б. Тверь).

С устройством в Одессе ничего не вышло. Заехал в Калинин и договорился о работе. Перевезти своих мог только 4 октября, а до этого курсировал между Москвой и Калининским.

Отыскал здесь работу для Левы, да он решил перезимовать в Ташкенте. Геруська хорошо растет – имеет четыре зуба, сидит, весит 9,450 грамм, рост 70 см. Кормим его кашей и мясным бульоном, и овощным пюре. Ему ведь уже девять с половиной месяцев, уже большой паренёк.

Твое письмо, Шура, с копией визы, получил. Переезд остановил мои шаги в этом направлении. Переезжаю на Тихвинскую, дом №5, туда и пишете".

5.03.37:

"...О нас что, собственно, писать. Материально все в относительном порядке. Жизнь вертится вокруг сына и работы, это примерно 9/10 ее содержания. Время заполнено. А сведен ли баланс по существу – это вопрос другой.

Получил сборник памяти Катеньки. Разбираю с большим трудом: те крохи языка, которые знал, забылись основательно".

* * *

Это было последнее письмо в Палестину, которое получили в Тель-Авиве. Через 11 месяцев – 13 февраля 1938 года – за Волей и другими бывшими ссыльными сионистами, проживавшими в Калининe, прикатали команды на "черных марусях"...

– Мама не рассказывала мне об отце ничего, никогда, – повторил Герц Бромберг, гостивший у дяди в Тель-Авиве. – Она всю жизнь при мне работала на хозяйственных должностях при детдоме, ни у кого из детей вокруг не было отцов, ну, и у меня его не было... Я уже диссертацию успел защитить – придумал идею в автомобилестроении, оказалось, что первым в мире на нее натолкнулся. А тут – мама умирает... Перед смертью начал ее расспрашивать, она и сама хотела хоть что-то мне рассказать – и не смогла. Так долго, видимо, вытесняла из памяти все, связанное с отцом, что в смертный час – уже можно, уже нужно было! – а она не могла... Стала вдруг рассказывать, как эвакуировала детский дом в войну, как спасала детей от немцев, а про отца ничего... И умерла. В столе я нашел единственный недописанный листок об отце, написанный ее почерком. Вот...

"1963

Волинька, друг мой!

Как начать этот рассказ, ответ на твои вопро-

сы, разговор с тобой, который я давно хотела изложить, но начала только спустя 25 лет? Смогу ли я – не знаю. Все годы ты был со мной рядом – и неотступно.

В тот страшный год, когда тебя оторвали от жизни, 13.02.38, я пришла в обеденный перерыв домой и увидела разгром в квартире, спящего сына в кроватке (ты еще сумел, прижав его к своей груди, дать ему спокойно уснуть, хотя перед твоими глазами развертывалась одна из вопиющих несправедливостей), я тебя уже не застала. Мне пришлось вернуться на работу и продолжить служебный день, как будто ничего не случилось...”

Запись обрывалась.

НА ПУТИ К РАССТРЕЛУ

ПРИГОВОР N 65

...13 апреля 1939 г. Военный трибунал Калининского ВО, рассмотрев дело по обвинению граждан:

1) Шлимовича Мордуха Хаймовича, 1909 г. р., уроженца местечка Старые Дороги БССР, еврея, гр-на СССР, из кустарей, служащего, беспартийного, женатого, со средним образованием, в 1928 г. за контрреволюционную деятельность был выслан административно на три года в отдаленную местность и в 1930 г. за то же и в том же порядке был снова выслан в отдаленную местность. Наказание отбыл, до ареста работал начфинотдела Легпромстроя.

2) Белопольского Моисея Ефремовича, 1906 г. р., уроженца г. Киева, еврея, гр-на СССР, из торговцев, служащего, холостого, со средним образованием, беспартийного, в 1927 и 1931 гг. дважды административно высылался в отдаленные местности за контрреволюционную работу, наказание отбыл, работал экономистом Облпотребсоюза Потребкооперации.

– обоих в совершении преступления по ст. ст. 58-8 (террор) и 58-11 (создание группы) УК РСФСР...

3) Бромберга Вениамина Федоровича, 1904 г. р., уроженца г. Херсона, еврея, гр-на СССР, из служащих, женатого, беспартийного, с незаконченным высшим образованием, за контрреволюци-

онную работу в 1926, 1928 гг. и в 1931 г. административно высылался в отдаленные местности, до ареста работал старшим инспектором Госбанка.

4) Голодца Герца Хаимовича, 1903 г. р., уроженца г. Режица, БССР... из служащих, рабочего, женатого, беспартийного, с незаконченным средним образованием, в 1925 и 1928 гг. административно высылался за контрреволюционную работу в отдаленные местности, наказание отбыл, до ареста работал электромонтером завода "Первое мая".

5) Израйловича Льва Александровича, 1910 г. р., уроженца г. Вязьма, еврея, гр-на СССР, учащегося, женатого, беспартийного, в 1928 г. за контрреволюционную работу административно высылался в отдаленные местности, наказание отбыл, до ареста — студент пединститута.

6) Арецкого Исаака Соломоновича, 1912 г. р., уроженца Москвы... учащегося, холостого, со средним образованием, беспартийного, в 1932 г. за контрреволюционную работу административно выслан в отдаленные местности на три года, до ареста — студент пединститута.

7) Жарковского Михаила Герцевича, 1908 г. р., уроженца Варшавы, из кустарей, служащего, беспартийного, со средним образованием, в 1930 г. за контрреволюционную работу был административно выслан на три года в отдаленные местности, в 1933 г. за ту же деятельность осужден на два года лишения свободы, до ареста работал плановиком облотделения Главтабака.

Все обвиняемые в период 1917-25 гг. вошли в различные сионистские организации, в которые были вовлечены различными приманками. В дальнейшем, будучи переварены в буржуазно-националистическом котле сионистского подпо-

ля, они сами стали активными буржуазными националистами, начали активно вести буржуазную контрреволюционную работу среди еврейского населения СССР. Не встречая поддержки среди трудящегося населения, они стали постепенно вырождаться в оголтелые, строго конспирированные контрреволюционные группы, которые, потеряв надежду осуществить былые "идейки" методом агитации, превратились в прямых агентов как международной еврейской буржуазии, так и английского империализма. В этих группах стали проповедоваться такие "идеи", как построение еврейского буржуазного государства в Палестине на костях трудящихся арабов, превращение трудящихся арабов и евреев в наемников капитала и отдачи еврейского народа под высокое покровительство английского империализма. Докатившись до прямой измены своему народу, сионисты не брезговали такими методами, как террор, шпионаж и посылка за границу клеветнических измышлений о положении в Советском Союзе, за что некоторые участники получали от своих хозяев денежное вознаграждение. Катясь все ниже и ниже, они в 1935 году сгруппировались в городе Калинин, объединились в контрреволюционную организацию и поставили себе целью свержение Советской власти любыми методами, вплоть до осуществления терактов против руководителей Советской власти и ВКП(б).

Конкретно в отношении каждого подсудимого установлено следующее:

1) Бромберг в 1917 г. вошел в сионистскую организацию и, находясь в ней, вел активную контрреволюционную работу. Он последовательно занимал руководящие должности, вплоть до члена ЦК сионистской организации. Участвовал на

нелегальных конференциях, издавал антисоветскую литературу и распространял ее среди населения. Имея связь с сионистским центром в Палестине, куда посредством тайнописи пересылал различные клеветнические измышления о положении Советского Союза, получал от сионистского центра установки на дальнейшую контрреволюционную работу в СССР, получал оттуда денежные переводы как лично для себя, так и для сионистских организаций для развертывания ими контрреволюционной работы. Находясь в ссылке, Бромберг все время продолжал антисоветскую работу. Он организовывал ссыльных сионистов в контрреволюционные группы, устанавливал связь с другими ссыльными, обменивался опытом, был идеологом различных контрреволюционных установок. Впоследствии, в 1934 г., Бромберг перешел к прямой шпионской работе в пользу одного иностранного государства, к чему был привлечен один из руководителей сионистской организации, которому Бромберг передавал различные шпионские сведения. В 1936 г. Бромберг прибыл в Калинин, где вошел в контрреволюционную сионистскую организацию и, став во главе ее, руководил ее работой. Бромберг был одним из руководителей перехода ее на путь террора против руководителей Советской власти и для выполнения установки организовал террористическую группу, которая по его заданию вела подготовку к выполнению задуманных террористических актов.

Этими действиями Бромберг совершил преступления, предусмотренные статьями 58-6 (шпионаж), 58-8 (террор) и 58-11 (групповая деятельность) УК РСФСР.

2) Голодец вступил в сионистскую организацию в 1922 г. Находясь в ней, активно вел

контрреволюционную работу. Участвовал в нелегальных конференциях, организовывал ячейки, пропагандировал сионизм и занимал руководящие должности, вплоть до начальника Главного штаба и заведующего нелегальной типографией. В 1927 г. бежал с места ссылки, переменив фамилию, и встал во главе организации. Организовал нелегальный центр. Устанавливал связи с сионистским центром в Палестине... В 1929 г. Голодец связывается с прибывшим из Палестины сионистским эмиссаром, которому дает согласие вести шпионские материалы. По окончании срока высылки прибывает в Рязань, объединяет находящихся там бывших ссыльных-сионистов, а затем прибывает в Калинин и до прибытия Бромберга руководит этой контрреволюционной организацией. Голодец организовал террористическую группу и руководил всей ее практической работой. После отъезда Бромберга из Калинина Голодец снова возглавляет ее и до ареста руководит ею...

3) Арецкий вошел в контрреволюционную сионистскую организацию в 1924 г. Занимал ряд ответственных должностей, распространял нелегальную литературу. Организовал конспиративную квартиру. Находясь в ссылке, входит в группу ссыльных сионистов, пытается объединить различные течения в одну организацию и активно участвует в нелегальных собраниях, одобряет переход на путь террора и шпионажа, снабжает одного агента иностранной разведки шпионскими сведениями. Впоследствии вошел в тергруппу и по ее заданию несколько раз выезжал в Москву, где пытался изучить маршруты следования автомашин руководителей Советской власти и ВКП (б), собирая таким образом данные для осуществления задуманных злодеяний...

4) Израилович в контрреволюционную сионистскую организацию вступил в 1925 г. Занимал ряд видных постов вплоть до эмиссара главного штаба и руководителя Одесской организации, причем в целях конспирации изменил свою фамилию на фамилию Гурвич... Израилович был осведомлен, что некоторые участники организации ведут шпионскую работу, одобрял террор и сам вошел в террористическую группу и по ее заданию выезжал в Москву для сбора данных движении автомашин руководителей...

5) Жарковский вступил в контрреволюционную сионистскую организацию в 1924 г. Состоял членом центрального бюро. Вел тайнописью переписку с другими сионистскими организациями, информируя их о ходе контрреволюционной работы. В 1928 г. Жарковский дает согласие одному руководителю контрреволюционной организации, агенту иностранной разведки, вести активную шпионскую работу. Будучи сослан, не прерывает связей с другими участниками контрреволюционных групп, помогает им совершать побег с мест высылки и организует ссыльных в группы. В 1931 г. прибывает в г. Калинин, где вошел в организацию. Одобряет переход к террору, позднее сам вошел в террористическую группу...

6) Шлимович вошел в сионистскую организацию в 1923 г. Участвовал в нелегальных собраниях, занимал руководящие посты, вел антисоветскую агитацию, связывался с другими организациями и вербовал в них новых членов... В 1935 г. прибыл в Калинин, установил связь с другими участниками сионистского подполья и затем участвовал в переходе к террору...

7) Белопольский вошел в контрреволюционную сионистскую организацию в 1925 г. Занимал

руководящие должности, пропагандировал контр-революционный сионизм (остальное – аналогично предыдущим...)

На основании вышеизложенного Военный трибунал приговорил:

Шлимовича Мордуха Хаимовича и Белопольского Михаила Ефремовича ...подвергнуть тюремному заключению на 10 лет каждого, с поражением политических прав на 5 лет каждого, с конфискацией всего лично принадлежащего им имущества.

Жарковского Михаила Герцевича... подвергнуть тюремному заключению сроком на 20 лет...

Бромберга Вениамина Федоровича, Голодца Герца Хаймовича, Израйловича Льва Александровича и Арецкого Исаака Соломоновича по совокупности совершенных ими преступлений подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять.

Все лично принадлежащее им имущество – конфисковать.

Срок наказания исчислять с 13 февраля 1938 г.

Приговор может быть обжалован в Военную коллегия Верховного суда в кассационном порядке в течение 72-х часов с момента вручения осужденному.

Справка: на основании определения Военной коллегии Верховного суда СССР от 5.07.1939 г. ВМН-расстрел Бромбергу В. Ф. заменяется лишением свободы на срок 20 лет с последующим лишением прав на срок 5 лет”.

Типовой документ бериевской юстиции вызывает размышления и вынуждает к комментариям.

1. Следствие заняло невероятно долгий для эпохи “скоростных процессов врагов народа” срок: арестовав в феврале 1938 года, во времена Ежова, семейных калининских сионистов-террористов, их осудили

Военным трибуналом через четырнадцать месяцев (!) – в апреле 1939 года, уже при новом наркоме, Лаврентии Берия. К моменту суда уже их следователи успели попасть под истребительный молот новых репрессий (в июне 1940 года Воля писал из зоны:

“Встретил здесь одного знакомого калининца, рассказал много интересного: освобождено много парработников Калининской области, а также о судьбе таких людей, как Рождественский, Сидоров, Тулин. Первому я радуюсь, а от второго – мне не легче, нет”).

К моменту смены режима в НКВД подследственные сионисты еще не были отправлены под трибунал – и по стандартным нормам бериевского судопроизводства могли бы подпасть под “амнистию” 1939 г. (Лаврентий Павлович считался тогда “либералом”, его приходы к властвованию над органами нередко знаменовались смягчениями, послаблениями и амнистиями. Объяснялось это несложно: сметливый и энергичный нарком-министр предпочитал наличную полезную рабочую силу утилизировать в государственных интересах, а не складировать в братских могилах – в отличие от щедрого на расправы Верховного шефа и собственных коллег).

– Кого же сионисты хотели убить в Твери? – спросил я Якова Бромберга.

– В Калинин – Калинина. И еще Ворошилова. Почему Ворошилова? Откуда я знаю... Ика Арецкий – студент-заочник, Израйлович – тоже студент, оба ездили в Москву на сессии, там их взяли, побили, выяснили: студенты разведывали маршруты Калинина...

Яков подумал и добавил:

– Может, на самом деле ходили посмотреть, как ездит по городу президент страны? Почему нет?

Тут припомнилось, что “всесоюзный староста”, единственный из кремлевских царедворцев, одно

время, в 1937 или 1938 годах, находился в опале, и в наказание вождь лишил его охраны, потому Калинин передвигался по Москве относительно свободно, это вызвало некие толки среди тогдашних инкоров...

От сионистских заблуждений, как можно понять, тверские подследственные не отмежевывались, но террор, организацию и шпионаж приходилось в НКВД выбивать из них долго – все-таки все уже не по разу прошли тюрьмы и были явно покрепче стандартной клиентуры органов. Вот фрагмент из письма, полученного в 1982 г. Герцем Бромбергом, Волиным сыном:

"В конце 36 – начале 37-го в Калининне жил брат моей жены Миша Белопольский, и потому мы были в курсе дел всех проживавших там... В феврале 1938 г. я находился в командировке в Москве, позвонил брату жены, трубку взяла хозяйка его квартиры и сообщила о его аресте. Значительно позже, из рассказа твоей матери, я узнал, что их арестовали по навету товарища, жившего в Москве, – его, конечно, били и пытали (фамилию его не помню). Здесь всех семерых избивали, подвергали пыткам. Добивались подтверждения какой-то организации. Но они пытки выдержали и не подтвердили, чего не было. Моего шурина избивали в тюрьме, обливали холодной водой, и в итоге он заболел скоротечным туберкулезом и в августе 1939 г. умер. Всех остальных ОСО приговорило в Колыму. Из 6 человек, отправленных на Колыму, трое там погибли, а трое вернулись, в том числе твой тезка Герц Голодец. Муж Дины Львовны тоже там погиб. Герц выжил, потому что работал все время на отвозке нечистот из барачков. Твой отец был интересным, интеллигентным человеком и выдержать те ужасные условия он, конечно, не мог. Мне повезло, что я не попал в Калининскую

группу, проходил одиночкой в Киеве и по ОСО на 8 лет направлен в Соликамский лагерь на лесоповал. Затем жене удалось добиться в Соликамске моего перевода на строительство бумажного комбината в Котласе. Останься я еще на месяц на лесоповале – был бы там навсегда.

Мама тебе никогда не рассказывала обо всем этом, беспокоясь за твою судьбу и за свою также. Мои дети также ничего не знали до 1949 г., когда меня повторно арестовали. А полностью узнали только в 1955, когда меня реабилитировали.

В Израиле, в Тель-Авиве, живет брат моей жены – брат-близнец того Миши Белопольского, который тогда в Калининне погиб. Один здесь остался, а второй в 1929 г. уехал в Палестину. Так вот складываются судьбы людей... Что помнил – все тебе написал. Сообщи, пожалуйста, получили ли ты это письмо. Целую вас М. Ф."

2. 1939 год – все-таки не тридцать восьмой, и Военный трибунал не мог не догадываться, что убийство т. М. И. Калинина сионистами в областном городе того же именованя по заданию палестинского Центра в Тель-Авиве смотрится довольно маловероятно – тем паче, что сами следователи уже сидели в камерах по обвинению в фабрикации вредительских дел – по заданиям, возможно, все тех же зарубежных центров и их агента, врага народа Ежова. Осуждение сионистов в этой ситуации могло стать результатом только высокого политического решения.

3. Обвиняемым вынесли смертный приговор, и три месяца потом их держали "под вышаком" в камерах смертников. Это тоже косвенно свидетельствует о необычной стойкости: сценаристы и художники-постановщики спектаклей НКВД нередко выносили фальшивые смертные приговоры именно для того, чтоб в будущем легче сломить помилованных, но непокоренных смертников.

3. На то же дело должны были вытащить из Средней Азии Льва Бромберга: на свое счастье, он не жил в Калинин, где заботливый брат уже успел подыскать ему работу. Льва поэтому арестовали в Ташкенте. Дочь Гелла вспоминала:

"Что я помню? Ночной обыск перед последним арестом отца. Меня, четырехлетнюю, вытащили из кровати и положили на стол под очень яркий свет, а мать кричала: "Оставьте, оставьте ребенка, у нас нет никакой подпольной литературы". Помню, как меня звали "дочка врага народа", запрещали детям играть со мной во дворе. Мать переехала в другой район, к текстильному заводу, где устроилась работать врачом."

— Они хотели везти Леву в Калинин, — рассказывал мне Яков, — но врач ташкентской тюремной больницы отказался выдать его на этап. "Он не переживет этапа, я выписать его на этап не могу" — и все! Они отступились. Оформили дело в Калинин без Левы, и ему по тому делу дали только ссылку на пять лет в Якутию...

"Отец получил... ссылку по этапу в Якутск — несмотря на большое сердце и трофическую язву на ноге, — продолжала Гелла. — Он шел по этапу на костылях, дошел — и умер в Якутске в 1946 г.

О его этапе рассказывалось в письмах, уничтоженных, к сожалению, моей матерью (держат их было опасно). Одно из них я очень хорошо помню. Отец писал, что их везли на барже по Лене, вероятно, в конце навигации, потому что впереди шел катер, прорубавший лед. Они стояли в трюме, где нечем было дышать. Многие не выдерживали, выбирались на палубу, где замерзали. Отец писал об одном замерзшем священнике, маленького роста: он замерз, сидя в

согнутой позе на палубе, разогнуть его не могли и посадили в ледяную могилу в согнутом состоянии.

Потом мы уехали в Якутск к отцу. Помню, как приехали к нему месяца за четыре до начала войны. Отец жил на окраине, в доме с покосившимся высоким крыльцом, были морозы, надо было быстро счищать снег лопатой и веником, иначе снег превращался в лед и в дом нельзя было войти. Постоянно топилась железная печь, когда она раскалялась, железо светилось в темноте красным светом, мы каждую ночь ждали пожара. Помню, что половина кирпичной дымовой трубы обвалилась, валялась грудой у крыльца, и надо было перелезть через нее по дороге в школу. Сразу за домом начиналась тундра, с низенькими деревьями, темная и сырая. Рядом было маленькое кладбище с низенькими крестами без надписей. Так продолжалось около года. Потом матери, которая быстро стала главврачом местной больницы, дали маленькую квартиру в благоустроенном по тем временам доме. Правда, зимой там было очень холодно. Там мы жили до конца войны. Наш адрес был "Лагерная улица, дом № 1": прямо за ней размещался лагерь для политзаключенных, обнесенный колючей проволокой. Я помню многих из этих людей. Во время войны большинство из них было расконвоировано, им дали возможность работать в городе: это были инженеры, врачи, учителя, один был даже доктором философии Гейдельбергского университета. Ночевать они, правда, обязаны были в бараках, там зимой было очень холодно, бараки промерзали насквозь, люди болели и умирали.

Где-то году в 43-м власти стали сквозь пальцы смотреть на то, что ссыльные, у которых в городе имелись квартиры, а таких было много, оставля-

ли у себя ночевать этих лагерников. В те годы у нас ночевало по 4 - 5 человек. Потом некоторым разрешили поселиться в городе, а другие куда-то исчезли, наверно умерли. В Якутске мы жили до 1946 г. Отец только первый год работал в какой-то артели. Уже в начале 1942 г. его взяли в Наркомат пищевой промышленности Якутии, и он, хотя был ссыльным, начал быстро продвигаться по службе: война, работать некому, а тут способный и знающий человек, очень контактный, умеющий и организовать работу, и найти оптимальное решение для ее выполнения. В 1944 г., сразу по окончании срока ссылки, его назначили начальником Планового управления Наркомата. Он умер от инфаркта в 1946 г. сразу после того, как слетал в командировку в Москву во главе группы работников Наркомата. Там он защищал проект первого послевоенного пятилетнего плана развития Якутии. Много лет спустя мне говорили его сотрудники, что это был последний пятилетний план, составленный грамотно. Отцу, конечно, не нужно было лететь в эту командировку - с его больным сердцем, уже перенесшим два инфаркта, на костылях, ему нельзя было ходить по начальству, выбивая ресурсы, доказывая, убеждая в необходимости развития той Якутии, где он раньше был ссыльным. Но он говорил, что долг превыше всего. Когда он умер, за гробом шло очень много народу, все как-то забыли, что хоронят "политически неблагонадежного". В 1946 г. ему не исполнилось и сорока восьми лет, но я думаю, как ни кощунственно это звучит, что хорошо, что он умер тогда, а то бы первая послевоенная волна репрессий его бы захлестнула".

Первое письмо от Воли с этапа пришло к Белле с Дальнего Востока, из пересыльного лагеря в бухте Ванино, где заключенные ожидали начала навигации.

27.03.40:

"Я счастлив, что налаживаются связи и могу петь, как поют колымчане:

Я живу у Охотского моря,
Где кончается Дальний Восток.
Я живу без надежд и без горя,
Строю новый стране городок.

Пока я, правда, живу не близ Охотского моря, но уж скоро наступит весна, придет пароход, и, верно, загремлю на Колыму.

Все больше и больше знакомлюсь с Гусенком по твоим письмам. Как быстро он вырос! Может, только кажется, потому что часы остановились для меня два года назад! Нет, видимо, сказалось все, что пришлось пережить маленькому человечку за его коротенькую жизнь. Чего стоят одни путешествия! Родиться в Новосибирске, ехать в полгода в Москву, оттуда в Калинин, потом в Алма-Ату, затем вновь в Москву — это не проходит бесследно. Верю, что из нашего ребенка вырастет хороший, интересный и полезный человек. А пока пусть растет, крепнет и не знает забот под твоим крылышком, любя, если мне не суждено его растить вместе с тобой".

Через страницу:

"...Мне так живо вспомнилось свое детство. Ружье! Оно появляется рано утром, и, просыпаясь, в сладкой дреме чувствуешь, что оно вот тут, у постели, лежит, новенькое, блестящее, несущее тебе радость ТВОЕГО праздника, неповто-

римого, когда весь мир любит тебя и дарит такие желанные и недоступные в будни вещи. Хорошо! Я даже скажу тебе по секрету, Лик, что именно с таким чувством я жду сейчас, когда будет готова моя скрипка. Это будет мой день, скрипка будет моим ружьем. Как я рад за сынишку, как тепло думать о его детском счастье!

Ты пишешь о своих воспоминаниях накануне 7.02. Родная, я живу этими же воспоминаниями и немножко надеждой. Твое "сегодня", реальность, я, конечно, представляю себе, думаю о нем много и часто. Но эмоционально мне ближе воспоминания, они жгут сердце. Почему? Твое сегодня – это и мое сегодня, немилое, нерадостное, но горькое и темное. Но зачем заглядывать в будущее...

...О себе – что писать? Работать продолжаю там же. Сейчас у нас полный рабочий день – до 7 вечера. Но я привык, и потом... Потом совершенно иначе работается, когда кувалда покушала. Вот и Герц Голодец, который работает в мастерской, как-то сказал мне, что как-то пришлось 15 минут помахать ломом – и бедняга выдохся. Я доволен, что умею работать ломом по 10 часов, но ничего отрадного не вижу в ломе. Пока вопрос о переходе на одно кустарное производство не удастся решить. Впрочем, маловероятно, чтоб я вообще тут остался – лед в заливе уже дает первые признаки... Между прочим, калининцы, уехавшие в Находку, во всех отношениях выиграли. Рад за них. Если предстоит Колыма – ее не "заговоришь". Что она представляла из себя в 37-38 годах, я знаю, некоторые изменения к лучшему – тоже. А что готовит судьба сейчас – узнаю, и никуда от нее не денусь.

...Я писал уже тебе, что тут посчастливилось несколько раз поиграть и выступить в бараках. В

клуб пока не пускают, мешают некоторые особенности моего приговора...”

ВМН – “высшая мера наказания”, даже и замененная, она сильно отягощала режим зэка в зонах.

“...Сейчас владелец скрипки уехал на этап. Между прочим, я показал “Воспоминания” одному музыканту, и самое отрадное, что он сказал: “Сохранен благородный стиль пушкинского романса”, и только об одном месте выразился – “влияние оперного стиля”. Такие серьезные слова! Правда ли это? Когда-нибудь узнаю.

Наконец, узнал, что комнату тебе дали. Как бы взглянуть одним глазком на эту комнату. И хоть на миг на тебя, на Гуську! Лик, сколько раз я был мысленно в этой комнате – был с тобой, моя любя! А радио есть? Проведи, если не очень обременительно материально, – пусть тебе и Гусенку звучит музыка. А самое главное, если ты правду написала – что ты поправились. Работать до 12 ночи – представляю, как весело... Но ведь годовые отчеты ты уже сдала? Люба, обрадуй меня, напиши, что ты была в театре или на концерте, что прочла интересную книжку – и не в поезде, а дома, отдыхая при свете лампы. Моя милая кроха, жизнь ведь идет – и, может стать-ся, наше с тобой “сегодня” – на долгие годы.

P.S. Вчера вечером, как раз после окончания письма прибежали от начальства – выступать в клубе. Хотя выступление не состоялось (не смогли достать скрипку, она была заперта), но на 5 апреля в клубе назначен вечер самодеятельности в клубе. Пожелай, чтоб хоть на этот раз в моей лагерной жизни немного повезло.”

9.04.40:

“...Я тебе отправил пять писем! Неужели ты не получила ни одного! Отсюда так редко и плохо

доходят письма! Три дня назад ушли письмо и телеграмма, которые я три раза переписывал, а они все не уходили! Вот оно, Ликусик, 10 тысяч километров, и Дальний, очень Дальний Восток... Беллонька, не отчаивайся – ведь когда мы с тобой прощались – условились не поражаться молчанию, помня, что оно может быть случайным. По твоему письму вижу, что ты устала – и физически, и душевно... Я уверен, что тебя достаточно ценят на работе и тебе надо только выйти из привычного уже режима ночной работы. Очень тебя прошу – дай себе немного побольше отдыха, не растрачивай сейчас все силы. Знаю, что восстанавливать их ты вряд ли имеешь возможность – о том, как ты живешь, имею вполне ясное представление, хотя об этом ты не пишешь ни слова. Ты о себе вообще почти ничего не пишешь. Лик, Лик! Разве так можно? Ты хочешь, чтоб я тебе откровенно сказал, что Гусенок – это Гусенок, а ты для меня этим не исчерпываешься, при всей моей любви к сынишке, при всей боли от разлуки с ним? Почему ты молчишь о себе?

О себе могу вот что сообщить. Вчера ушел первый пароход на Колыму, и я на него ПОКА не попал. Отсюда нельзя делать обобщений – могу попасть хоть на следующий рейс. Есть, правда, кой-какие основания думать, что эта возможность немножко отдалилась от меня: я начал работать в столярной мастерской, которую ДО СИХ ПОР не трогали на этапы. Работаю у скрипичного мастера, и на нас начальство обращает, по-видимому, немалое внимание – это дело их заинтересовало. Сейчас работаем над шестью инструментами. Лужик, как я рад, что попал на эту работу! Если бы мне удалось полгода-год поработать так – кто знает, куда бы потом повела

меня эта дорожка и в лагере и вне лагеря. Говорят, будет выделена в мастерской отдельная бригада по музыкальным инструментам. Если это так, может быть, мне повезет и меня не повезут (нечаянно вышел лагерный каламбур). Загадывать не буду, т. к. это бесполезно. Колыма ВСЕГДА реальна; все остальное – будет или нет.

Моя собственная скрипка делается теперь при моем непосредственном участии. Будет готова, если ничего не помешает, недели через две. Я тебе как-то писал о своей тайной надежде – а вдруг я сумею удержаться на поверхности, а не под ней – благодаря музыке? Таких примеров в лагере много. Правда, МНЕ мешает многое (именно – особенности приговора). Но – надеюсь на судьбу. Поэтому решаюсь просить тебя: вышли мне струны (в два приема хотя бы, но поаккордно, ты ведь знаешь, какие в аккорде четыре струны: одна витая, две жильные и тонкая стальная "ми"). Может, я их получу. Это будет недорого стоить, а может сослужить мне большую службу.

Что еще о себе? Я здоров, болел только от противотифозных уколов. Стал, по-видимому, более вынослив, чем был, хотя выгляжу не лучше. Работаю по-лагерному немало, т. е. прихожу в барак вечером, к восьми, ухожу утром в восемь. К внешнему своему виду привык, к остальному тоже. Бодрости не теряю нисколько. Да вот и мой мастер, парень лет 28-и, крестьянский самоучка, очень талантливый и интересный, но страшный младенец душой, к тому же очень смешливый. Я, как тебе известно, тоже люблю посмеяться. Вот мы и "хохмаемся" друг с другом, даже когда бываем в очень несмешной обстановке.

О себе все, потому что дальше неизбежно начну говорить о том, о чем говорить не следует,

– о чем думается, когда думается вообще...

Лучше поговорим о том романе, который ты описывала в прошлом письме. Ты хочешь знать мое мнение? Автор вкладывает СВОИ мысли в уста героев – а это в беллетристике признак низкого уровня мастерства.

То, что ты написала мне о Гусенке в последнем письме – о его новой игре с тобой в "папу" – меня, признаюсь, надолго выбило из колеи. Я так ясно представил вас обоих, моего крошку и тебя, так защемило сердце, так стало дико и противно, все впереди стало таким ненужным и неизмеримо тяжелым. Но "письмо" его ко мне – пришли обязательно. Снимись с ним, дай мне возможность смотреть на вас и безумно мечтать о вас обоих".

27.04.40:

"С наслаждением читаю все, что ты пишешь о Гусенке. Его рисунки – это прелестная свободная композиция. Видишь, как отражается на ребенке быт: я помню домики, которые рисовал, это всегда были одноэтажные домики, а мой сын рисует высокие многоэтажки: трубы нет. А в тогдашних условиях как можно было обойтись без трубы и дыма, выходящего из нее завитушкой. Ах, сын, сын, ты уже ушел на собственную дорожку, пусть она будет тебе дорожкой счастья, веселья и здоровья.

Уже все в бараке спят. Я пишу на колене, на нижних нарах. Меня тоже клонит ко сну. Прости, кончаю письмо. Если ничего не произойдет "этапного", через пару дней напишу еще. Но, видно, этим летом все же быть на Колыме".

9.05.40:

"...Я здесь с Герцем Голодцом, оба мы живы и здоровы, вдвоем нам легче. Если дальше судьба

не разлучит, скажем ей спасибо.

Душевное равновесие сохраняю, ты можешь быть спокойной. Нашел здесь тоже скрипку и играю. Если человек просит меня сыграть молодого Глюка и, ощущая скрипку, закрывает глаза и потом долго стоит молча, я понимаю, что он многое вспомнил, что на минуту ушел далеко – и я счастлив вместе с ним. Если человек говорит мне, что "я становлюсь человеком, когда вы играете", – я тоже становлюсь человеком... Это трудно написать, пожалуй – и рассказать. Надо видеть, чтоб понять.

У нас тут дожди, противные, осенние. Они обычно длятся до середины июня или конца его. А у вас, верно, давно тепло и ягоды есть? Гусенок может бегать, загорать, купаться, быть в лесу, крепнуть и расти – и мне веселей становится. Мне недавно снились ты и он, но совсем маленьким: стоял в кроватке, в рубашке, с босыми ножками и смотрел на меня".

20.06.40:

"Я нахожусь в ЭТАПНОЙ зоне с 20.05., жив и здоров. Куда буду направлен – не знаю, либо в Находку, либо на Колыму. Будь готова к тому, что письма от меня будут очень редко приходить – только в период навигации. Буду ли я направлен в Находку или все же попаду на Колыму – пока не могу твердо сказать. Герц и Ика Арцкий тоже здесь. О Находке знаю лишь то, что она расположена в 230 км отсюда по железной дороге, климат там такой же, как здесь, и там разворачивается большое строительство лагеря и нового города – Жданова. Эти три обстоятельства делают отправку туда очень желательной, в отличие от Колымы. Ну, посмотрим, сыграет ли мне судьба "в ящик" или нет! И в том, и в дру-

гом случае не думаю унывать. Колыма – так Колыма. Очень надеюсь на свою музыку. Говорят, эта надежда – реальная. Кроме того, теперь будто бы наш брат легче используется по специальности.

Моя готовая, но не собранная скрипка в вещах – увы, раздавлена, но остались некоторые важные части. Надеюсь на месте собрать инструмент. Струны я не достал, хотя тут они и были – не удалось мне. Надеюсь от тебя потом получить.

Самочувствие? Здоров. Не ною. Будущее не обдумываю, ибо бесполезно. Ничего о нем не знаю, в частности, ничего хорошего. Вместо – обдумываю прошлое, это куда интереснее и приятнее, и действует благотворнее любого алкоголя.

...Вот какие фокусы климата: Владивосток на параллели Ниццы, даже южнее Одессы, а лето наступает в конце июня. Как Гусенок – загорает, купается? Вот бы поглядеть на него, а?

Скрипка, на которой я здесь играл, уехала отдельно. Уехал и мой скрипичный мастер. Жаль. Мы с ним хорошо сдружились – молодой, душевно неиспорченный, детской души парень, и золотые руки. Он очень хвалил мои руки и не верил, что я никогда в жизни не работал столяром – хотя очень ругал за два миллиметра излишне снятых с шейки одной из скрипок. Смогу ли я дальше работать скрипки там, куда меня сошлют...”

30.08.40:

”Пишу второе письмо отсюда, с Колымы. Оно поневоле будет такое же краткое, как первое. Мой адрес: Магадан, Хабаровского края, п/я 3261/76, для меня.

Я прошу тебя, родная, писать мне как можно чаще, потому что если я и писем получать здесь

не буду — то тогда вообще не знаю, что со мной будет. Телеграфируй тоже почаще — понимаю, что это расходы, но что же делать, Лик! Посылки были бы очень и очень кстати, но если еще не успела отправить их, то вряд ли я получу их до зимы, а это решает вопрос. Лик, если можешь, сделай это сейчас.

О себе не знаю, что писать. Жив. Здоровье — еще не подорвано настолько, чтобы терять надежду. Сил мало, это правда, но зависит это не столько от органических пороков, сколько от частных обстоятельств и условий. Живу надеждой получить от тебя весточку, которая была бы светлым лучом для меня. Кроме этого — никаких желаний, если не говорить о постоянных — сна и пищи.

Я НЕ потерял себя, Лужик, но не скрою — часто думы идут не туда, где надежды, а в сторону. "Человек есть то, что он ест", говорит пословица.

Жажду знать, что с тобой, с Гусенком, где вы, вообще подтвердить себе, что вы — есть, думаете обо мне, что ты вспоминаешь меня. Попутчиков и друзей всех растерял — это очень тяжело... Напиши мне адрес брата Левы, я хочу ему написать.

Пока ничего об устройстве своих личных дел не могу сообщить утешительного. Дальше — посмотрим, особенно зимой. Не отчаивайся, что бы ни принесло будущее".

29.06.40:

"Если я не все пишу, так тут моего желания недостаточно, нужно иметь возможность сделать это. Поверь, Белла, что я часто, очень часто остро ощущаю потребность написать тебе ВСЕ, и думаю, что решил бы сделать это, вопреки

внутреннему стремлению НЕ увеличивать твой груз душевный. Но пока это – невозможно. А ты о себе пиши все, так, чтобы я знал, а не догадывался... Можешь себе представить, как резануло по сердцу, когда я увидел, что Гуськино письмо – вскрыто и пусто.

...Ты пишешь, какие между тобой и Гусенком отношения – и правильно ли ты их строишь? Если стремишься воспитать в ребенке, наряду с послушанием и чуткостью, уважением к тебе (любовь сама создается) – еще и самостоятельность, мужественность, то ты абсолютно правильно делаешь. Важно, чтоб ребенок не рос, привязанный к маминой юбке, чтоб он не только не полагался на абсолютный авторитет матери и отца, но при необходимости сам, соразмерно своим силекам и маленькому опыту мог ориентироваться – сначала в своем детском мире, потом во взрослом.

О себе – ничего нового. Здоров и по-прежнему способен смешить людей. Сейчас я не в духе, потому что у меня ячмень и насморк – основные болезни, которыми болею иногда (не часто). Судьба дальнейшая пока неизвестна, но, видимо, пока утвердился ее колымский вариант. Трезво смотря на вещи, я знаю, что мне может угрожать: цинга, обмораживание конечностей, ожог легких и не восстанавливаемое питанием понижение физических сил. Первая и последняя – вопрос удачи или неудачи, ну и, прямо говоря, учитываю, что и ты мне поможешь – хотя знаю очень хорошо, как тебе и всем вам живется...

А во всем остальном – что раздумывать? Если выживу – хорошо, нет – тоже ничего страшного после всего пережитого. Я к этому готов и думаю, Лик, что и ты мужественно смотришь на будущее”.

19.10.40:

"Какой сегодня хороший день! Я неожиданно получил твою посылку, адресованную еще во Владивосток и высланную из Запорожья. Пусть это еще не ответ на мои попытки связаться отсюда, из Колымы, но ты собирала эту посылку, твоей рукой она надписана, твоя забота вдруг обогрела меня еще раз. И пришла она, эта посылка, очень вовремя: сахара и жира (об урюке говорить нечего) я давно не ел и сразу почувствовал, что значит сахар и жир здесь...

Главное, Беллонька, это часто писать и телеграфировать. Счастлив здесь тот, кому часто пишут: он получает если не все, то большую часть корреспонденции. Для меня получить от тебя первую телеграмму — все равно, что пловцу увидеть далеко в беспокойном море твердый и родной берег. Луженька, я не буду тебе писать подробно обо всем, что пришлось и, быть может, еще придется испытать. Ты вправе лишь знать, что сейчас я, кажется, уже пристал к берегу жизни, если, конечно, не произойдет что-нибудь непредвиденное. Физическое состояние мое выправляется, отеки становятся меньше (это так называемые безбелковые отеки, отчего они и к чему — может тебе рассказать любой врач). Сейчас я переведен с прежней командировки (Нижнего Нечаянного) на центральный лагпункт. Это уже третье место здесь (сразу я попал совсем в новую командировку — Ранний Ключ). Здесь я работаю уже не в забое, а дневальным в палатке музыкоманды — это ведь несравнимые вещи. Главное, что тепло! Зима началась пока мягко, снега большие, но морозов еще нет. А будут! И если я проведу зиму так — ты можешь быть спокойна вполне. Оставили меня здесь как единственного

скрипача. Сделали руководителем джаз-оркестра. Один раз я уже выступал (это с неузнаваемыми, изуродованными от мороза руками!), и приняли очень хорошо: люди давно не слышали скрипки. Завтра первое выступление джаза. Мне трудно-то приходится: опыта нет, а здесь раньше был руководителем профессионал. Ничего, справлюсь, только набраться бы сил. Работы дневальному здесь не так уж и много. Деньги с лицевого счета еще не прибыли, но нашелся один еврей, очень хороший человек, который вынудил меня взять у него 25 рублей, и пока я имею на первые нужды: на письма, телеграммы, хлеб.

Я потерял, Лик, Герца, — последнего из всех спутников и самого дорогого для меня. Это очень, очень жаль. Где он? Имеет ли Блюма что-нибудь от него?

Несколько человек с моими сроками вышли либо на свободу, либо на переследствие. Что говорить тебе о моих думах? Они между сладкой надеждой (м. б. , и я поеду??) и темной мыслью, что не для меня счастье... Лично я думаю, что в конечном итоге судьба моя — в моих руках, и если поиски справедливости будут бесполезными — я смогу сам ею (своей судьбой) распорядиться по собственному усмотрению. Уверен, Лик, что если б ты могла сейчас глянуть на вещи и жизнь моими глазами (повидав все, что они видели), то и ты не нашла бы иного решения. Ясно, вероятно, и тебе, что ни двадцать лет срока, ни пустая, беспредметная надежда не есть решение. Ладно, оставим эту очень серьезную тяжелую тему на то время, когда я буду знать больше, чем сейчас.

Сегодня как раз 4 года 10 месяцев Гусенку. Недавно, сидя ночью на дежурстве (я по ночам обязан дежурить и сейчас тоже пишу ночью), взялся рисовать его с фотокарточки. Но ничего

не выходит: вся прелесть этого милого серьезного личика пропадает.

Я часто думаю, как тебе вдвойне трудно: и внешне, и внутренне. Не думай, что представляю такой сладкой твою жизнь, потому что ты там, а я здесь. Нет!! Сладость мечты в том, что там — мы вместе могли бы нести и делить трудности”.

2.11.40:

”Позавчера меня осматривал главврач больницы, очень хороший и хорошо ко мне относящийся человек. Сказал: ”Организм у вас очень неплохой. Срок вам дали, очевидно, по его общему состоянию. С сердцем у вас вот что: явления со стороны миокарда, аорты и — склероза. Последнее рановато для вашего возраста. Кроме того, у вас безбелковые отеки, вы знаете, что это значит, время от времени будем класть вас в стационар. Основное — надо бы поправиться, но...” Насчет ”но” я знаю лучше него... Не беспокойся, зиму я продержусь, а весной легче, да и ты сможешь мне немножко помочь весной”.

28.11.40:

”В этом письме могу только добавить, что хотя сейчас я по-лагерному хорошо себя чувствую, работая дневальным в музкоманде и руководя джазом, но беда в том, что лагерь — это только сегодня: завтра все может перемениться, и я покачусь с необыкновенной легкостью вниз, как катился в июле-августе-сентябре. Будем надеяться, что зима пройдет для меня благополучно, а если нет — что можно сделать? О здоровье писал уже: миокардит, аорта, склероз, в остальном удовлетворительно. Самочувствие? Лик, мне трудно писать об этом. Лгать тебе — не хочу. А правда — сложная и нерадостная. Чаще всего яс-

но ощущаю безнадежность положения, конченность того, что было и, вероятно, не будет...

Гусенку я написал особое письмо в обычном письме – и жду его "ответа". Боже мой, ему скоро пять лет. Из них три без меня прошли, а сколько еще пройдет – ни я, ни ты не знаешь. Какой он? Мне трудно, просто невозможно представить его пятилетним – и в снах, и в думах я вижу его двухлетней крошкой. Здесь время для меня остановилось. "Часы жизни остановились..." Когда стоишь на заснеженной сопке, смотришь в бескрайнюю жестокую даль таких же снеговых сопок, думаешь о себе и о тебе, тогда, Лик, жизнь кажется опустошенной и ненужной, признаюсь тебе без гримас и наигранной бодрости, но за нее цепляешься, за нее борешься, в надежде – авось!..

Джаз мой работает, и я постепенно вхожу в "форму". Девятого – большой концерт, хотя это слово звучит здесь так сиротливо и неуместно. Морозы уже начались, но пока - 35 - 40, - 43, и мне они не страшны: получил новые ватные брюки, новый хороший бушлат, ватную шапку. Правда, у меня в сентябре дочиста украли все, что ты мне прислала на зиму, но мне тепло, это факт, и я очень жалею только твои труды, заботу и средства.

...Когда держишь в руках листок "оттуда" – какое странное и сложное чувство: радости и – новой тоски, надежды и неверия, сознания огромного одиночества – и горячей ниточки, связывающей тебя с дорогими твоему сердцу... Эх, Лик, Лик! Приведется ли еще рассказать тебе обо всем этом? Да или нет? Сердце говорит – да, разум – нет.

С Икой Арецким я расстался еще в Магадане".

11.04.41:

"Зима кончается, сегодня по-настоящему пригрело солнце – и я решил, что нет сил больше молчать, что надо написать тебе, пусть даже это письмо не скоро дойдет до тебя, если дойдет вообще. Навигация открывается с середины мая – еще месяц. Так много хочется написать, такое ощущение одиночества – и так сильно ощущение невозможности передать тебе суть чувств и дум. Почему? По многим причинам. Часть – "прозаического", так сказать, характера. А главная – глубокая пропасть, незаполнимая разница в том, что называется жизнью – твоей и моей. Внешнюю сторону твоей жизни я знаю, внутреннюю могу себе представить достаточно ясно. Внешнюю сторону моей жизни ты не знаешь, и я не могу тебе ее представить. А уж внутреннюю... Куда уж!

Зиму, начиная с 4 октября, провожу здесь, на центральном участке. До этого побывал на двух других, и к концу сентября был в состоянии более, чем жалком. Но вот уже шесть месяцев я не на общих работах (недавно только на месяц попал на дровозаготовки, но восстановлен в прежнем статусе). Дневалю в музкоманде, руковожу джазом и играю в пьесах (даже женские роли!..). Морозы прошли – и 40, и 50, и 60 градусов холода, но я провел их в тепле, а здесь это на 75% определяет твою судьбу зимой. Я имею возможность не нуждаться в хлебе, а это остальные 25 процентов.

Теперь идет весна, с ней меня переведут в забой (это наиболее вероятно), потому что начинается промысловый сезон. Но я уже не тот, каким привезен был сюда: накопил опыт года жизни на Колыме. Если судьба оставит меня здесь до осе-

ни, то второй сентябрь буду встречать, может быть, не в таком плачевном виде, как первый.

...Тут письмо – целое событие – получить его все равно, что выиграть по лотерейному билету... Как трудно, как невозможно трудно хоть на миг представить себе, что я еще смогу когда-нибудь слушать вместе с тобой ту музыку и это радио, что я еще увижу тебя и ребенка. А надежду на что-то надо как-то поддерживать, пусть искусственно, иначе все сегодняшнее окончательно теряет смысл. Может, потому с таким острым ощущением тоски и надежды ощущается "чувствительный" романс:

Проходят годы безвозвратно,
Но продолжаю я грустить.
Я жду тебя, мой друг, обратно
В надежде снова полюбить.
Веселья час настанет снова,
Вернешься ты, и вот тогда
Давай дадим друг другу слово
Не расставаться никогда..."

28.05.41:

"Спешу черкнуть хоть пару слов, используя благоприятный и неожиданный случай. Времени в моем распоряжении – полчаса. Постараюсь написать самое главное.

Я... жду твоих писем. Пришел пароход и привез около миллиона писем. Я надеюсь, что и мне есть. Я так истосковался по твоим письмам.

Я уже не дневалю, а работаю: ношу с сопки дрова. Пусть тяжело, но если еще лето удержусь на этой работе и не попаду в забой – значит, мое счастье. Я здоров, не отчаиваюсь, хотя на душе очень тяжело. По-прежнему мечтаю лишь о том, чтоб хоть как-нибудь попасть отсюда на материк. Но путь один – это пересмотр дела. Только. При-

слали мне мои 130 рублей с лицевого счета — очень кстати, но пришли они из Бухты Надежда: вот еще раз судьба кажет мне, как не повезло! Луженька, я должен кончать письмо, меня торопят. О Гусенке думаю каждый день, его фото вставил в рамочку. Тут есть дети, я их вижу, и это еще раз напоминает, как мерзко и страшно изуродована наша с тобой жизнь”.

“Как мерзко и страшно изуродована наша с тобой жизнь” — последние его слова, дошедшие до нас с Колымы.

Впрочем, остался и более поздний документ — “Заявление”, излюбленный жанр эковской документальной литературы. Это записка, по пунктам разбирающая последнее в жизни Вениамина Бромберга обвинительное заключение, завершившееся для него вторым (и исполненным) смертным приговором в мае 1942 года:

“Протокол об окончании следствия, г. Магадан, 30.05.42

...рассмотрев следственное производство... по обвинению заключенного Бромберга Вениамина Федоровича в предъявленных статьях 58-10, ч. 2-я УК РСФСР... по делу #7410 в 1-м томе на 100 стр... после чего обвиняемый был опрошен — не желает ли он чем-нибудь дополнить следствие, на что обвиняемый Бромберг В. Ф. заявил:

Прошу приобщить следующее мое заявление:

заявляю, что в показаниях свидетелей обвинения имеется ряд моментов, изобличающих этих свидетелей (Седова, Егорова и Струлева) в явной клевете и лжи на меня. Эти моменты следующие:

1. И Седов, и Егоров показывают, что я якобы неоднократно бывал освобожден от тяжелой физической работы врачами Ржедниковым и Блицинским, уклоняясь тем самым от общих работ.

Заявляю, что ни разу за все время моего пребывания на Л/П "Ударник" ОЛП "Нечаянный" я не был освобожден ни этими врачами, ни лекпомами. Тем более, что ни Ржедников, ни Блицинский как врачи-хирурги стационара ОЛПа никакого отношения к освобождению от общих работ не имели.

2. Все три свидетеля обвинения приводят фразу, якобы сказанную мною: "Всякий кулик свое болото хвалит", при этом Егоров говорит, что я якобы сказал это про выселение какого-то епископа из его дома при вступлении Красной Армии во Львов; Седов заявляет, что эту же фразу я сказал о геройском поступке какого-то летчика во время рассказа Струлева. Заявляю, что эту безграмотно искаженную поговорку я не употреблял ни в том, ни в другом случае. Егоров приписывает мне ее и в третьем случае — по поводу сообщений Совинформбюро.

3. Свидетель Егоров заявляет, будто бы я, обсуждая с ним советско-финское столкновение, клеветал на Красную Армию. Между тем, я появился на Л/П "Ударник" много времени спустя после этого столкновения (в октябре 1941 г.).

4. Свидетель Егоров неоднократно заявляет, что он "не помнит точной даты", но что я якобы "вообще клеветал на Красную Армию и ее руководителей", "не верил сообщениям Совинформбюро" и т. д. — но не приводит ни точных дат, ни случаев этого.

5. Седов заявляет, что якобы в сентябре в помещении старостата в присутствии Демича, Левчука и Струлева рассказал, что по слухам произошло самоубийство руководителя партии, правительства и Красной Армии Сталина И. В. и что этот разговор якобы прекратил Струлев. На очной ставке со Струлевым Седов уже говорит,

что, кроме них, присутствовали при разговоре Демич и Чернышев, а на очной ставке с Левчуком — опять не упоминает Чернышева, а указывает на Левчука. Но ни Левчук, ни Чернышев, ни Струлев на допросах не подтверждают наличия этого разговора, правда, Струлев "припоминает" его только после того, как Седов пересказал при нем этот якобы бывший разговор.

6. Егоров показывает, что после рассказа Майера о том, как вели себя немцы в оккупированных районах, я сравнил эти зверства и издевательства фашистов с выселением какого-то епископа из его дома при вступлении Красной Армии в Львов. Седов показывает, что якобы сам расспрашивал Майера об этом. Майер ни того, ни другого не подтверждает. Заявляю, что не только не присутствовал при разговоре, но никогда не сравнивал осквернение могилы Толстого, имеющей всечеловеческое значение, с выселением епископа из его дома. Это грубая фальшивка, сочиненная Седовым в меру его безграмотности и подсказанная им Егорову.

7. Седов приписывает мне фразу, якобы "вот вас начали кормить вместо хлеба газетой "Советская Колыма". Это для всех знающих меня лагерников — ясная и совершенно грубая фальшивка: я за газету отдам последний хлеб.

Еще раз перед следственными органами, перед прокуратурой, перед Трибуналом заявляю:

Я сделан жертвой гнусной и подлой клеветы и провокации со стороны Седова, который организовал показания Егорова и Струлева. Никто из знающих меня в лагере и опрошенных не подтверждает этой клеветы и не может подтвердить. Подлинный облик свидетелей обвинения — это облик клеветников и провокаторов, которые должны были бы ответить перед судом за совершенное ими гнусное дело.

30.05.1942. В. Бромберг

Больше заявить ничего не имею. В. Бромберг".

Во внутрिलाгерном приговоре следствию не было нужды (и потому указаний) придумывать сценарий про шпионаж, террор против вождей, создание тайной организации. Но если даже принять пункты обвинительного заключения за истину (почему бы нет? Хотя ясно, что они не были достаточно подтверждены свидетелями и опровергались обвиняемым), то расстрелян был Воля по следующим эпизодам дела – я их все-таки подытожу:

1) неодобрительно отозвался о советско-финской войне;

2) не доверял правдивости сводок Совинформбюро;

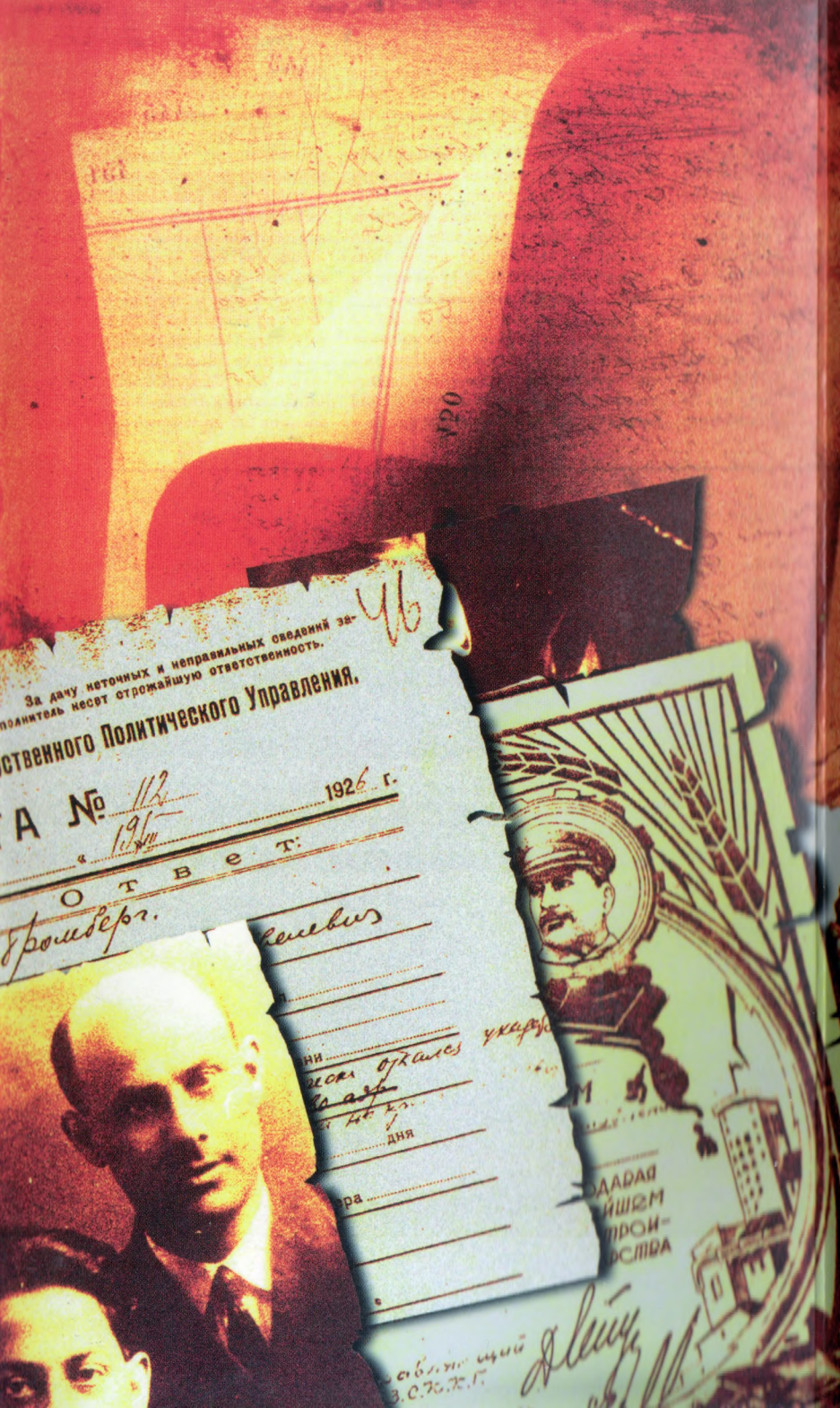
3) в период долгого молчания Сталина (с 3 июля по 7 ноября 1941 года, т. е. в период летних поражений 1941 года) предположил, что Сталин покончил с собой;

4) осудил грубое обращение советских властей со львовским архиепископом (Шептицким?) и сравнил это хамство с осквернением гитлеровцами могилы Льва Толстого;

5) был недоволен нехваткой хлеба в зоне и качеством газеты "Советская Колыма".

"Точную дату его смерти установить не удалось. Вероятно, и никакой могилы не было – была общая яма, как во многих местах России" – из речи Геллы Бромберг на собрании, посвященном памяти братьев Бромбергов, в 1989 г. в Тель-Авиве.

"Теперь точная дата убийства известна: 31 июля 1942 года" – из письма Герца Бромберга автору.

Михаил Хейфец Воспоминаний Грустный Свиток

Михаил Хейфец

Воспоминаний Грустный СВИТОК

